

ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

(с включением записки Герцена)

Статья М. Мерво

Публикация и комментарии Л.Р. Ланского и М. Мерво ^{22*}

Если публикуемые письма Н.А. Тучковой-Огаревой, обращенные к Огареву (и частично к Герцену), вносят нечто новое в историю их отношений, то это главным образом не факты и не события, а то, как переживала их Тучкова-Огарева. То же можно сказать и о некоторых аспектах биографии Герцена и Огарева, освещаемых в этих эпистолярных документах.

Та, которую по семейной традиции потомки Герцена и теперь еще продолжают называть “злой Натали”, без сомнения, была умным и интеллигентным человеком, но нрав у нее был нелегкий. Старшая дочь Герцена Тата, по собственным словам, “всегда защищала” Тучкову-Огареву, но и она утверждает, что у Натальи Алексеевны был невыносимо тяжелый характер¹. Даже М.О. Гершензон, несмотря на свое непреклонное желание “реабилитировать” ее, вынужден был признать, что Наталья Алексеевна сильно баловала и вместе мучила усыновленных ею в конце жизни детей своим “неровным характером”². Импульсивная, привыкшая судить больше сердцем, нежели рассудком, как признает она сама, Наталья Алексеевна была человеком сильных страстей, прямолинейным и в любви и в ненависти. К тому же она обладала сильной склонностью к мечтательности и “героическому”, по ее мнению, романтизму³, что в значительной мере и явилось причиной ее жизненного краха. Важнее всего, однако, то, что этой энергичной женщине, жаждавшей деятельности и счастья, никак не удавалось найти себе занятий, которые могли бы обеспечить ей независимую жизнь и облегчить ту цепь ужасных злоключений, что на нее то и дело обрушивались. От своего отца-декабриста она, вероятно, унаследовала склонность к благородным делам, но если одно время она и мечтала вместе с Огаревым “умереть на баррикадах”, то от полного понимания революционного идеала издателей “Колокола” и от их беззаветной преданности делу освобождения русского народа она была очень далека. Это отчетливо видно из ее письма к Огареву от 21 января 1872 г., которое мы публикуем ниже и к которому еще вернемся.

Известно, что вскоре же по прибытии в Лондон у Натальи Алексеевны произошло столкновение с Мальвидой Мейзенбург, воспитательницей дочерей Герцена. Мейзенбург желала ограждать девочек от влияния русской среды, которая, по ее мнению, портила их. Что же касается Натальи Алексеевны, то она искренне стремилась стать для детей Герцена второй матерью — в память о своей страстной привязанности к его покойной жене. Ее единственной мечтой, напишет она в 1860 г., было жить для детей Н.А. Герцен, обосноваться в Париже с Татой, Ольгой и своей дочкой от Герцена — Лизой⁴. К несчастью, Наталья Алексеевна совершенно лишена была способности кого бы то ни было воспитывать, как об этом свидетельствует то ужасающее воспитание, которое дано было ею собственной дочери Лизе. С другой стороны, ее отношения с детьми Герцена от первого брака, особенно с Ольгой, всегда имели конфликтный характер, как отмечается, между прочим, в публикуемом ниже письме Натальи Алексеевны к своей бывшей гувернантке Каролине Мишель.

Главным источником недоразумений, разногласий и всякого рода столкновений являлось, однако, запутанное положение, вызванное сближением Натальи Алексеевны с Герценом. Порабощенная своим страстным чувством, она сильно страдала от почти не скрываемого равнодушия к ней Герцена⁵ и от горя, которое ей суждено было причинить Огареву. Возможно, что она страдала бы меньше, если бы подчинилась авторитету “принципала”⁶, не выносившего систематического противодействия внутри своей семьи. Но “злая Натали”, в противоположность первой жене Герцена, не переставала бунтовать против его требований и, как пишет Огарев в одном из своих стихотворений, противопоставляла ему свой нрав “дикой волчицы”⁷. Столкновением этих двух натур, “одинаково требовательных и одинаково деспотических”⁸, в значительной мере и объясняется крах их отношений. Властная по природе, Тучкова-Огарева требовала от Герцена гораздо большего, чем он мог дать (она и сама признавалась в этом⁹), и не только потому, что Герцен всегда проникнут был желанием все свои силы и время посвя-

^{22*} Л.Р. Ланским публикуются и комментируются письма 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 59, 60;

М. Мерво — письма 5, 26, 39, 41, 42, 43, 45, 53, 56, 57, 58, 61, 62;

И.Г. Птушкиной — письма 1, 2.

Статью Мерво и его комментарии перевел с французского Л.Р. Ланский.

щать революционному делу, но и вследствие некоторых его предрассудков, о которых мы скажем ниже. К тому же Наталья Алексеевна отнюдь не являлась тем сотоварищем по борьбе, которого, вероятно, желал бы иметь в лице своей жены Герцен. Совершенно непричастная к революционному делу, она мечтала о “нормальной” семейной жизни, о прочном положении и завидовала судьбе женщин, открыто живущих под одной кровлей со своим мужем. Эксцентричная и праздная, глубоко разочарованная в своих ожиданиях, она без конца угрожала, что уедет в Россию и увезет с собой обожаемую и Герценом, и Огаревым Лизу. Таким образом, повседневная жизнь, то и дело сопровождавшаяся семейными сценами, превращалась в сущий ад. Тучкова-Огарева не только мучила Герцена, но и губила его время и силы, — об этом отчетливо свидетельствует его переписка. И Огарев, и Герцен рассматривали совместную жизнь с нею как жизнь в сумасшедшем доме — Бедламе. Известно, что набросок “комедии” Огарева 1857 или начала 1858 г. носит именно такое название — “Бедлам”¹⁰. В письме к Герцену от мая 1860 г. Огарев подводит баланс этой безвыходной ситуации, с исключительной точностью анализируя состояние мысли всех трех действующих лиц: Герцен настойчиво осуждает “эгоизм” Натальи Алексеевны, портящей всем жизнь, ее надуманную любовь к нему и его детям; Наталья Алексеевна, в свою очередь, страдает оттого, что чувствует себя одинокой и чужой всем, считая, что она слишком дорого платит за ошибку и с излишней жестокостью наказана за свое неумение воспитывать детей Герцена, словно с ее стороны это “намеренное зло”; сам же Огарев упрекает себя за то, что позволил себе внести “элемент нового горя” в жизнь Герцена¹¹.

Но вся ли вина лежала на Тучковой-Огаревой? Думать так было бы несправедливо. Если у нее и происходили стычки с детьми Герцена, на которых она, впрочем, смотрела как на взрослых людей (“каждому детскому проявлению, — писал Огарев, — дает значение совершенного преступления”¹²), то следует признать, что почти все они, со своей стороны, не считались с деликатностью ее положения. А в этих конфликтах Герцен постоянно проявлял обидную для нее тенденцию принимать сторону своих детей. Это неизбежно усиливало взаимную натянутость и вызывало у Тучковой-Огаревой горькое чувство, что никто ее не ценит и не понимает. Вот чем в значительной мере объясняются ее суровые суждения о детях Герцена — например, в публикуемом ниже письме к бывшей своей гувернантке К. Мишель. Но было нечто еще более важное: Герцен вследствие сохранившихся у него отдельных дворянских предрассудков и мысли не допускал, чтоб его близкие отношения с Тучковой-Огаревой стали известны посторонним, а тем более его детям. С этой точки зрения он казался своей подруге менее свободомыслящим, чем была она сама, и это не без удовлетворения подчеркивалось ею. Впрочем, Герцен оканчивает тем, что сам признается в своих заблуждениях (в письме к дочери Ольге от 13 июня 1869 г.)¹³.

Таким образом, двусмысленная ситуация, в которой постоянно находилась Тучкова-Огарева, объясняет гораздо больше, чем столкновение характеров, всю глубину размолвки, заставляющей ее оказывать Герцену постоянную оппозицию, и причину того ужасного напряжения, которое не переставало между ними сохраняться. Так, во всяком случае, считала она сама¹⁴. И позднее она будет особенно настаивать на *социальном* аспекте их драмы, утверждая, что “внешняя обстановка” их жизни разделяла их больше, нежели разность во мнениях¹⁵. Вполне понятна поэтому ее навязчивая идея — возвратиться в Россию. Идея эта обернулась отъездом Натальи Алексеевны с малолетней Лизой в Германию, едва не закончившимся полным разрывом с Герценом. Публикуемые ниже письма, сохранившиеся в “амстердамской коллекции” и Российском государственном архиве литературы и искусства, свидетельствуют о глубине переживавшейся ею драмы¹⁶.

Как мы видим, Тучкова-Огарева выстрадала больше, чем все остальные участники этой драмы, вследствие того, что совершенно замкнулась в себе и предавалась разьедающему самоанализу, как об этом свидетельствуют ее дневники. Терзаемая чувством вины за необдуманную связь с Герценом, считая, что она искалечила и свою жизнь, и жизнь своего первого мужа, Наталья Алексеевна утратила, как она пишет, веру в себя и самоуважение. Полная тревоги за будущие Лизы, растравляя в себе угрызения совести, она, по-видимому, больше всего страдала от “секретности”, которую ей навязывал Герцен и которая осуждала ее на жизнь во лжи. “Нелегальное” положение и невозможность вести нормальное существование по временам исторгало у нее душераздирающие призывы о помощи. Вот почему она не желала принимать постоянные упреки Герцена и Огарева. Некоторые из впервые публикуемых писем подтверждают, что она была проникнута сознанием чинимой ей несправедливости: “Огар(ев) писал больше один упреки”, — замечает она (п. 26). Заявляя, что недовольна письмами к ней Огарева и Герцена, что они ее глубоко огорчают, она в то же время непоследовательно пишет им: “Не бойтесь огорчить меня вашей откровенностью...”. Находя “столь несправедливым” письмо Огарева, она все же отдает должное его нравственной чистоте и просит у него помощи, ибо

он “маяк”, “освещающий всю ее дорогу” (п. 17)¹⁷. Нередко она судит себя без всякого снисхождения: “Как мне совестно, что я вас так мучу...” (п. 37). В одном из писем 1862 г. она доходит до того, что сравнивает себя со злойшей трактирщицей Тенардые из “Отверженных” Гюго, тиранившей маленькую Козетту¹⁸.

И в самом деле, Тучкова-Огарева оказывалась виноватой гораздо чаще, чем другие участники драмы. Не говорили ли в ней тревоги совести, когда она настойчиво требовала от Герцена и Огарева, чтоб они уничтожили ее письма к ним? Она подвергалась всеобщему осуждению. Даже Огарев, обычно склонный к снисходительности, кончил тем, что признал тщету всех своих усилий “спасти” бывшую жену. В недатированном письме к Герцену (публикуемом в книге 1-й наст. тома) он пишет, например: “Если б Н(атали) поняла, что она становится ниже самого простейшего существа, может самолюбие воскресило бы ее”.

Особенно настойчиво обвиняют ее в эгоизме. Действительно в ней нередко проявляется неприятная “гипертрофия личного”¹⁹. Черта эта еще более осложнялась помещичьими традициями. В юности Наталья Алексеевна бравировала презрением к ним, но за границей они в ней то и дело проявлялись, образуя причудливый контраст с революционными идеалами Герцена, а также с упрощенным, неустроенным бытом Огарева. “Помещичьи привычки”, в частности, при воспитании Лизы, приобрели поистине катастрофический характер, причем Наталья Алексеевна все приносила в жертву своему стремлению всячески улаживать собственных детей. Поступая так, она сознавала, впрочем, что сама портит жизнь своей старшей дочери. Именно об этом говорила она сама²⁰. Известно, что после самоубийства Лизы, в 1875 г., Тучкова-Огарева с трезвым пониманием своей вины признала себя столь же “преступной”, как Ш. Летурно, из-за которого и решилась на страшный шаг Лиза²¹.

Герцен доходит до того, что говорит о “патологическом состоянии” своей второй жены. Он уверен, что она сознательно культивирует в себе мрачное состояние духа. Живя в постоянном ожидании кары, Наталья Алексеевна не отрешается от траурных настроений, не снимает с себя черного платья. Веселый нрав и оптимистическое восприятие жизни ей не были присущи и до ее переезда в Англию. Она отдавала себе полный отчет в “ошибке”, которой являлся ее союз и с Огаревым. При виде того, как он злоупотребляет алкоголем и какой уединенный образ жизни ведет, она испытывает “унижение” и “пытку”. К неудовлетворенности прошлым присоединилось и сознание краха своей связи с Герценом. Мученически страдая, она стала жаждать смерти, являвшейся для нее постоянным искушением еще до того, как ее сразила гибель детей-близнецов (см., например, письмо от 16 ноября 1864 г., предшествовавшее их смертельному заболеванию). Известно, что мысли о самоубийстве приходили ей в голову с первого же года ее совместной жизни с Герценом²².

Огарев, без сомнения, был прав, когда писал, что его бывшая жена совершенно неспособна быть счастливой и что ему в свое время следовало бы воспрепятствовать ее сближению с Герценом, ибо в удачу этого союза он и тогда не верил²³. Его исключительно резкому суждению о Наталье Алексеевне (в августе 1874 г.)²⁴ впоследствии будут вторить и не менее жесткие, но все же заслуженные, вероятно, приговоры его биографов.

После мучительной смерти от дифтерии малолетних детей-близнецов Натальи Алексеевны она “ранаена насмерть”²⁵. Ее трагическая настроенность еще более усиливается, и мысль о смерти все сильней и сильней овладевает ею²⁶. Три публикуемых нами письма непосредственно связаны с этой драмой. Первое, от 14 декабря 1864 г., адресовано Герцену, два других, от 28 декабря того же года и 6 января 1865 г., предназначались для Огарева. В этих письмах вновь возникает чувство собственной вины, грызущее ее после страшного несчастья: зачем привезла она детей в Париж, где их ожидала смертельная болезнь? Если б Огарев сказал “хоть слово”, повторяет она, то они были бы в живых... Наталья Алексеевна больше, чем когда-либо, верит в проклятье, тяготеющее над нею и над теми, кто ее окружает. Она ассоциирует себя с чудовищной судьбой, убившей ее детей, и завидует тем, кто полностью впал в безумие и жаждет присоединиться к своим близким в небытии, предчувствуя приближение новых несчастий. Не является ли смутным и в то же время роковым предвидением трагической судьбы Лизы утверждение Тучковой-Огаревой, что она в состоянии вынести все, лишь бы Лиза не умерла до нее?²⁷

Особенно глубокое отчаяние вызывает у нее уход из жизни ее любимицы Лели, скончавшейся за несколько дней до своего брата-близнеца. В “Записках” она говорит о ней как о своем “усопшем счастье”, “богатстве”²⁸. В письме от 28 декабря 1864 г. Наталья Алексеевна находит еще более конкретные и впечатляющие образы. Леля-гёрл была ее звездой, вероятно, не без основания; в ней она видела особенно удавшуюся личность, как бы свою “сестру-близнеца”. В течение нескольких лет ей во сне будут являться ее умершие дети, особенно Леля-гёрл. Они будут вставать перед нею — то живые, то мертвые. В письме от 6 января 1865 г. она описывает одно из этих сновидений — признаки мелькающих возле нее близнецов. Сознывая,

что дети ее окончательно покинули, она в то же время дает себе слово никогда с ними больше не расставаться. Когда же сон ее “счастливее”, говорит она в своих дневниковых записях, т.е. когда она вновь перед собой видит свою Лелю живой, то для нее это словно “молнии”, освещающие ее “темную жизнь”²⁹. Чаше, однако, ее посещают сновидения с более развернутыми, кошмарными подробностями, как, например, в ночь на 19 ноября 1866 г., когда она отправляется на поиски Лели и находит ее в сыром подвале, серьезно и грустно, со скрещенными руками и угасшими глазами. В другой раз она видит ее в гробу; девочка с трудом открывает глаза и говорит, что ей хорошо. Или еще чудовищный кошмар: она видит как погребальный катафалк расплющивает своими колесами гроб в одной из могил³⁰.

Испытывала ли Тучкова-Огарева хотя бы малейшее утешение от ума и исключительных дарований Лизы, заявившей В.И. Баксту по-французски: “Я хочу писать сказки для детей, потому я хочу переводить, вы поправите, и мы пошлем их дяде (т.е. Герцену), он напечатает у Чернецкого или в “Колоколе” то, что ему понравится” (п. 47)³¹.

Герцен и Тучкова-Огарева ведут теперь кочевую жизнь. Их переписка оставляет ощущение непрерывной чехарды и неправдоподобной психологической игры в прятки. Считая свое положение безвыходным, Тучкова-Огарева живет в вечном ожидании пятого, последнего акта своей личной трагедии. К тому же, состояние здоровья Герцена резко ухудшается. Наталья Алексеевна замечает это, и ее охватывает тревога. В одном из своих писем к Огареву она касается этой темы: “Я хотела сказать тебе только, что здоровье Г(ерцена) меня беспокоит, — он теряет память, раздражителен, нервен — усталый” (п. 49).

После смерти Герцена “мир неизвестный” (посмертный) все более заселяется дорогими для Тучковой-Огаревой существами. Словно предчувствуя, что ее мрачные мысли могут оказать пагубное воздействие на судьбу Лизы, она живет теперь в предощущении близкой смерти своей дочери.

Нельзя обойти здесь молчанием многозначительное письмо Натальи Алексеевны к Огареву от 21 января 1872 г. Мотивируя свой настойчивый совет осторожностью и реализмом, Тучкова-Огарева производит резкий нажим на своего бывшего мужа. Опасаясь, как бы он снова не подпал под влияние Бакунина и нечаевских методов политической борьбы, она чуть ли не требует, чтобы бывший издатель “Колокола” полностью прекратил свою революционную и общественную деятельность, которую она рассматривает теперь как ошибку и донкихотство; она даже предлагает ему уехать из Женевы и совместно с нею и Лизой поселиться где-нибудь в другом месте (п. 58). Однако, возмущаясь тем, что Бакунин и, возможно, Огарев снова охвачены “нечаевским” революционным пылом, она не может не признаться все же, что Огарев и в последние годы своей жизни продолжает испытывать “жажду дела”.

Публикуемые письма Тучковой-Огаревой, как и остальные, уже известные, представляют собой как бы фрагменты огромной исповеди и являются отголоском переживаний, отражением семейной трагедии, о которой с полным правом можно было бы сказать, что она имела столько же личный, сколько и социальный характер. Трагедия, назидательная в той же мере, в какой ее действующие лица — люди, явно стоящие выше обычного уровня, терзались противоречиями между словом и делом и не в состоянии были разрешить расхождения между желанием изменить социальные отношения и бессилием преодолеть в своей частной жизни прежние дворянско-помещичьи привычки. В этом она заметно отличалась от “новых людей” 1860-х годов³². Она лишь изредка отрывалась от своего “маленького мира” семейной жизни, чтобы примкнуть к общественной деятельности (напомним, например, ее участие в манифестации в пользу Польши 21 июня 1864 г.) или к литературной жизни своих сотоварищей по эмиграции. К этому политическому и литературному миру она присоединится лишь впоследствии, ретроспективно, своим трудом переводчицы, издательницы произведений Герцена и мемуаристики.

Письма публикуются впервые по автографам *РГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 97, л. 18–19 и 20 (п. 1–2; процитированы и проаннотированы в *ЛЖГ* II, 288 и 338–339); ф. 359, оп. 1, ед. хр. 107, л. 16–17 об., л. 18–19, 20–20 об., 22–23 об. (п. 23, 30–32); *РГБ*, ф. 69.10.80 (п. 44), а также по автографам и ксерокопиям с автографов *IISG* (все остальные). Уже во время подготовки настоящей публикации в “*Revue des Etudes Slaves*”, 1990, № 2 М. Мерво напечатал письма 5, 26, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 53, 56, 57, 58, 61 и 62.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо Таты Герцен к М.О. Гершензону от 17 мая 1914 г. (*АО*, 294). Ср. ниже в наст. разделе ее воспоминания о встрече с Татой в 1911 г.

² *АО*, 291.

³ Там же, 262.

⁴ Письмо к Огареву без даты (относится к лету 1860 г.). — РП IV, 234–235 и письмо к Герцену от 7 сентября 1860 г. (там же, 236–237).

⁵ Об этом свидетельствует и п. 16, в котором Нат.Ал. пишет Огареву: “Об Г(ерцене) что тебе сказать, — да, он очень поверхностно меня любит”.

⁶ Т.е. Герцена.

⁷ Поэма Огарева “Настоящее и думы”, 1863 (“Лит. наследство”, т. 61, с. 640).

⁸ Вяч. П о л о н с к и й. Семейная драма Герцена—Огаревых (АО, 9).

⁹ Отрывки из воспоминаний Нат.Ал. (там же, 259).

¹⁰ “Бедлам, или День из нашей жизни” (РП IV, 194–200). Л.Р. Ланский предлагает чтение (по автографу ИСГ) четырех не разобранных М.О. Гершензоном слов в 8-м явлении комедии (РП IV, 200, строка 22): *станет у меня и веселья*.

¹¹ Там же, 218–219; ЛХ, 347–350.

¹² См. письмо Огарева к Герцену от 2 сентября 1857 г. (“Лит. наследство”, т. 39–40, с. 374; ЛЖГ II, 365).

¹³ Сообщая Ольге, что Лиза — ее сестра, Герцен признавал, что секрет этот соблюдался вследствие “мелочных соображений, которые все портят”, и намекнул на “ложное положение”, явившееся их результатом. Прежде он возражал против того, чтобы она называлась Герцен-Огарева (см. XXX, 131–133).

¹⁴ Письмо к Герцену от 14 июня 1869 г. (АО, 66–67) и к сестре Елене Сатиной от 13 июля 1869 г. (там же, 68–69).

¹⁵ Там же, 259.

¹⁶ См., например, письмо от 9 августа 1859 г.

¹⁷ Герцен также говорил об Огареве как о “маяке” в своем письме сыну от 14 июня 1862 г. (XXVII, 235).

¹⁸ См. п. 35.

¹⁹ В. П о л о н с к и й. Цит. статья (АО, 14).

²⁰ В письме к Герцену от 7 сентября 1860 г. Нат.Ал. соглашается с тем, что навеки испортила жизнь дочери (РП IV, 236). В письме к Огареву от октября 1860 г. она также признает, что действовала очень эгоистично, отдавая себя лишь Лизе (там же, с. 234).

²¹ Письмо Нат.Ал. к Ш. Летурно от марта 1876 г. (АО, 237).

²² АО, 266. См. также дневник Нат.Ал. 1857 г. (РП IV, 182 и 189).

²³ Письмо Огарева к Герцену 1860 г. (ЛХ, 350); см. также собственное свидетельство Нат.Ал. — “Моя исповедь” (АО, 264).

²⁴ См. АО, 100.

²⁵ Выражение М.О. Гершензона (там же, 289).

²⁶ В своих “Записках” 1869 г. Нат.Ал. настойчиво повторяет, что она погубила своих детей и что над ней совершается “медленная казнь” (там же, 253).

²⁷ АО, 252.

²⁸ Там же, 249–252.

²⁹ Там же, 253.

³⁰ Там же, 249–252.

³¹ Без сомнения, Огарев передал Саше Герцену слова Лизы (20 января 1866 г. — см. выше письма Огарева к Саше) после этого письма. В письме от 14 января Герцен спрашивал Лизу: «Когда же ты мне напишешь в “Колокол” сказочку?» (XXVIII, 142).

³² См. упом. статью Вяч. Полонского (АО, 12).

1

ГЕРЦЕНУ

(Лондон, 29 или 30 мая 1856 г.)¹

Я знаю, что ваше положение тяжелое, знаю, что я приехала поздно²; вы мне отвестили, но я себе не простила; я вижу, что нельзя будет исполнить того, что она³ хотела, и виноватых нет, кроме меня. Зачем скрывать перед вами, да, мне страшно тяжело смотреть издали на детей. Нечего и спрашивать вас, можем ли мы вынести для вас что-нибудь; конечно, мы должны это сделать, но надо вам сказать, что я ничего не жду от этого. Дети в разных руках будут еще дальше друг от друга, и не ждите, чтоб что-нибудь привело к развязке, будут тяжелые, учтивые, ревнивые отношения, и все тут. Мы друг другу не сделаем наружной неприятности. Я скажу вам все: когда я приехала, первые дня я думала, что она⁴, действительно, всеми силами старается заменить детям незаметно мать; но, взглядываясь пристальнее, я увидела, что Тата совсем (1 нрзб.), я ни разу не видала ее ласки к Тате. Холодность, равнодушие ее вредили Тате, а я невольно буду отдалять ее еще более от М(ейзенбуг). Обожание к Оле не менее вредно, я лично в этом уверена. Эта умная девочка находится в такой противоположности между вспыльчивостью и требовательностью m-lle Meils⁵ и сенти-

ментальностью обожания m-lle M(eysenbug), и вот что в ней по преимуществу развивается: самолюбие и хитрость, а иногда и дерзость к m-lle Meils.

Я думала сначала: ну, дети пристроены, коснуться до них страшно, они на хорошей дороге. Но теперь, ознакомившись, я вижу совсем другое, это желание отдалить Сашу, желание держать Тату и Олю далеко друг от друга; все это глубоко меня огорчило, и я вижу, что тут ничего не сделаешь⁶.

Я не хотела вам говорить об одном, хотя и замечаю это уж более недели: Олиньку отдают от меня. С того дня, как я ходила ее укладывать, M(eysenbug) сама ее отводит наверх, я это заметила, но не хотела позволить себе верить, что это делается нарочно; теперь с неделю, как Оля почти не хочет подойти, и два дня, как она отворачивается, когда я подхожу к ней. Раз мне это было так больно, что я видела на лице M(eysenbug) смутное чувство сожаления или раскаяния. Вчера я это так ясно видела, что я не могла сидеть с вами и ушла на крыльцо. “Как же это случилось?”, думала я. Страшно и не хочется себе самой объяснять. Когда я предлагаю ей играть, нынче она не раз говорит, что не хочет; тогда как ни один ребенок этого не сделает, да и она ни разу прежде не делала. Не думайте, что это мелочи, да, это мелочи, но и будут иметь свое влияние. Еще более убедилась я в этом вчера. M-lle F(omm)⁷ сказала мне: “Как m-lle M(eysenbug) боится, чтоб дети не отделились, она так ревнует их”. Вот я думаю: отчего было три праздника в одной неделе, это, конечно, для рассеянности Таты может, и слишком часто...

О(гарев) находит, что лучше писать, а мне кажется, что лучше говорить. Вот что мне в голову пришло, если б вы мне позволили говорить с M(eysenbug). Я бы ей сказала: “Как друг матери детей, я вам скажу откровенно: дети должны быть воспитаны одной непременно, можете ли вы переменить ваше отношение к Тате, быть с ней не как гувернантка?” – и тут я бы высказала, как я это понимаю: “Можете, так делайте это по совести, верьте, для детей я сумею принести самую страшную жертву: сознание, что я ничего для них не сделала. – Не можете? так скажите просто и делайте сами жертву обожаемому ребенку. С моей стороны, я знаю, нет выгод образования, выгоды только семьи, национальности и, главное, память и любовь к матери. Этого она не может сделать, если б и хотела, это мне и больше всего”.

Вот что я думаю; что вы скажете, то будет сделано. Я знаю, что мы должны вместе дожить эту тяжелую жизнь, а между тем, дайте мне сказать, что на душе; глядеть вечно издали на детей с сознанием, что я ничего не исполнила, не знаю, хватит ли сил; уехать возможнее, я думаю. Вы не знаете, как письмо, в котором она звала меня⁸, жжет мне сердце и теперь, когда я перечитываю его. Да, моя жизнь не тем тяжела, что много в ней было борьбы, а тем, что есть сознание, что, кроме вреда, я ничего не сделала самим детям.

¹ Обоснование датировки см. в ЛЖГ II, 288.

² Нат. Ал. с Огаревым приехали в Лондон 6 апреля 1856 г.

³ Жена Герцена Наталья Александровна, завещавшая воспитание ее детей своей ближайшей подруге, – Нат. Ал. (см. XXIV, 300).

⁴ Мальвида Мейзенбург.

⁵ Meils (Mils, Myls) – горничная Герценов, незадолго до того уволенная.

⁶ О конфликте между Нат. Ал. и Мейзенбург из-за воспитания детей Герцена, закончившимся отъездом гувернантки из его дома, см. XXV, 350–355; Мейзенбург, 350–351, Тучкова-Огарева, 104–105.

⁷ Мария Фомм – бонна дочерей Герцена в Лондоне в 1852–1854 гг.

⁸ Это письмо Н.А. Герцен (текст его неизвестен) упоминает Герцен в письме к М.К. Рейхель от 31 мая 1856 г. (см. XXV, 353).

2

ГЕРЦЕНУ

(Путней. 2 мая 1857 г.)

Сегодня страшный день для всех нас¹, по твоим рассказам и по тому, что с нами было, как мы получили письмо M(арьи) K(аспаровны)², я понимаю, что было с тобой; в последнем письме она говорит: “Бедный мой Александр, хотелось бы жить для него, чтоб залечить мною сделанную рану”³. Больно, больно отзываются

ся эти слова. Я бы хотела, по крайней мере, с (се)годняшнего^{23*} дня начать другую жизнь, установиться, успо(ко)иться^{23*}, еще более, с большей любовью отдаться детям; как иногда мне больно, как я вижу, что все, что я делаю для них, мало и недостаточно. Огарев может сказать тебе, что мы часто об этом говорим; он меня успокаивает и оправдывает, но он это делает потому, что слишком любит меня; он хотел бы, чтоб я ничем не мучилась.

Я не хочу оправдываться, но часто неровности моего ха(ра)ктера^{23*} происходят оттого, что вдруг как-то страшно становится, одна мысль об Елене⁴, или грустный взгляд Ог(арева), или ты; зачем я не скрыла от тебя? Тебе, может, лучше было бы; прости мне эту требовательность, неудовлетворенье, иногда всего мало или, лучше сказать, так сильно сердце бьется, что больно не слышать полного ответа; но это минуты безумья, я могу ли сказать, почти их победила; наша жизнь вчетвером, о которой я так мечтала, не осуществилась вполне, мы остались трое, но я понимаю, что четвертый, отсутствующий может всегда быть с нами; в дни, когда я думаю о Natalie или перечитываю ее письма, я становлюсь добрее, кротче, я лучше понимаю, чего она хотела от меня. Дай же руку и надейся, как и теперь, что с этого дня я хоть изломаю себя, но переменю то, что и тебе, и мне, и Огареву, и ей антипатично, не улыбайся, мне так нужно было тебе сказать, не только сказать, написать это, а если я не сдержу слова, так отойми эту руку, которая мне так нужна; что же еще вызвать на мою голо(ву), кажетя написать это страшнее (...)^{24*}

2 мая 1857

¹ Имеется в виду пятая годовщина смерти жены Герцена Натальи Александровны.

² Это письмо М.К. Рейхель к Огареву и Нат.Ал. с известием о смерти Н.А. Герцен до нас не дошло.

³ Неточная цитата из письма Н.А. Герцен к Нат.Ал. от 21/9 марта 1852 г. (XXV, 289; см. ЛЖГ II, 77-78).

⁴ Елена – Е.А. Сатина, сестра Нат.Ал.

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

Рисунок Таты Герцен (тушь, карандаш). Лондон, 18 июля 1859 г.

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

“Тата, которая всегда имела порядочный талант к рисованию, стала делать портреты (пока профили), очень хорошо”
(Герцен – М.К. Рейхель 29 июля 1859 г.)

^{23*} Автограф поврежден. – *Ред.*

^{24*} Конец письма поврежден и не читается. – *Ред.*

3
ОГАРЕВУ^{25*}

(Середина 1857 г.?)¹

И опять перечла твоё письмо², и хотя многое больно и тяжело отозвалось на душе, однако многое справедливо; я плохо исполняю свой долг³, я это очень хорошо чувствую, *тревожно и страстно*. Я буду работать над этим, насколько сил хватит, я с тобой совершенно согласна. Может быть, было бы честнее сказать тебе ещё в Р(оссии): "Долг велит ехать, но я всей душой принадлежу Тате⁴, разлука с ней мне не по силам, *вечная разлука*, да и ей одной я могу быть полезной, потому что такая любовь – сила. Я этого не сделала, прости меня, и не говорим больше; все, что ты скажешь об детях, я готова всегда слушать и принимать все с благодарностью, хотя, может, в первую минуту и буду спорить...

Теперь вот об чем поговорим, и пусть это будет в последний раз. Ну да, я сознаю, что я полюбила его⁵ страстно, это не могло быть спокойное чувство, потому что я все боялась за *нашу* жизнь, за *нашу* любовь, мне хотелось, чтоб ты совершенно понял и не разлюбил меня потом. У меня никого здесь нет родного, близкого, а тебе, может, я не должна бы говорить. Но, право, слушай же раз терпеливо, душа раскрыта перед тобой; если бы кто мне руку подал, выйти из болота прежде, чем все силы исчезнут. Я не знаю, неуважительно (ли) это бессилие и брожение, но что же делать? Несколько раз я начинала говорить с ним, но совершенно высказаться трудно, он не виноват, что не может иначе любить, я не виновата, что мне мало этого, да, по-моему, это хуже, чем если б он вовсе не любил меня. Я тебе так пишу без надежды, я чувствую, что ты не спасешь меня, вот отчего бы мне хотелось уехать на время⁶, все бы изменилось, я бы лучше стала, друг мой, спокойнее; ведь внутренне я понимаю, даже то понимаю, что люди не лгут, если говорят с увлечением, но и истины тут нет, это как половина, но эта наука стоит страшно много.

Если *ты* не хочешь, я не уеду, конечно, но, кажется, это было бы лучше; видишь, чего я боюсь: если я здесь останусь и буду пробовать переделать нашу жизнь, я сделаю это как-нибудь неловко, неосторожно, судорожно, он заметит, будут объяснения. Принять все так, как оно есть, это ложь, по-моему, и сколько я ни буду пробовать, и стараться скрыть, все что-нибудь промелькнет; дай мне твою руку и поговорим об этом спокойно и на свободе... Только я тебе скажу, что если я буду продолжать жизнь, которую я теперь веду в этом недоверии, тревоге, я потеряю уважение к себе. Кто виноват? не знаю. Может, он так уж создан и казался только иначе в минуты увлечения; может, он больше меня любил и я сама все испортила, не знаю... Но теперь внутренняя жизнь наша некрасива; он просит, чтоб я не говорила беспрестанно о мелочах, но это не мелочи да и это будет наш последний разговор, покажи мне дорогу, и я протягиваю обе руки...⁷

На обороте:
R(ou)r Ogareff^{26*}

¹ Приблизительная дата устанавливается условно по сходству с высказываниями Нат.Ал. в ее дневниковых записях и письмах, относящихся к этому времени (ср. РП IV, 157–163; ЛЖГ II, 346–354).

² Это письмо Огарева неизвестно.

³ Предвидя свою близкую кончину, покойная жена Герцена неоднократно выражала желание, чтобы Нат.Ал. взяла на себя воспитание ее малолетних дочерей. В письме к сестре Елене Нат.Ал. писала: "Я не могу себе простить, что не приехала по ее зову, еще меньше бы я могла жить с мыслью (!), что она поручила детей и что я не исполнила ее воле (!)" (РП IV, 162). Запись в ее дневнике: "Одни слова и всё слова, из всего обещанного ей себе, ей, О(гареву), ничего не исполнено, непростительная слабость, эгоизм, безумие, жажда еще чего-то" (там же, 169).

⁴ Тата – здесь старшая дочь Герцена.

⁵ Т.е. Герцена (ср. XXVI, 62–63).

^{25*} Письма, адресованные одному Огареву, далее особо не оговариваются. – Ред.

^{26*} Д(ля) Огарева (франц.).

⁶ Навязчивая мысль о необходимости возвратиться в Россию не покидала Нат.Ал. чуть ли не с самого ее переезда в Англию.

⁷ Ответы Огарева на большинство писем Нат.Ал. неизвестны. Отдельные из них, появившиеся в печати или разысканные в архивохранилищах, по возможности, оговариваются. Письма Нат.Ал. к Огареву, как правило не имеющие дат, при мало варьирующемся содержании, трудно поддаются координации с письмами других ее корреспондентов и нередко датируются условно. Следует отметить одну важную ремарку в письме Нат. Ал. к Огареву от 21 июня 1864 г.: "Я вам пишу обоим всегда" (п. 39).

4

ФРАГМЕНТ

(Конец 1857 г.?)¹

ты бы этого не сделал даже и с равнодушной женщиной, верь мне... я тебя знаю и ценю; может, всего мне больнее было в нашей постоянной тревоге то, что я теряла твою любовь и уважение, – раз, ходя по саду, мысль о самоубийстве мне^{27*} представилась, я даже жертвовала присутствием Е(лены) и papà, и тем вкусам, которым все должно подчиниться²... вынести твое неуважение я не могу.

Друг мой, теперь я спокойна духом, поговорим; я знаю, что жизнь не останавливается, не возвращается, но будущее сколько-нибудь да принадлежит нам, устроим его спокойно, чтоб я могла умереть без страшных упреков и мучений; я знаю, что все зависит от меня... Я знаю, что меня точит; страсть, эгоизм, самолюбие и ревность – вот главные мои недостатки, от которых идут целые ветви. Друг мой, прости мне, что ко всему, что я тебе сделала, я прибавляю еще этот разговор, но взгляни, ведь я одна, кому же протянуть руки, попросить помощь и защиту против себя? О, если бы я была сильное существо! но этого нет.

Я думаю, что пока я не соберусь с силами сказать спокойно истину (?), не подчиню страсть разумению, пониманию и не создам себе занятий, в которых буду винить всю прошлую деятельность свою; по характеру я деятельна, и я ничего не делаю? недоверие, слабость, лень, сосредоточенность на себе. Мы с Г(ерценом) розно понимаем и^{27*} от этого так долго и я не могу привыкнуть, он меня оскорбляет то жестокостью и суровостью, то холодом и сухостью. Я старалась переломить себя, но оттого, что внутри я не могу это принять, и выходят такие неровные отношения.

Дай мне совет, я не пробовала пересоздать всё, ни силы, ни хладнокровия не доставало.

Послушай, не вини меня больше, я сама себя виню во всем, но как истинный и единственный друг скажи просто, что думаешь, – я ошиблась.

¹ Датируется приблизительно по упоминанию о зарождении у Нат.Ал. намерения покончить с собой (ср. ее дневниковую запись от 1 октября 1857 г.: "Тихо бродит в голове мысль о самоубийстве" – РП IV, 189).

² Имеются в виду вкусы Герцена (см. предисловие к наст. публикации).

5

(Лондон. 1857 – начало 1858 г.?)¹

Бедный мой Огарев, ты нехотя наделал много вреда твоей драмой. Он сильно огорчен, потрясен, оскорблен, самолюбие его не может успокоиться, оно получило страшный удар². А я, оскорбленная его невниманием, платила ему тоже холодом и колкостями. Послушай, надо придумать, как залечить, загладить все это: научи меня. Ты сам будь внимательнее, сделаем из этих дней истинное примирение.

Я говорила об отъезде – право, мне кажется, что я лишняя здесь, – с детьми я делаю постоянные ошибки, ты, amico^{28*}, и в дали не забудешь меня, Г(ерцен) же сам говорит, что он отроду так не мучался, как нынче; за чем же дело стало?...³

^{27*} Следующие пять слов стерты и читаются предположительно. – Ред.

^{28*} друг (итал.).

Там⁴ плачут обо мне, здесь я отравляю жизнь? не безумие ли это? Подумай и или благослови меня в путь, или полное, хорошее и окончательное примиренье и навек *трио*.

¹ Письмо, без сомнения, написано до рождения Лизы, появившейся на свет 4 сентября 1858 г.

² Речь идет об “эскиссе для комедии” Огарева “Бедлам, или День из нашей жизни”, написанном в это время, в 1857–1858 гг. (РП IV, 194–200). Восемь сцен этого “эскисса”, проникнутого грустным юмором, дают довольно безотрадную картину семейного быта Герцена. Огарев отмечал в этом сочинении от своего имени, что для него “любовно-враждебные отношения” между Герценом и Нат.Ал., людьми, которых он любит “больше всего на свете”, выражающиеся в ежедневном “царапанье булавок”, “делают предпочтительней гильотину” (РП IV, 199). Автограф “Бедлама” хранится в ИСГ.

³ Нат.Ал. имеет в виду свой отъезд в Россию, которым она постоянно угрожала Герцену и Огареву в течение многих лет.

⁴ Там – т.е. в России, где жили родители Нат.Ал., а также ее сестра Е.А. Сатина и племянники.

6

(1857 – начало 1858 г. ?)¹

Долго я думала, говорить ли с тобой или нет; да нет, говорить я бы не могла, писать или не писать, тревожить ли тебя, имею ли я право тебя тревожить? Но я так много мучаюсь одна, не делясь ни с кем, ты посмотри вокруг меня, с кем же говорить? Елена так далека от меня, я не хочу нарушать ее спокойствие², здесь кто же у меня – Г(ерцена) нет, он меня не может понять, а только испугается и станет хандрить. Много ночей прошло в тяжелых думах об тебе и Елене; мне вдруг так страшно становилось, мне казалось, что, может, я ее и не увижу более, а тебя я как будто лишилась живого, ты занят, я знаю, но я внутри себя чувствую(ю), что ты удаляешься; Боже мой, это не упрек, это последний мой призыв, последний крик, право усталой души; ты мне скажи – что сделать, чтоб я увидела опять тебя не счастливого, но более дорожащего жизнью, более близкого; послушай, дай руку и обещаю одно: не говори мне, что я ошибаюсь, если в душе своей ты чувствуешь хоть каплю истины; этого я прошу, требую(ю) (!), это ты можешь и должен сделать для меня, будь же совсем откровенен со мной, – я мало слышала твои слова все это время, мне это страшно больно, я хотела не говорить, выстрадать все втихомолку, мне даже казалось низко тебя тревожить, лишать свободы молчания. Я очень много думала обо всем все это время, я спокойнее, яснее вижу, я понимаю, что все могу сделать, лишь бы знать, чего бы ты хотел, одного я не принимаю, это твое(го) совершенного равнодушия, да я ему и не верю еще вполне... Огарев, не шутя, страшно жить в таких бурях и опасениях, везде все грозит разрушением; сказать тебе все, иногда даже мне кажется, что и вы³ меньше любите друг друга, только бы этого и не доставало; если я сумасшедшая и ничего этого нет, вылечи меня, заставь верить; если бы ты мог знать, как я иногда презираю и ненавижу себя; и эти противоположные обязанности, т.е. папá⁴ и дети и Елена с ее детьми и ты и Г(ерцен), с которым так часто бывают недоразумения и в которого я не имею полной веры^{29*} – элемент тревожный, страшное недоверие к нему, да, в этом я сознаюсь; оно объясняется его рассказами; тогда я поняла его прежнюю жизнь, я увидела, что он не может долго любить; не ценя себя, как Н(аташа), я поняла, что меня он гораздо меньше любит; потом я не могу привыкнуть ни к его самолюбию, которое внутри не признает равенства; он не лжет, но это делается несознательно; не могу тоже привыкнуть к этим беспрестанным переходам то к буйной веселости, где он требует, чтоб следовали за ним, то к раскаянию в веселости, то к вечным расспросам о моем расположении⁵, то к вечным нравоучениям, деланным не как ровному, а как подвластному существу...

Тому шесть, семь месяцев я несколько раз в нем видела глубокое, серьезное чув-

^{29*} В автографе словом веры, после которого стоит точка, заканчивается абзац. Далее, до конца листа, примерно треть страницы осталась незаполненной. Воспроизводимым далее текстом, написанным без абзаца, начинается новая страница; он соединен нами с предыдущим исключительно по сходству содержания. Подчеркиваем здесь условность этого соединения. – Ред.

ство, исполненное уваженья, — все это понемногу стерлось, жизнь наша страшно сузилась.

Что мне больно, обидно, это то, что я все так ясно вижу, я не имею сил твердо противустать течению, которое нас уносит в пошлый мир.

¹ Письмо соотносится с соседними письмами и “Бедламом” Огарева.

² Нат.Ал. нередко писала сестре о своих взаимоотношениях с Герценом и Огаревым, но писем этих не отсылала, так что и сестра и родители долго не знали, что Огарев перестал быть ее мужем, что она сошлась с Герценом. К Елене же обращены были и многие дневниковые записи, посвященные этому вопросу и ею не прочитанные.

³ Т.е. Огарев и Герцен.

⁴ А.А. Тучков.

⁵ В “Бедламе” Огарев вышутил манеру Герцена настойчиво допытываться у Нат.Ал., какое у нее в данный момент настроение и не обижена ли она на него, Герцена (см. *РП* IV, 195–196). Позднее Огарев писал своему другу: “Видя ее и тебя, видя вас, я страдаю, как каторжный, это у меня отравляет каждый час...” (там же, 215).

7

(Вентнор.) 26 июля 1859

Что ты поддельываешь, Огарев? мы кое-как живем с Лизой — Г(ерцен) обещал рассказать тебе, как она стала блажна¹, она видимо скучает здесь, саду нет, и общество очень ограничено, понимай во всех смыслах, потому что Дженни² страшная дурочка. Сегодня я ездила с Лизой и Дженни смотреть окрестности Вентнора, это прелесть — тут не мешает сказать, что у моря с Лизой бесполезно жить, — ей скучно, а мне нельзя ни на горы лазить, ни купаться так, как бы хотелось; сегодня я в первый раз выкупалась — отвыкла, что ли, или состарилась, а только волны так с ног и шибают...

Ну что же сказать еще об Лизе? — в коляске она потребовала непременно сесть на козлы, ну я и села, и все это было только для того, чтоб говорить с кучером, а все-го забавнее, что она его боялась, даже не хотела взять вожжи (!) из его рук...

Смешнее всего было, когда Лиза увидала в первый раз детей на ослах — лицо ее так оживилось, что все останавливались перед нами, она махала руками детям и кричала (своим несчастным голосом, как говорит Г(ерцен)): “Тата! Тата!..”. Бедняжка беспрестанно улыбается, хочет ползать сидя и валится на сторону, если клюется носом; она начинает ходить около стула, но ноги еще слабы; купается она очень дурно, только одну ногу ставит в ванну, а другую поднимает, как цыпляты на морозе. Я пробовала теплее воду брать, все равно — об няньке говорила с агентом, которому передала 10 *шил(лингв)* — надежды мало здесь найти кого-нибудь. Переезжать мне смерть не хочется, если б это внут(р)ь острова, я бы рада, а то домом ниже, домом выше, все равно. — Скажи Тате, что элегантные дамы так одеваются:

талия, как рюмочка.
рукава огромные.
двойная юбка.

27 (июля)

Это письмо теперь старо³, посылаю его, потому что некогда писать другого, это все одно и то же с письмом к Г(ерцену)⁴. Я сделала Лизин портрет и посылаю тебе его, хотя не очень удачен, но она смиренно сидеть не может — что же делать?.. Подумайте и напишите, как мне быть, я бы хотела взять квартиру с маленьким садом, хотя бы и далеко от моря; или не съездить ли мне в Мец к m-lle Michel, или все, что хотите, придумайте, а я исполню⁵ — дети⁶, если и приедут сюда, я их очень мало буду видеть, потому что я не могу идти на дальние прогулки, а им должно гулять, а то не стоит и приезжать, подумайте спокойно обо всем и напишите толком⁷.

Прощай пока, Лиза сидит на моих коленях, писать очень неловко; если Кав(елин) с вами⁸, поклонись и ему.

Нянюшки здесь не найдешь.

Не сердись, что портрет дурен, – лучше ⟨Лиза⟩ не сидит.
Лиза читала сама письмо Г⟨ерцена⟩ и приговаривала: “Voilà, voilà”^{30*}.

¹ 22 июля 1859 г. Нат.Ал. с Лизой в сопровождении Герцена отправились в курортный городок Вентнор на острове Уайт (см. XXVI, 283). 27-го числа Герцен возвратился домой, т.к. ему предстояло встретиться с К.Д. Кавелиным, приехавшим на несколько дней в Лондон. Отъезд Герцена из Вентнора подробно описан Нат.Ал. в дневнике (см. РП IV, 206–207).

² Дженни (Женни) – горничная.

³ Нат.Ал. подразумевает здесь, что интересующие Огарева подробности о ее жизни он узнает от Герцена, уже возвратившегося в Фулем.

⁴ Письмо Нат.Ал. к Герцену от 26 июля неизвестно.

⁵ Жизнь Нат.Ал. в Фулеме была омрачена постоянными конфликтами с девятилетней дочерью Герцена Ольгой. Чтобы разрядить обстановку, она собиралась уехать на некоторое время к своей старушке-гувернантке К. Мишель. Поездка эта состоялась только в сентябре 1860 г.

⁶ Дочери Герцена – Тата и Ольга.

⁷ 4 июля Тата писала брату: “Natalie в Ventnor’e, a Meysen(bug) – у нас (в Фулеме), через несколько дней мы тоже туда отправимся, там будут Кошуты, Габо, Густы, Жюла, Чарли и Полюксина, общество веселое и шумное. Должно быть, ты туда к нам приедешь, а, впрочем, не знаю” (XXVI, 281). Судя по этому письму, еще в начале июля Нат.Ал. жила в Вентноре.

⁸ Встреча К.Д. Кавелина с Герценом и Огаревым состоялась между 27 июля и 2 августа (см. ЛЖГ III, 61). Об отношении Нат.Ал. к Кавелину в более ранние годы см. выше в этом же разделе наст. книги.

8

(Вентнор.) 27 (июля 1859 г.)¹

Я написала к тебе только что письмо и бросила его², всё не то – да нет, лучше молчать – лучше подождать. Мне ужасно хочется попробовать жить с детьми при miss Му, только мне кажется, что это было бы удобнее в Л⟨ондоне⟩, чем здесь, тут различная жизнь будет так нас разделять, что мы едва успеем видеться раз в день. Подумайте об этом и напишите, я сделаю добросовестный опыт и скажу вам откровенно, что думаю; если нет, то я поеду на континент, и там напишу в Р⟨оссию⟩, а там... да будет, зачем загадывать вперед; может, все пойдет хорошо; ты не знаешь, не хочешь понять, как мне больно отнимать у вас Лизу, вот отчего стихи твои так меня потрясли – в них видна вся твоя любовь к Лизе, и видно мне тоже, что я играю роль палача, увозя ее³, – мне этого очень не хочется; стало, ты обеспечен, что если есть для меня малейшая возможность существовать в Фулеме⁴, то я останусь, – если нельзя, зачем длить эту драму, которая уносит столько сил непрерывными колебаниями то направо, то налево; я знаю, что я этому виной, но теперь положение мое так сложно, что призадуматься, а без опыта нельзя отвечать, я боюсь лжи в словах, в письмах, вот отчего я сначала не хотела вовсе писать да и теперь не даю себе воли.

Ну прощай, друг, за письмо тебя крепко благодарю, в нем много правды, и я над ним подумаю.

Твоя N.

Комнатки здесь не найдешь.

¹ Месяц и год устанавливаются по связи с другими “вентнорскими” письмами Нат.Ал. 1859 г.

² Письмо неизвестно.

³ Имеется в виду стихотворение Огарева, озаглавленное “Лизе”:

Дитя мое, тебя увозят вдаль...
Куда? Зачем? Что сделалось такое?
Зачем еще тяжелую печаль
Мне вносит в жизнь безумие людское?
Я так был рад, когда родилась ты!..
Чуть брезжил день... И детские черты,
И эта ночь, и это рассветанье –
Все врзалось в мое воспоминанье...

^{30*} “Вот, вот” (франц.).

Вот скоро год слежу я за тобой, –
 Как ты растешь, как стала улыбаться,
 Как ищет слов неясный лепет твой
 И стала мысль неясно пробиваться...
 И есть чутье в сердечной глубине:
 Ручонками ты тянешься ко мне
 И узнаешь по силе сокровенной,
 Что я твой друг радушный, неизменный.

И страшно мне: ну, будешь ты больна, –
 Не я тебя утешу в час недуга...
 Ну! ты умрешь?... Нет! это призрак сна,
 Безумный бред ненужного испуга...
 Ты вырастешь! – Но нежный возраст твой,
 Дитя мое, взлелеется не мной,
 Не я вдохну тебе, целуя руки,
 Ни первых слов, ни первых песен звуки.

Не я возьмусь при раннем блеске дня
 Иль в лунный час спокойного мерцанья
 Тебя учить, безмолвие храня,
 Глубокому восторгу созерцанья.
 Не я скажу, из букв как мысль сама
 Выходит в книгу – летопись ума,
 И вызову не я порыв свободной
 К святой любви и жертве благородной.

И страшно мне: в мой передсмертный час
 Не явится ко мне твой образ милый;
 Улыбка уст и ясность детских глаз
 Мелькнут, как скорбь, по памяти унылой...
 Но решено: тебя увозят в даль...
 Дитя мое, я утолю печаль
 И детское спокойствие незнания
 Не возмущу тревогою страданья.

Стихотворение это в Большой серии библиотеки поэта (1956) датировано 1860 г. В комментарии там ошибочно указано, что Нат. Ал., "не выдержав тяжелой семейной обстановки", уехала из Лондона на континент с Лизой в мае 1859 г. (на самом деле – в последних числах мая 1860 г.). Лиза родилась 4 сентября 1858 г. Слова Огарева в стихотворении "Вот скоро год слежу я за тобой" свидетельствуют о том, что стихотворение написано летом 1859 г.

⁴ В Фулеме Герцены и Огаревы жили с 24 ноября 1858 г. по 25 мая 1860 г.

9

ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

(Вентнор. 1–2 августа 1859 г.)¹

Ответы ваши меня глубоко огорчили...²

Одиночество сделало все, что я ждала от него, – я перечла свои письма, проверила все прошедшее и давнопрошедшее и могу сказать: мое мнение обо мне хуже вашего, я говорю это серьезно, с глубокой скорбью – спросите сами себя; если, действительно, как мне показалось, вам лучше без меня и вы страшитесь моего возвращения, тогда я ворочусь поскорей в Л(ондон) и переговорю с русским священником³; я не могу и думать вернуться в Р(оссию), не окрестивши Лизу, – выбирайте, друзья мои, что вам больше по сердцу, вы знаете, что у меня и там и здесь есть близкие, – и там и здесь я буду оплакивать дурную прошлую жизнь и стараться загладить в настоящем, да, я или умру или переменюсь, я не хочу, чтоб Лиза меня знала в этом цвете – нет, это было бы слишком больно...

Я думаю, К(авелин) теперь уехал⁴, неужели вы не могли бы приехать сюда оба хоть на один день? Мне жаль так долго мучить бедную Лизу, она-то чем виновата? Нянюшек здесь ни за что не найдешь...

Ваша N.

Вторник вечером

Не бойтесь огорчить меня вашей откровенностью – снявши голову, об волосах не тужат... Если б вы могли видеть, как истинно и печально я исповедуюсь вам, быть может, вы бы имели более веры, но я не прошу вас ни о чем, делайте, как вам думается, я все принимаю, только не разлуку с Лизой; нет никогда ни восьми, ни десяти лет, нет, это слишком жестоко – может быть, это единственное наказание, которое я считаю выше вин моих.

Ну прощайте, дайте ваши руки.

Ваша N.

Ог(арев), пришли мою старую печать.

¹ Дата уточняется по ответу Герцена от 4 августа (см. XXVI, 285–286). Вторник (см. ниже) в первых числах августа приходился на 2-е число.

² Письма Герцена и Огарева, на которые отвечает Нат.Ал., до нас не дошли.

³ У священника Нат.Ал. собиралась получить свидетельство о своем причастии и о крещении Лизы, без чего ехать на жительство в Россию было невозможно. Она предлагала Герцену и Огареву либо решительно изменить “атмосферу” в семье, либо согласиться на ее отъезд с дочерью в Россию.

⁴ К.Д. Кавелин вернулся на континент около 3 августа.

10

ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ

(Вентнор. 3 августа 1859 г.), Середа¹

Мне кажется, что вы меня совсем забыли, – я не писала все это время, потому что вижу по вашим ответам, что вам не до меня, да и, право, жаль было вас расстроивать; по письмам Таты² я видела, что вы в постоянных пирах, веселы, как никогда не бывали³, а тут вдруг я с своей вечной горестью, – но теперь К(авелин), вероятно, уехал, поговоримте в последний раз, я бы очень желала вас видеть обоих до приезда детей... но не знаю, можете ли вы мне сделать такую жертву. Скоро Саша приедет, неужели вы бы не желали, чтоб все было покончено и решено до его приезда?⁴ – я не понимаю, что вы думаете, Саша 15(-го) приезжает, и дети сюда 10-го – ведь, верно, Г(ерцен) хочет быть с Сашей? мне бы хотелось знать, как вы располагаете. Лизе немного нездоровится, я писала сама к Девилью⁵; надеюсь, он ответит – ничего важного нет...

Не знаю, как быть, Ог(арев), ты говоришь; не ходи по солнцу, а здесь трудно гулять без этого – а дома Лизе скучно, саду нет – в cottage^{31*} тоже саду не было, а далеко от Вентнора я боялась неудобств, мне и в Л(ондоне) не хотелось бы жить совсем одной, мне бы хотелось знать, где мы все будем...

Тате – скучно – М(eysenbug) не может обеих занять, да это и трудно. Пожалуйста, пишите, приедете вы или нет?⁶

Нянюшка мне необходима, Женни никуда не годится, не может ли Тата в “Таймсе” посмотреть и, если очень понравится, прислать?⁷ – Мы живем очень мирно, но очень накладно иметь такую помощницу и никогда не бывать одной. Ну прощайте, ваши руки, очень больно жить au jour le jour^{32*} – уж лучше что-нибудь – поставьте себя хотя на минуту в мое положение... право, никому не желаю...

(У смазанного текста):

Лиза запачкала.

¹ Среда в начале августа 1859 г. приходилась на 3-е число.

² Эти письма Таты к Нат.Ал. неизвестны.

³ Колкость была чрезвычайно болезненно воспринята Герценом. “Всю душу покрыла черная туча (...)” – пишет он в ответном письме от 4 августа, сообщая о получении писем от Нат.Ал. – Тебе больно, что

^{31*} загородном доме (англ.).

^{32*} день за днем (франц.).

ГЕРЦЕН

Литография. С фотографии (Лондон, 1857)

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

“Хотя в это время ему было уже с лишком сорок пять лет, но его невысокая, плотная фигура поражала энергией и живостью, а красивая голова, с откинутыми назад длинными темнорусыми волосами и умными, выразительными глазами, с первого взгляда привлекала внимание (...) смотря на него, никто не подумал бы, сколько нравственных потрясений и горьких разочарований испытал этот человек” (А. Милуков. Знакомство с А.И. Герценом)

мы пируем. Как пируем? С кем? Увидевшись через 12 лет с последним русским другом. Как? – Сидя с ним втроем” (XXVI, 285).

⁴ Нат.Ал. возвращается к вопросу о своем дальнейшем пребывании в семье Герцена, угрожая отъездом с Лизой в Россию.

⁵ Переписка Нат.Ал. с семейным врачом А.-Ф. Девилем неизвестна.

⁶ В ответ на эту настойчивую просьбу Огарев тотчас же отправился в Вентнор. Пробыть там он смог только считанные дни (см. след. письмо). Его вскоре сменил Герцен.

⁷ Нат.Ал. просила Тату подыскать прислугу по объявлениям лондонской газеты “Times”.

(Вентнор.) 9 ав(густа) 1859

Ты еще не доехал до Лондона, а я сажусь писать к тебе, Огарев, – это только для того, чтоб обмануть себя; вот мы опять будто сидим вместе на балконе да толкуем под шум моря; признайся, друг мой, ты сам не понял, что ты у меня отнял твоим отъездом, а я так поняла – опять та же пустота! Я эти дни не забуду; я знаю, придут еще в моей жизни страшные дни, и тогда еще рельефнее выступят эти четыре дня. Я вижу, что дружеское чувство в тебе опять воскресло¹, – зачем же, друг мой, ты пря-

чешь от меня истину; да, из писем Г(ерцена) ясно, что он далек и от дружеского чувства²; друг мой, пока ты сам не увидишь, что это горькое и вместе холодное чувство не прошло, не зови меня; и что сделалось с ним? он совсем иначе был, когда провожал меня; больно, очень больно в этом признаться, но письма его, кроме боли, ничего не производят. Скоро Саша воротится, я уж надеялась, что он нас застанет светлой, тихой семьей, но письма Г(ерцена) заволокли мой свет – нет, нет, Огарев, я не сентиментальна, но я плачу, плачу, как ребенок, – и вдруг я подумала, как они там дома обо мне толкуют как о самой счастливой женщине, и мне вдруг стало так смешно, что я хохочу и плачу вместе – о бедные мои, если б они знали, какая боль эта жизнь, они бы сами одели и в гроб положили³...

– Если б не Г(ерцен), я воротилась бы скоро в Л(ондон)⁴. – Поговорить с тобой, видеть твой покойный, дружеский взгляд для меня великое утешенье, а здесь что мне делать, квартиры общей не можем найти, а детям с Лизой здесь скучно⁵, им все хочется быть у моря с товарищами (я говорю без всякой ревности), а только Лиза не может быть здесь их товарищем. Ольга очень ласкова со мной, и я с ней; мы, кажется, будем скоро совсем друзья – это меня бесконечно радует...

Огарев, подумай обо мне серьезно, меня очень, очень тянет в Р(оссию); что мне только страшно, это что если б ты умирал, я бы не стояла у ног твоих, не слыхала бы последнего слова теплого на земле – неужели ты скажешь, (что) и это сентиментальность, – да, конечно, может, я буду так счастлива, что умру прежде и не услышу о твоей смерти, а если? – Впрочем, вздор всё, я отдаю свою судьбу в твои руки, пусть будет, что будет... Может быть, все это заслуженно, но, Боже мой, как тяжело!.. Скажи мне, Огарев, неужель эта боль должна даром пропасть и ничего не испустить?..

У меня страшно болит голова, не могу более писать, хочу только рассказать тебе безделицу, по которой ты увидишь, что я тебя слушаю: Тата была у моря с детьми П(ульских), а Ольгу я кое-как увела в комнаты. Мей(senbug) она вовсе не слушается – М(eysenbug) пошла в город, а я осталась у нее с О(льгой) и Л(изой). Около шести часов вечера М(eysenbug) приходит и говорит, что Тату П(ульская) взяла с собой чай пить и оттуда отошлют домой, – мне так непривычно и больно было, что Тата не прибежала сказать об этом, что я с трудом скрыла от М(eysenbug)⁶. Воротясь домой, я подумала: «А О(гарев) бы сказал: “Это ревность”»; может, и в самом деле, не то лишняя требовательность. Вечером Тата забежала проститься, я ей ничем не показала...

Ну теперь прощай, друг, крепко тебя обнимаю, дай твою руку.

Твоя N.

Если можно, пришлите Лизе бульену. Еще недоразуменье – Тата отдала Г(ерцену) портрет, посланный m-lle М(eysenbug) – поправь как-нибудь, скажи Г(ерцену), что я никогда бы не смела послать ему свой портрет с Лизиним – я желаю, чтоб он знал, что я об этом не думала.

Мне кажется, что М(eysenbug) догадывается, что что-то неладно, но я – ни слова – пусть своим умом доходит.

Лиза дружится с собакой⁷.

¹ О своей встрече с Нат.Ал., еще находясь в Вентноре, Огарев писал Герцену 4 августа: “Надежды много, друг! так много, как я и не ожидал. Беру каждое жесткое слово назад. Наконец, я нашел опять то теплое, благодарное и чистое существо, которое я знал прежде. Все усилия употреблю поддержать, поставить на настоящую высоту, на наш уровень – и надеюсь, может быть и верю. Прими эти строки к сердцу” (“Лит. наследство”, т. 39-40, с. 376; ср. ЛЖГ III, 63).

² Из писем Герцена к Нат.Ал. за это время известно только одно – с припиской, обращенной к Огареву. В связи с недоброжелательным отношением Нат.Ал. к своему бывшему мужу Герцен пришел к выводу, что “семью придется разделить”: “Где же обеты твои, где стремления спасти все?... – писал он Нат.Ал. – Мне ужасно тяжело, до слез. Если б я не желал так сохранить вас всех, – я бы, разумеется, умел примириться со всем” (XXVI, 285; ЛЖГ III, 64).

³ Родители Нат.Ал. – А.А. и Н.А. Тучковы, а также Сатины, по-видимому, не подозревали о сближении Нат.Ал. с Герценом и тем более о мучительном кризисе в их отношениях.

⁴ Вероятно, Нат.Ал. имела здесь в виду предстоящее вскоре возвращение Герцена в Вентнор.

⁵ Тата и Ольга были старше Лизы на четырнадцать и восемь лет.

⁶ Все эти мелкие претензии и обиды страшно раздражали и расстраивали Герцена; он тщетно заклинал Нат. Ал. пореже спускаться в низменные сферы обывательских интересов.

⁷ Собака Булей была подарена Лизе Огаревым. Позднее девочка шутливо называла *Булеем* самого Огарева, что он принимал, разумеется, без малейшей обиды.

12

(Вентнор. 12 августа 1859 г.). Пятница¹

Не можешь ли ты мне прислать мое письмо? я не понимаю, что в нем было враждебного Г(ерцену)². Правда, что своими письмами он убил то светлое расположение, в котором ты меня застал; твой приезд, напротив, делал меня лучше, добрее, я это чувствовала³ – но, впрочем, друг мой, – я и теперь не впадаю, мне кажется, в мои старые недостатки, но между нами, как всегда, есть недоразумения – и об Тате ты не понял, что я говорила: мне больно было видеть, что она ни в чем ко мне не относится, как прежде, а совсем не то, что ей весело с детьми, – я вижу, что она поняла, что более не должна ни в чем ко мне обращаться; ну это было больно сначала, какая же тут ревность... А к М(eysenbug) не могу убивать ревность, потому что не чувствую ни малейшей⁴; она, вероятно, очень добрая, но я говорю, что думаю, что не сблизюсь с ней, потому что она мне несимпатична, но я ничуть не намерена удерживаться, если б почувствовала к ней симпатию; напротив, я была бы рада – но я уверена почти, что между нами не будет неприятностей; что касается до опыта, то трудно его здесь делать, потому что я очень мало вижу детей, тут и квартера немного бы помогла, потому что они все на дворе, Лизе тоже немногим веселее от их приезда, все это я предвидела, когда узнала, что П(ульские) тут. Если Г(ерцен) думает долго здесь пробыть, не лучше ли мне в это время вернуться в Л(ондон) – право, ты, по крайней мере, не бойся моего возвращения, ты увидишь, как тихо пойдет наша жизнь и как мало я требую. Г(ерцену) не отвечаю, потому что, право, боюсь хуже сделать; все это очень печально, я наивно сознаюсь, что больше всего то, что ты мной недоволен; если б ты мог мне указать, что сделать, чтоб вы видели, как я желаю вам на деле показать, что я уважаю ваш покой и жажду тишины для себя.

Письмы из Р(оссии) очень теплые и дружеские⁵, я отдохнула, читая их. Нет, моя любовь к Тате⁶ не фантазия, это самый благородный ребенок – меня глубоко тронуло, как они провели мое рождение; Ог(арев), ведь я чувствую, что я не заслуживаю этой любви...

Ну прощай. Твоя N.

Mlle Michel пишет об портрете?⁷ стало, сделать другой...

¹ Ответ на неизвестное письмо Огарева. Пятница в середине августа 1859 г. приходилась на 12-е число.

² Вероятно, речь идет о письме от 3 августа.

³ Нат. Ал. 10 августа заявила в своей приписке к письму Таты Огареву о кратковременном пребывании его в Вентноре: "Очень благодарна (...) за эти дни, это лучшее во все годы" (ЛЖГ III, 64–65).

⁴ См. пред. письмо. Огарев высказал уверенность, что недоброжелательное отношение Нат. Ал. к Мейзенбуг объясняется ее ревнивым чувством. В письме к Огареву от 19 августа Герцен замечал: "То чувство ревности, о котором ты часто говорил, обращено преимущественно на тебя – но только в очень благородной форме" (XVII, 289).

⁵ Имеются в виду письма от родных Нат. Ал. из Пензенской губернии – ее родителей и сестры Елены.

⁶ Тата – здесь Н.А. Сатина.

⁷ Это письмо К. Мишель неизвестно. Речь, очевидно, идет посланным ей и пропавшем фотопортрете Герцена.

13

(Вентнор.) 15 августа 1859

Ты ждешь ответа; стало, надо писать... Огарев, твое письмо мне сделало тяжелую боль¹, новую рану на старой, зачем это? – не знаю...

Ты как будто хочешь доказать, что я недобросовестна, шатка – если тебе так ка-

жется, то это потому, что мы зависим много от окружающего, сущность (fond) может остаться, но тени и полутени принадлежат к жизни, к случайности.

Я перед твоим приездом имела дни сильного стремления к вам, я строила в своей голове целую чудную жизнь, работа шла быстро, мне виделось, как все забыто и мирно, как-то светло стало на душе, оттого я вас звала обоих, но ведь такие минуты не могут быть вызваны насильно – письма Г(ерцена) подействовали на меня, как холодная вода на разгорячившихся людей, – ты недоволен тем, что я откровенна, сущность осталась одна и та же, но обстановка другая...

Я и теперь протягиваю вам руки на опыт; мне так хочется, чтоб ничего дурного не пало на вашу жизнь, что я все-таки *надеюсь*, но правда, что я предлагаю опыт печально и серьезно, но не светло, недоверие (может, справедливое, но неуместное, потому что возобновление человека без веры – трудный, почти недостижимый подвиг) – недоверие это убило мой свет. Попробуйте без веры, но с терпением; одного прощу: говорите со мной в случае ошибок терпеливо и наедине...

Что же я могу сказать добросовестнее, Огарев? подумай сам, чего же еще можно требовать от меня? пожалуйста, отвечай, чтоб я хоть знала, как ты понял мое письмо...

Я говорила об возвращении не для того, чтоб сердить Г(ерцена), а потому, что я все равно детей не вижу, а Лизе с их приезда еще скучнее быть одной... потом у Лизы пятый зуб выходит, грудь моя не заживает, пора ей нянюшку найти; может, придется ее отнимать скоро – а надо так много времени, чтоб найти, чтоб приучить ребенка, но, впрочем, я более не бунтую ни против чего; коли нужно – потерпим.

Ну прощай, друг мой – мне надо писать в Р(оссию), но я жду письма от тебя – ты говоришь, я должна его переписать?

Твоя Н.

Оговорка, т.е. я не хочу, чтоб какая-нибудь туча шла от меня, боюсь, что дурно выразилась и ты не поймешь меня².

¹ Письмо Огарева, на которое отвечает Нат. Ал., неизвестно.

² Ответ Огарева (приписка, обращенная к Нат. Ал. в письме к Герцену от 17 августа) см. в "Лит. наследстве", т. 39-40, с. 375.

14

(Вентнор. 18 августа 1859 г.)¹

Г(ерцен) в рассеянности запечатал письмо к тебе², поэтому я пишу особо. Мы встретились, кажется, дружески, почти светло – я для детей натянула веселость, так что оно даже делается очень натурально; верно, я просто обрадовалась им... я писала вчера и недописала³ – теперь здесь регата – Лиза с детьми внизу, у меня голова болит от духоты, так что я еще глупее. Сегодня я получила твое письмо⁴ – пожалуйста, друг мой, потерпи, не пугай меня, потому что я сильно надеюсь – только хотелось бы, чтоб ты приехал, – тебя недостает; Саше я очень, очень обрадовалась. Не понимаю, как здесь почта долго ходит, я писала <в> воскресенье вечером⁵...

Ну прощай, еду к Лизе – она такая нынче веселая⁶.

¹ Дата устанавливается по связи с письмом Герцена (приехавшего в Вентнор 16 августа) к Огареву от 18 августа. В нем он между прочим сообщал о Нат. Ал.: "Разговоров у нас было не много, – есть тень раскаяния или неудовольствия собой, есть, пожалуй, и надежды; вообще все шло кротко и тепло; но одно останется неизменно: ни Nat(alie), ни Мейзен(бург) не могут, никогда не научатся воспитывать детей. Все делают они, чтоб их портить. – Это истинное несчастье, и не придумаю, что делать (...) Я думаю, что мир и гармония между нами водворятся, да, почти уверен в этом, – но на детском вопросе может все срезаться. Полагай всю веру на меня, на мое искреннее желание излечить N(atalie) (...) Как теперь идет дело – может много хорошего выйти" (XXVI, 287). И на следующий день: "Она меня приняла кротко, и все разговоры были мягки; таким языком я могу говорить и могу слушать всё. Думаю я, что ей очень хотелось бы поправить отношение к детям... но (как я писал вчера) тут я сомневаюсь и в способности, и в силе обуздания – демоническое начало не умерло, а спит..." (с. 288).

² Письмо Герцена от 18 августа (см. XXVI, 287).

³ Это письмо Нат. Ал. от 17 августа остается неизвестным.

⁴ Вероятно, имеется в виду приписка Огарева к письму от 17 августа: "Кажется, моя Наташа, у тебя светлей на сердце. Тебе хотелось бы, чтоб и я приехал. И мне бы хотелось, но я думаю, что нам лучше всем съехаться в Лондоне. Право, работы гибель; нельзя разъезжать. Мне случается работать от 10 часов утра до 7 вечера, и все не успеваешь. Статья, а тут три корректуры подхватали, насилу справился. О собственной работе (стихоплетной) и думать нечего. Вместо того, чтоб приехать мне, присылай мне Герцена, он для "Колокола" неизбежен. А порешим оный вопрос, может и рассудим съездить в Вентнор. Посмотрим. Пока об одном сплю и вижу – чтоб в твоём сердце был мир любви и в твоём уме – ясное и спокойное и теплое понимание людей, детей и вещей..." ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 375).

⁵ Воскресенье приходилось на 14-е число.

⁶ В этот день Нат. Ал. с детьми переезжала в Melbourne House, Лиза, по-видимому, в нем уже находилась. В письме к Огареву Герцен сообщил, что дочери умоляют его подольше оставаться в Вентноре (см. XXVI, 287). Он возвратился в Фулем 22 августа (см. XXIV, 288–289).

15

(Вентнор. 24 августа 1859 г.)¹

Среда вечер. День был без числа^{33*}

Опять с тобой говорить хочется, Огарев, и в то же время хочется написать вам о детях – они спорят немного, но я очень кротко останавливаю их... Тата очень занята детьми П(ульских) и Кошут(ов), Ольга все жмется ко мне – здесь она очень мила, почти не шалит и слушает меня – я показывала ей фонтан, от которого она была в восхищении, – сегодня вечером Ольга, Мисси и Чарли ездили на ослух; Чарли ужасно смешит, потому что ужасно серьезен, – с П(ульских) детьми я совсем на дружеской ноге, и Лиза их любит, но самого П(ульского) и Т(ерезу) видеть не может – это очень неприятно². Сегодня Лиза сидела у моря с детьми и отбирала камни очень заботливо. Мне хотелось учредить обеды вместе – если Г(ерцен) ничего против не имеет, я возьму Тату к себе с субботы, а М(альвида) возьмет О(льгу) – стало, вместо 2 л(ивров) будем платить 10 шил. в Pelham House³. Узнай у Г(ерцена) и напиши, а то деньги здесь, как вода, – дети каждый день поутру приходили вместе чай пить, но не знаю, что будет завтра, потому что М(альвида) не совсем здорова – выкупалась и захворала (немецкая натура, не выдержала) – род холеры... я ей послала все, что ей нужно было, и, разумеется, сама у нее была, она мне велела сказать, чтоб я об детях не беспокоилась и вниз бы не ходила – но я все-таки пошла и увидела, что Ольга все еще бегаёт, хотя М(альвида) давно ей велела воротиться – ну я загнала ее домой – она уверяет, что в Pelham House гораздо скучнее, чем у меня. Отчего же? говорю я. "Меньше видно море, да Булей". Булей живет очень умно, иногда лижет Лизе лицо или руки, кусает слегка, но она не плачет, а только прячется или отворачивается, а иногда очень долго с ним говорит и подносит мячик к его носу, но взять не позволяет – мячик ее любимая игрушка – она ему радуется каждый день поутру. – С Женни мы друзья, но она с каждым днем становится ленивее, я думаю, ей вентнорская пища впрок идет, и она отяжелела...

М(агу) очень добрая девушка, но забавно на нее смотреть, у нее какое-то беспокойство в ногах, она тысячу раз, без всякой причины, бегаёт вниз, опять на гору, опять под гору, я на нее смотрю, и у меня ноги начинают уставать, а с детьми она очень смешна, она терпелива только с Ольгой, на П(ульских) она просто сердится, но все это ни к чему не ведет, потому что никто ее не слушается. – Мне кажется, что мы с ней никогда не будем спорить, – и кажется, что более не сблизимся, хотя я ничего, кроме хорошего, не чувствую к ней, – но так мне кажется; тут где-то между нами точка, вот и все...

Деньги бегут, хотя я ни на что не трачу, кроме пищи; если хозяйка попросит за две недели деньги, то не знаю, что делать; я, как Мюллер⁴... По вечерам я так же одинока, могу с тобой болтать, сегодня месячный вечер был – славно на море – за чем тебя тут не было, мне совестно, как будто я это украли у тебя. Два дня не было солнца, и моей голове легче стало – хотя все-таки болит. Лиза очень блажна, зубы,

^{33*} Вероятно, приписано позднее. – *Ред.*

что ли, не знаю, понос продолжается совсем зеленый. Лиза сама просится, – когда судно тут, то ползет к нему сама и говорит: “Ча”...

Вот тебе все известия об нас, что-то у вас делается, что Г(ерцена) нездоровье? что нового? Пиши об квартире, мне надо знать, для меня совершенно все равно...

Прощай, дай твою руку.

Твоя Н.

Я детям совсем не нужна здесь, в особенности Тате, но я боюсь Г(ерцена) и потому не могу решиться воротиться.

¹ Дата устанавливается исходя из следующих соображений: публикуемое письмо является непосредственным продолжением уже опубликованного письма от 22–23 августа 1859 г., написанного в “понеделник и вторник” (РП IV, 269–271; ср. ЛЖГ III, 68). Оно помечено средой, следовательно, написано 24 августа. В дневниковых записях Т. Пульской указано, что 25 числа “Герцены уехали в Лондон”. По-видимому, все проекты совместной жизни в Вентноре сошли на нет из-за раздора Нат. Ал. с Мейзенбуг. 22 августа Мейзенбуг пришла к Пульской проститься в связи с отъездом в Истбурн, объясняя свой отъезд тем, что “не может ужиться с г-жой Огаревой”. “Мне это понятно, как и то, что ей мучительно оторваться от семьи, – такую запись сделала Пульская в своем дневнике. – Но, конечно, *создавшееся* положение не радостно (...) Ранняя зрелость Александра, неуравновешенность доброй, ребячливой Таты, дикость бедной маленькой Ольги – все это говорит о нездоровой домашней обстановке” (“Лит. наследство”, т. 64, с. 422). “День был без числа” – реминисценция из “Записок сумасшедшего” Гоголя: “Никоторого числа. День был без числа”.

² Пульская так отозвалась в дневнике о посетившей ее 9 августа Нат. Ал.: “Смесь первобытной наивности и пустоты, но вряд ли зато недостает страстности!” (“Лит. наследство”, т. 64, с. 422).

³ *Pelham House* (или *Pelhouse*; см. XXVI, 287) – дом, в который переехала Мейзенбуг с Ольгой.

⁴ Нат. Ал. сравнивает себя с впадшим в нищету Г. Мюллером-Стрюбингом, которому Герцен в “Былом и думах” уделил несколько замечательных страниц (см. XI, 168–177).

16

(Конец 1859 г. (?)¹)

Нет, Огарев, ты не понял меня², я знаю твой взгляд на вещи, я прощенья прошу только в том, что внесла в твою жизнь столько смут и тревог, – я ни о чем другом не говорю – быть может, все к лучшему для тебя, я виновата перед собой и перед Лизой – я говорю без фраз, что, если бы не Лиза, лучше бы все кончилось, да ты взгляни на меня без *aggrè-pensée*^{34*} – неужели ты не видишь, как я одинока и чужда всему?.. Я принимаю твои советы и упреки насчет детей с горячей благодарностью³, но я отказываюсь от всего, потому что я не могу выносить обращения Г(ерцена) со мной, но не привыкну к нему; я не верю, чтоб оно могло измениться, так можно поступать с ребенком, а если между большими закрался такой холод, полный неуважения, так едва ли можно вернуться к чему-нибудь другому; позволь мне ехать куда бы то ни было, мне везде будет лучше, чем здесь; я живу здесь одними мученьями; наконец, я должна спешить для Лизы, физические силы стали уступать; одно, что меня поддерживало, это сон, эти последние дни я почти не сплю, неотвязчивые мысли беспрестанно лезут в голову; я знаю, что положение мое безвыходно, и, право, нынче я ничего не желаю – кроме отъезда, хоть бы забыть все.

Я так отупела, что, признаюсь тебе, мне то больно, что я не увижу Елену, как будто судьба мне нарочно отказывает в этом последнем утешенье, что при мысли, что я, может, (не) увижу ее, мне так страшно и неловко, что я стараюсь не думать, – страшно это, но так я должна быть оставлена всеми, и случай и я мы оба постарались.

Когда я жалею о приезде в Лон(дон), ты не должен иначе понимать, друг мой, я жалею эгоистически, *для себя*; мой эгоизм не доходит только до того, чтоб радоваться Лизе, – я слишком боюсь за ее будущее, слишком много туч над колыбелей (!) с самого дня рождения... Мне очень хочется приехать сюда года через два, на короткое время, так, чтоб ты один знал о том, – пробыть несколько дней – и опять в

^{34*} задней мысли (франц.).

путь – я бы хотела, чтоб ты меня видел покойную, без слез в глазах, без ненужных дум и терзаний.

Ты ошибаешься, когда думаешь, что я ищу мученья, – о нет. Лишь бы силы не изменили, ты увидишь, что я не буду искать мучений⁴...

¹ Датируется предположительно. Упоминание о Лизе свидетельствует о том, что письмо написано после осени 1858 г. С другой стороны, в 1859 г. Нат. Ал. стало известно, что сестра ее Елена, собиравшаяся с детьми и мужем за границу, в Лондон не поедет. Таким образом, можно думать, что публикуемое письмо и два следующих написаны между этими хронологическими рубежами. Заграничный паспорт Е.А. Сатиной был получен, по-видимому, в начале 1860 г. (см. XXVII, 46–47).

² Ответ на неизвестное письмо Огарева.

³ Огарев постоянно упрекал Нат. Ал. в негуманном отношении к старшим дочерям Герцена.

⁴ 30 сентября Огарев писал Герцену в Брюссель в связи с предположением, что для него, Огарева, все в жизни уже кончено: “Натали мне было бы жалче всего; она останется с внутренним ужасом; но едва ли без чего-нибудь необычайного можно поставить ее на тот путь благородства и сердечного понимания, к которому она была когда-то способна. Натали начала разговор. Нет! никакого успеха я не жду. Stubbornness (упрямая настойчивость (англ.)) непобедимая. Больно мне невыразимо – и она не может понять, что и мне и тебе больно – не из вражды, а из любви (...) Я не знаю, выдержит ли Натали характер мира, о котором она говорит, считая наши отношения близкими к концу и, следовательно, желая кончить мирно (...) Натали без тебя с детьми гораздо лучше (...) Неужели ты ее сбиваешь с толку? (...) Будь хладнокровен (с ней) и не говори ни йоты иронии. Посмотрим” (РП IV, 216–218; уточнение даты – ЛЖГ IV, 75); см. также Л X, 347–350.

17

(Начало 1860 г. (?)¹)

Трудно отвечать на твое письмо, трудно решить задачу отъезда, а между тем с каждым днем я вижу более сама, что надо покончить все это². Оставим в стороне мои личные отношения, жизнь моя погублена безвозвратно мною самой, тут ничего не сделаешь да и жизнь-то уж на закате, не все ли равно? Я не оправдываю своего поведения с детьми, я нетерпелива – да, я должна переломить это, но мое нетерпение иногда растет от того, что вы мне кажетесь несправедливы – серьезно, Ольгу нельзя сравнить с обыкновенными капризными детьми – конечно, это требует только большого терпенья³...

Насчет Таты ты ошибаешься, я никогда ни к кому ее не ревновала, и мне бы даже не хотелось ее так исключительно привязать к себе – потом, если я поеду в Р(оссию), я не знаю, где я буду жить, – мне надо работать, не смейся, друг мой, мне легче трудиться над самой грубой работой, чем жить на счет тех, которые сами лишнего не имеют. Ты был единственный человек, от которого я привыкла все получать без всякой *aggrégation*...

Друг мой, дай тебя еще в одном вывести из заблуждения, ты говоришь, что ты иногда слишком пьян, но никого тем не огорчаешь, о, как ты ошибаешься, как сердце мое обливается кровью иногда, глядя на тебя, каких страшных предчувствий оно полно, как я понимаю тогда перемену в нашей жизни, какими тайными слезами выкупается мое молчанье, да лучше всего спроси Г(ерцена), отчего мне так не хотелось, чтоб все ехали на свиданье с этим немцем, – я заметила, что ты уже много пил (Г(ерцен) не заметил), я видела, что вы будете обедать, и по твоему расположению поняла, что будет, вот почему я так желала, чтоб вы его выписали сюда на другой день – я Г(ерцену) тогда говорила – спроси его⁴.

Об Г(ерцене) что тебе сказать – да, он очень поверхностно меня любит – это ясно, как день. Много дурного я делаю, много горечи и он влил в мою жизнь – перед ним я все сотру моим отъездом, но перед *могилой* нет⁵; но что же делать, – живя с детьми, я тоже не исполняя своего долга, *какое это холодное слово*. Я вижу, что я детям не нужна, вредна даже, а между тем я пятаюсь перед отъездом, как перед дурным поступком, я боюсь...

Мне кажется, с другой стороны, что между мной и Г(ерценом) что-то непроходимое легло, у нас обоих мало веры, это очень дурной признак – а ты, я тебя теряю во второй раз и гораздо серьезнее, потому что ты меня постоянно видишь в дурном свете – ты привыкаешь обо мне часто говорить с другим⁶, это тоже признак дали –

я знаю, что это невольно, но копает бездну – пережить все это очень тяжело, одна надежда на смерть, я говорю это спокойно, не сердись и ты за это и не принимай за фразу – я устала, я потеряла веру в себя и в других – теперь уж поздно менять свою натуру; личные отношения в моей жизни все-таки будут занимать первое место.

Если бы я поехала в Р(оссию), то, конечно, я была бы свободнее, ребенок бы имел семью, мать, которая в сравнение со мной святая⁷, а я бы могла выйти на свободу, если бы я имела довольно силы, чтоб объяснить все Елене; она бы поняла, что мне жить совсем не нужно – но видеть Елену с детьми здесь, право, это сверх сил – научи меня, как сделать, чтоб она не приехала⁸, и вообще решай за меня все, что ты хочешь, я постараюсь исполнить. Когда ты, друг, и я были ближе, я была лучше.

¹ См. прим. 8.

² Нат. Ал. отвечает на неизвестное письмо Огарева, снова осудившего ее дурное обращение со старшими дочерьми Герцена и ее покойной подруги.

³ После приезда из России Нат. Ал. увидела в Ольге многие достоинства и отзывалась о ней почти восторженно. Позднее она стала обвинять ее чуть ли не во всех смертных грехах, чем безмерно огорчала Герцена и Огарева.

⁴ Никакими данными об эпизоде, рассказываемом Нат. Ал., мы не располагаем.

⁵ Т.е. перед покойной женой Герцена.

⁶ Вероятно, Нат. Ал. намекает на Герцена.

⁷ Свою сестру Елену и ее семью Нат. Ал. в то время в нравственном отношении сильно идеализировала.

⁸ Нат. Ал. опасалась, что сестра отгадает тайну ее семейной жизни. В неотправленном письме 1858 г. она писала Елене Алексеевне: “Ведь хорошо, что ты не приехала, Елена, мне было бы больно смотреть на тебя, с тобой молчание – ложь, преступление (...) Но жаловаться нельзя, все зло от меня, им я умру” (РП IV, 201). Но в более позднем письме, также не отправленном, она замечала: “Главное, для чего я пишу, это чтоб умолять тебя приехать, мне нужно, необходимо увидеться с тобой. Да, друг мой, нельзя мне более ждать, я довольно была в разлуке с тобой; я никогда не хотела огорчать тебя, но пора сказать тебе, что в эти четыре года я настрадалась больше, чем во всю жизнь; знаю, что многое я вынесла поделом, но ведь это плохое утешение. – Мне необходимо увидеться с тобой, чтоб ты решила за меня многое, что для тебя яснее. В Р(оссию) я боюсь ехать, но с тобой за границей прожить несколько лет страстно бы желала” (РП IV, 209 – где датировано 1859 г. – однако упоминание о четырех годах разлуки (а Нат. Ал. уехала из России весной 1856 г.) свидетельствует о том, что цитируемое письмо относится к 1860 г.

Часто я начинаю к тебе писать, но все не довольно покойно сердце – помни только, что все дурное, внесенное мною в твою жизнь, давит меня, как камень; может, тогда ты простишь... мне смертельно больно; если б не Лиза²...

Все это время я как будто переживаю все прошедшее; страшно, Огарев... Так много дурного накопилось... – а что всего больнее, это то, что я все это время тебе доставляла тяжелые дни, тебе – может быть, единственному человеку, смотревшему добродушно на меня несколько лет. Огарев, прости мне это, за ту боль, которую я чувствую; эта боль научила меня слушать хладнокровно о самоубийстве, минута храбрости и вечный никем не возмутимый покой; много есть привлекательного в этой мысли – но убить ребенка, полного жизни, это только можно в сумасшествии... Может, Лизе и лучше бы было без меня, но я боюсь, это не пошлая фраза: любовь матери ничем не заменима. К несчастью, я и на деле это видела. Вчера мы много говорили (с Герценом) об детях, я откровенно призналась, что Лиза меня многому научила, пробудивши чувство, ни с каким не сравнимое... И что же? И этот разговор только показал мне даль и я, может, уж незаслуженную жесткость. Мои счеы с жизнью (!) сделаны, мне нечего желать, желать бесплодно, лучше промолчать, прошлого не вороотишь, будущего нет, одно желанье осталось в сердце... – куда-нибудь подальше от всего, некогда близкого... кругом тишина, одна Лиза – мой свет, мое примиренье – горькие слезы льются на эту маленькую головку, хоть бы ими вымолить ей хоть несколько светлых дней.

^{35*} марта (франц.).

Быть может, через несколько лет мы увидимся спокойно, я все надеюсь, что, проживши несколько лет в совершенном одиночестве, окрепну, ведь и лета такие, что пора хладнокровно смотреть на все отношения, по крайней мере пора примириться с истиной и ничего несбыточного не требовать... И где бы я ни была, одно чувство со мной нераздельно; я вечно буду помнить, как благодетельно было твое влияние на меня³; не жалею, что ты был слишком мягок, ты был всемогущ над мной (жесткость и холодной ум безвластны). Часто я сознаю правоту замечаний, но чувствую такую даль к тем, которые хотят холодно перестраивать чужую жизнь — да ведь до нее нельзя касаться без любви; в человеческих отношениях это единственная сила; как скоро об ней уж речь идет, так ее нет, и тогда нет влияния... Я слишком дорого за все это заплатила, но зато я обеспечена, симпатии, антипатии, влечения сердца, увлечения, все это не существует для меня — у меня ничуть не осталось веры ни в человеческие чувства, ни в человеческие слова — все ложь, вольная или невольная...

Дай мне твою руку и послушай, я уеду отсюда и, когда почувствую себя совершенно очищенную от всех последних бурь, совершенно свободною от всякого неприятного чувства, тогда я приеду в Лонд(он) хоть ненадолго; наконец, я тебя увижу, как сестра видит брата после долгой разлуки; я увижу наши (!) лица, любящие и покойные, и опять оставляю этот неприветный край, в котором жизнь моя сломилась; я знаю, что это фраза, винить некого, но ведь там, где, например, совершилось убийство, стены не виноваты, а ведь больно на них смотреть; жаль мне больше всего Лизу, она без вины виновата; что б я ни делала, все последствия этой страшной жизни обрушатся на нее; может, я выкуплю это... ну, прощай, прости меня за это письмо, но мне так часто хотелось тебе написать, но руки опускались⁴.

На обороте:
Огареву

¹ Год устанавливается по связи с упомянутым письмом о предстоящем отъезде Нат. Ал. на континент 30 мая 1860 г. Поездка решена была несколько раньше, но откладывалась (см. XXVII, 34 и далее; ср. РП IV, 280).

² *Если б не Лиза...* — Вероятно, намек на то, что только ради дочери Нат. Ал. не кончает жизнь самоубийством.

³ Из дневника Нат. Ал. от 26 марта: "Прощай, Огарев, дай мне здесь не видимой никем, стать на колени перед тобой и прижать голову к твоим ногам — прощай, я не забуду семи счастливых лет, прожитых вместе" (РП IV, 208).

⁴ Письмо написано, по-видимому, во время резкого обострения отношений между Герценом и Нат. Ал.

ЛИЗА ГЕРЦЕН

Фотография Франсиса. Лондон, 1862. На обороте — чарственная надпись Н.А. Тучковой-Огаревой Н.Н. Сатиной: "17 апр(еля) н(ового) ст(илия) 62. Вот тебе твоя Лиза, милая Таташа моя, — когда-то мы будем без портретов друг на друга смотреть {...}"

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

1 июня 1860. Кёльн

Вот мы и до Кёльна добрались – и все идет хорошо – Лиза мало блажит, только она слишком мало спала. Мы сегодня же выезжаем отсюда, будем ночевать в Мюндене, завтра выедем в двенадцать часов поутру, а в двенадцать вечером будем в Дрездене, так предполагаем, по крайней мере¹. Я бы и здесь не хотела так долго быть, но хочется *оказать* Тате собор – Лиза очень устала, теперь спит...

Дела матерьяльные я веду лучше, чем думала, но, кажется, дорога больше стоит, чем Г(ерцен) предполагал.

В Брюсселе 15 ф.

места – 75	} до Ахена
до Ахена	
вещи – 22	
на таможене – 8	
в Остенде	
кофий – 8	

от Ахена

места – 28

вещи – 10

кофий – 5

А что давала на водку, того не помню, пашпортов нигде не спрашивают...

На таможене у меня страшный талант явился – заплатила я раз за Тату по ее неосторожности², а теперь уж все мне верят, дают ключи и оставляют одну распоряжаться...

Лиза вспоминает вас всех, иногда говорит: “Дядя goes to cry, to cry to meet Emily”^{36*}. Иногда говорит: “Ага хочется, мама...” всего же больше и даже со слезами просит Ольгу – а когда звонят, говорит: “А! Meysenbug” – и бежит к двери.

Русские голоса слышала я сегодня ночью и, не знаю почему, страшно обрадовалась им.

Голова кружится, и все кажется, что еще на пароходе... а все-таки что-то больно, как будто оторвалось что-то от сердца, – авось все переживется и мне хорошо будет, слыша, что ты покоен, тихо, кротко живешь. Много я внесла тревоги в твою жизнь, и это, верь мне, я не забуду...

Поклонись Г(ерцену)³ и дай мне свою руку, дай мне ее крепко сжать; так крепко, чтоб хоть на минуту отлегло от сердца.

Ну прощай⁴.

¹ 30 мая Нат. Ал. с Лизой, Татой и И. Турнер, приглашенной к Сатиным гувернанткой, выехали в Германию. До Дувра их провожали Герцен и Огарев. На следующий день, 31 мая, Нат. Ал. сообщала Огареву из Брюсселя: “Мы едем очень хорошо (...) Пасу свое стадо с любовью, все веселы, хотя устали” (приписка к письму Таты Герцен, адресованному Огареву, – см. ниже в наст. книге).

² Позднее Нат. Ал. вспоминала: “Мы доехали до Дрездена без особенных происшествий, за исключением того, что на какой-то таможене, с нас взяли восемь франков штрафа за шелковую материю, которую Наташа Герцен везла в подарок какой-то родственнице своей бабушки, Луизы Ивановны; тогда я переложила иначе все вещи в Наташином чемодане, и после того мы благополучно достигли Дрездена, чему Наташа немало удивлялась: как более опытная путешественница, чем она, я не клала ничего подозрительно по краям чемодана, но в средину, а таможенные чиновники слишком ленивы, чтобы выбирать все до дна чемоданов” (Тучкова-Огарева, 161). См. также ниже письмо Таты к Герцену из Брюсселя от 31 мая.

³ В письме к Нат. Ал. от 14 июня Герцен восклицал: “Протяни мне руку, братски-дружескую, – да, да, Натали, – надобно родиться в другую жизнь – совершенно другую, я сам за себя чувствую это” (XXVII, 65).

⁴ Встреча с Рейхелями в Дрездене состоялась только в первых числах июня. “Долгонько вы едете”, – не без укоризны заметил в одном из своих писем Герцен (XXVII, 59). В Дрездене, наконец, состоялось свидание с Сатиными. Оттуда Нат. Ал. с Лизой, сестрой и племянниками отправились в Гейдельберг, где они уединенно провели почти весь июль (см. XXVII, 81; РП IV, 233; Тучкова-Огарева, 161–163).

36* кричит, кричит, чтобы встретили Эмилию (англ.).

(Бланкенберге. Около 25 августа 1860 г.)¹

Я получила твое письмо в Гейдельберге – но что мне отвечать?² – переписка наша мучительна и бесполезна³ – перечти мои письма; где я прошу вертеровской страсти⁴? нет, нет, Огарев, твоей иронии я не понимаю, да что за вздор, чтоб иронизировать всякое истинное чувство? Герцен⁵ поступил откровенно, зачем же ты смеешься над моим откровением? – да, да, я его поняла, эти фразы симпатии, которые относятся ко всем, они мне недостаточны⁵ – ну что ж? я постараюсь тоже изгладить прошедшее; может, не удастся так скоро, как ему; может, вовсе не удастся, – что за беда?

Я с любовью и истинным раскаянием протягивала вам руки, вы их оттолкнули – теперь, Огарев, *laissez faire*^{37*}, – пусть жизнь нас ведет с Лизой – в мире ни звездочки – тьма – ничего, или выплывем или погибнем, – во всяком случае, или случайно узнаешь, что нас не стало, прими эту весть без горести, мы лишние, жизнь нам готовит еще так много тяжелого, что грех жалеть, что они умерли, не выпивши всю чашу до дна...

Пожалуйста, скажи Саше, что я получила его письмо, не понимаю о каком свидании он говорит; не отвечала только потому, что он в Лондоне...

Если можешь, вели отправить мне вещи, которые были уложены в Лиз(иной) колязочке (!) (коляски не нужно), да еще голубое шерстяное одеяло – смерть холодная...

Я не буду писать, куда еду, потому что сама не знаю да и знать не хочу, придет время, уеду – в Америку ли, в Россию, не решу до минуты отъезда – я буду слишком далеко, чтоб приехать по твоему зову; итак, прощай, Огарев, старайся забыть все черное, вспоминай иногда ту Натали, которая бы умерла, если бы видела во сне ту Натали, которая пишет к тебе, – раз ты мне писал, чтоб я не думала, что ты желаешь почему-нибудь моего удаления; мне было так больно читать эти строки, написанные твоей рукой, что я вовсе не отвечала на них – глубоко я пала в твоих глазах – так глубоко, что и не встанешь, пожалуй, – да зачем вставать, надо бы лечь в могилу – не боюсь и предсмертной боли, так эта мысль заманчива, так в жизни много боли...

– Ну прощай, Огарев, пусть жизнь насколько может окружит тебя тихими радостями, пусть смерть без боли, тихо, как сон, наступит⁶.

Твоя Н а т а л и⁷

¹ Приблизительная дата устанавливается по ответному письму Огарева от 28 августа (см. РП IV, 225–227). Нат. Ал. жила в это время вместе с Сатинными в Бланкенберге, где пользовалась морскими купаниями. День рождения Лизы (4 сентября) Нат. Ал. провела с Сатинными еще в этом городе. Ср. XXVII, 86.

² Судя по письму Герцена к М.К. Рейхель от 15 августа, Нат. Ал. и Сатины должны были находиться в Гейдельберге только до этого числа (см. XXVII, 88).

³ Речь идет о не дошедших до нас письмах. 29 августа Огарев писал Герцену: “Подожду еще два, три письма (от Нат. Ал.); может, сам поеду, мне надо ее спасти, это моя потребность, может, моя обязанность” (РП IV, 231).

⁴ В письме, на которое отвечает Нат. Ал., Огарев писал: “Ты думаешь, что я слово: вертеровское – употребил иронически. Не до иронии мне, Натали! Я его не иронически употребил, а просто для выражения тех страстей, которые хотят жизнь подчинить личному требованию. В них много раздраженной чувствительности, но нет правды; в них либо много откровенности (ведь можно убить человека из откровенной злобы), но нет искренности, т.е. подчинения своего чувства истине” (РП IV, 226).

⁵ Около 14 июня Герцен послал письмо Нат. Ал., прося протянуть ему “братски-дружескую” руку: “Надо было родиться в жизнь” (XXVII, 65).

⁶ Ср. РП IV, 223. Из Бланкенберге, после отъезда сестры с семейством, Нат. Ал. отправилась через Франкфурт в Мец для свидания со своей бывшей гувернанткой К. Мишель. Оттуда она поехала в Швейцарию.

⁷ О получении письма (неизвестного нам) от Нат. Ал. Огарев сообщил Герцену 31 августа (см. РП IV, 232). Возможно, что речь идет о письме без даты в РП IV, 234–235. Неделей ранее он писал ему же: “Много надежд я положил на Натали; я видел в ней существо сильное и благородное; подчиняясь ей, я счи-

37* предоставьте события их собственному ходу (франц.).

тал ее ребенком, которого я воспитал; я верил, что этот ребенок изыщен (...) Я теперь еще не могу отказаться от этой привязанности. Мне кажется, что все, что случается, – так только, болезненный припадок и она опять воскреснет (...) Мне кажется..., т.е. мне хотелось бы, чтоб это было так. Да, видно, так не будет” (там же, 228; ЛЖГ III, 140). Пересылая осенью одно из своих писем к Герцену (написанное летом в Гейдельберге), Нат. Ал. сопроводила его ламентацией: “Ах, Огарев, Огарев, неужели я в самом деле такая дурная женщина, что он меня разлюбил? неужели в самом деле мы с Лизой останемся навсегда одни?” (РП IV, 225).

21

(Бланкенберге. Около 1 сентября 1860 г.)¹

Огарев, я не понимаю тебя, зачем тебе мой адрес?² – я не могу переписываться, я измучена – надо поправиться как-нибудь; мне надо жить, хотя, право, ничего в жизни слишком отрадного нет. Твои письма³ – одни упреки и жесткие, горькие слова; моим словам вы не верите, дайте же времени (!) исцелить меня, – после года или двух мы можем изредка переключаться. Г(ерцен) беспощаден ко мне и к Лизе, – желаю только, чтоб, расставаясь с жизнью (!), ему не было слишком больно, что он нас выбросил с Лизой из своего сердца, – что ж я могу сделать? – изменить то, что было, я не могу, а поправить вы не даете⁴...

Мы доехали до места нашего жительства, одни с Лизой – впрочем, надо сказать, что мы в чужих находим больше помощи и участия, чем в близких, – но это ничего; та, у которой ребенок есть, должна все делать, все жертвы приносить, а, кроме матери, кому горе?..

Лиза здорова теперь – если б было что-нибудь важное, я бы написала тебе, – а все-таки приехать ни мне, ни тебе нечего и думать, мы слишком далеко друг от друга.

Прощай, Огарев, умоляю, успокойся и не сердись – ты ничего не можешь для меня – жизнь наказала меня; но будет, оставим все это, надо силы, силы...

¹ Ответ на письмо Огарева от 28 августа (см. РП IV, 225–227). Этим и определяется приблизительная дата публикуемого письма.

² Нат. Ал., вероятно, откликается на заключительные строки письма Огарева: “Ты не пишешь, куда посылать вещи. Нужен твой адрес. Жду его и жду известий о Лизе – и хотя одного слова человеческого”.

³ См. прим. 1 к этому и пред. письму.

⁴ В своем письме Огарев восклицал: “Чего я требовал от тебя? Жертвы для общего счастья или спокойствия? Эта жертва состояла в сосредоточении, в покаянии, в выдержке себя в уединении – и это бы спасло нас всех. Ты – видишь в этом, что я оттолкнул тебя. Г(ерцен) писал тебе письма печальные и серьезные, строгие (austères), я читал их – ты сказала, что он отталкивает тебя. Ты говоришь, что в его письмах общая симпатия, как ко всякому, а не личная к тебе... Но симпатия ко всякому, с кем имеешь симпатию, вертится на каком-нибудь общем деле и решительно не составляет никакой личной связи. Тут, напротив того, стремление лично тебя, *тебя* привести к той точке, на которой союз был бы для нас всех – спасение, успокоение, сила в жизни. А ты говоришь, что Г(ерцен) оттолкнул тебя. Напряженная оппозиция, которая развилась между вами в 4 года, потому что ты постоянно отхлестывала его по щекам во всем, что ему было близко и дорого, – в детях и в общей деятельности, – и рыный отпор с его стороны, которым он тебя хлестал, не по тому, что тебе близко и дорого, а только по самолюбию, – эта оппозиция должна была улечься (...) Тебе просто не хотелось принести никакой жертвы – ни Лизе, ни мне, ни Г(ерцену), а чтоб все далось легко (...) Всю мою любовь к тебе, всю мою нежность я перенес на Лизу. Ты у меня отнимаешь ее!.. За что? Ведь я ее люблю до безумия; если для меня лично, действительно, что-нибудь осталось светлым – это она (...) Во имя каких прав, гражданских и человеческих, ты хочешь так поступать? Во имя каких прав права и сердца?”

22

(Бланкенберге. Начало сентября 1860 г.)¹

Слово клевета мне сделало страшную боль, Огарев, – а может, ты и прав – горе делает нас несправедливыми; может, я преувеличиваю, но все же я должна сказать: письмами Г(ерцена) я очень недовольна², я и не понимаю, как ты это объясняешь, – вы вправе были, он в особенности, не поверить моей искренности, сказать: “Подождем, не вспышка ли это – я бы поняла это и сама приняла бы отсрочку с радостью – но Г(ерцена) письмо намекает на то, что, когда мы и увидимся, мы уже (будем) не

мы, мы будем чужие, – это я не понимаю – если есть до того разнородные элементы, что они нам не позволяют быть тем, чем мы друг другу обещали, тогда зачем же говорить о будущем? – его нет и не будет, – отвечай мне, друг мой, проще, откровеннее, не бойся огорчать меня, в это последнее время я могла привыкнуть, кажется.

Весной, где б я ни была, папá приедет ко мне; что мне ему сказать? скрыть будет невозможно, когда он будет со мной; выдумать, солгать – противно; я его огорчала, но я не обманывала его до сих пор – я слишком его уважала; подумай и напиши мне, он стар и привык к мысли, что счастливее меня нет женщины; как он это вынесет, не знаю... Много, много на мне лежит тяжелых преступлений, кабы не Лиза, – да, может, я не буду иметь храбрость дожидаться весны³ – нет, это вздор – все вынесу – это так написалось необдуманно... Лиза страшно рада была игрушкам, даже гулять не хотела; Ан(ненкова) она дичилась – а вечером рассказывала детям: “Огарев, Сатин приехал, русский дядя – с большой бородой и игрушки привез”⁴... Она, как сумасшедшая, вдруг ни с того ни сего говорит: “Mysenbug, Mysenbug” – и хохочет, как будто припоминает! Поблаговари всех за меня, я очень, очень тронута за Лизу, что вы не забыли ее рожденья. Кольцо буду беречь – за платье кого благодарить?..

Посылаю тебе старые письма, которых не могла послать из Гейд(ельберга), прочти и сожги – напослани Г(ерцену) мою просьбу насчет моих писем⁵ – не забудь сказать ему, что деньги эти тотчас вышлются⁶. Не забыл ли ты платья, скоро будет холодно, а я не намерена новых покупать... Пиши до девятого, если что нужно, после нас не будет... Не нужно ли Г(ерцену) кому заплатить в Москве, можно бы из этих денег...

Я очень устала, Лиза простужена, плохо спит – еду одна совсем, не могла до сих пор никого найти, то мать, то брат не отпускает, ну что ж делать? надо безжалостно покоряться случаю...

Боже мой, Боже мой, никто из вас не знает, как страшно мне жить, думая, что я навек утратила вашу любовь, вашу веру; что же мне делать, чтоб встретить вас (?).

И чего Г(ерцен) ждет от времени, как бы я ни изменилась, он уже никогда не воротится, я чувствую⁷.

¹ Ответ на неизвестное письмо Огарева, привезенное П.В. Анненковым (см. прим. 4 и 7), чем определяется датировка.

² Эти письма Герцена до нас не дошли (ср. РП IV, 236–237).

³ Возможно, намек на самоубийство как на выход из создавшегося положения.

⁴ П.В. Анненков приехал в Бланкенберге из Лондона 4 сентября, в день рождения Лизы. По просьбе Герцена и Огарева он привез туда письма, а также подарки для Нат.Ал. и Лизы (см. XXVII, 899–900). “Мы вспоминали с Анненковым 1848 год, наше пребывание в Париже во время июньских дней; вспоминали и о тогдашних близких знакомых, о Наталье Александровне Герцен, которую он тоже очень любил и ценил, как я”, – замечает Нат.Ал. в своих мемуарах (Тучкова-Огарева, 165–166).

⁵ Нередкое упоминание в письмах Нат.Ал. к Герцену и Огареву о необходимости уничтожить ее письма к ним.

⁶ Вероятно, речь идет о деньгах, которые Сатины передали ей в счет их долга, переведенного на имя Герцена.

⁷ Возможно, что о получении именно этого письма упоминает Огарев в письме к Герцену от 19 сентября (см. РП IV, 244).

Во мне все надо перестроить до дна – это без сомнения, и эту работу я сделаю, хотя бы оставалось жить очень немного, но, и совершивши ее, я не могу быть более членом вшей семьи, я не могу так быстро отрезать от себя то прошедшее, которое навеки отняло у меня все, что было от него, – оно запало в сердце с слишком большой болью, чтобы до могилы можно (было) это вырвать – заменить общим все личные чувства, как Г(ерцен), я не могу. С этой минуты у Лизы никого нет – тот, кто не любит мать, не любит и ребенка... Мне страшно вспоминать об нашей жизни, если бы ты знал, как мне бывает больно; как я не понимаю, что все могло так быть... Иску-

пление могло быть, но это не искус, это вечное изгнание, ни крова, ни семьи – ничего не будет у Лизы... ее мы приносим на жертву, она лишняя, неожиданная, нежеланная, да, может, судьба пошлет нам тот приют, который никому не отказывают.

Ах, Огарев, друг мой, если ты знал это, зачем меня так долго мучить, – если бы вы знали, что ваши письма делают со мной, Г(ерцена) письмо я знаю почти наизусть и всё читаю, всё чего-то ищу – знаешь, так перечитываю, как о близком умершем, – должно быть, правда, не написали бы²...

Проси его от меня собрать все мои письма и прислать сюда до 15(го). Он сам не признает более нашего прошедшего, стало, оно должно быть выброшенным из его жизни – пусть же он очистится от него. Ах, как больно, как больно, что я сделала с собой? – ведь нам лучше не жить с Лизой? не правда ли? Ну что это за жизнь – я не уединенной жизни боюсь, я боюсь бесплодных мучений, боюсь того, что не удастся мне приобрести собственное уважение, не удастся детей Натали прижать к своему сердцу так, как бы мать должна... сейчас письмо Саши и Таты, это цветы на могиле – сколько отрады, грустной радости и умиления – нет, это слишком, я чувствую, что я не стою этого, – они будут на днях, еще светлый праздник в моей жизни. Одно горе, Лиза больна – ночи не спит до утра – ну что ж делать? Зачем, зачем Г(ерцен) убил меня, зачем этот приговор? Дети называют себя моими детьми, а он, он не воротится.

О, Огарев, это слишком больно – ужели я это переживу – нет, нет, мы лишние, мы не должны жить...

¹Приблизительная дата определяется связью с соседними письмами; о 15 сентября здесь говорится как о предстоящем дне.

²Эти письма Герцена не сохранились – как и другие за то время. В одном из них Нат.Ал. усмотрела намерение окончательно порвать с нею и согласиться на ее отъезд с дочерью в Россию.

24

(Мец(?). Около 12 сентября 1860 г.)¹

Огарев, письмо твое, относящееся к Emily², было так несправедливо и оскорбительно, что я до сих пор не могла решиться тебе отвечать – надо ли возвращаться на это ничтожное и неприятное происшествие? – я спросила, что я ей должна, и на веру, без расписки послала ей деньги, которые она требовала; только что она их получила, она стала еще требовать, говоря, что сумеет получить их с вас, если я не заплачу, – спроси Г(ерцена), и он знает, что не всегда кровь спокойна в таких случаях, – потом она получила все, что нужно на дорогу, и даже лишнее. Может, я написала тебе сгоряча, но вот факты – the matter drops^{38*}.

Я писала Г(ерцену) об Тате, мне стало ее жаль, но, кажется, ей теперь там опять хорошо – итак, пусть себе поживет в Дрездене...

В нашу короткую разлуку я много думала, и, как всегда, издали лучше видят, то я и должна тебе сказать, что вижу свои ошибки, как на ладоне (!), и веры и надежды много было бы, когда б я могла думать, что Г(ерцен) серьезно любит меня, без этой уверенности я не ступлю на английский берег, а он не может мне ее дать – вот для чего я говорила о прощении; прощение – это оставление прошедшего – это рука, светло поданная через прошлое, – если он не может обновить нашей жизни, для чего нам сходиться? если он не может слить меня и Лизу с его семьей, то пусть мы будем навсегда скитальцы – бедное дитя, сколько жизни и свету в ней, и на какую жизнь обрекается она... Я чувствую, что вы все для меня – но я боюсь; лучше жить вдали, чем пройти опять через старые горести – как Г(ерцен) ошибался; он говорил, что эти волнения – это-то и жизнь для меня; каждый день я чувствую противоположное, я радуюсь тишине невозмутимой, в которой живу, – нет, нет, не хочу волнений, хочу тихой и прочной любви, а может, она прошла невозвратно, а может, это был бред, а ее никогда не было? пусть он напишет правду, правды я не боюсь, но жить шатко, право, сил нет – тогда я на что-нибудь решусь, а уж выдержу...

^{38*} Вопрос исчерпан (англ.).

А теперь к тебе просьба, Огарев, ты маяк, который издали освещает мой путь, друг мой, не оскорбляй меня, не суди меня всегда так мелко и пошло, не порть тот образ, перед которым я становлюсь на колени и плачу, сознавая, что то, что я потеряла, невозвратно, незаменимо – даже Лиза не высушит слез моих... Обещай же мне, говоря правду, не говорить ее так, как ты привык в эти несчастные четыре года, – подумай, может, мы никогда не увидимся – а если б ты знал, как больно падают твои слова... Я измучена, Огарев, – мне бы хотелось слышать от вас что-нибудь, – я чувствую, что все бы могло идти превосходно, но надобно, чтоб было прочное основание; прости меня, но мне кажется, что Г(ерцен) серьезно не смотрел на наш союз, так легко не расстаются люди близкие, я говорю легко, потому что С(атина) поразило šťastливое и беззаботное лицо Г(ерцена)... Пишите оба всю правду...

Кстати, мне предлагали русскую нянюшку, чего бы лучше, но я еще не решаюсь, потому что если ехать к вам, русскую, может, неловко нанять, зато если останусь на континенте, непременно возьму...

Мар(ья) Алек(сандровна) была два (раза?) – ее что-то влечет^{39*} (я), нужно признаться, недовольна ею (...)^{39*}, она утратила свою простоту – беспрестанно говорит об себе, о своем таланте, об душевных делах своих – она меня так мало знает, но, как кажется, она со всеми так же поступает – муж ее бесконечно жалок – что мне еще не понравилось, так это то, что она заучивает фразы; говорит мне и, когда я вышла, сестре точно то же, – например: “В Швальбахе эти дни погода серая, солнца не видно, писем от Ал(ександра) Ив(ановича) нет, точно в Р(оссии)”. С(атин) ужасно смеялся, замечая эти заученные фразы... Ей хочется создать себе роман, я останавливаю ее, потому что предчувствую, что и талант и она подвигается к лютому действию, если роман удастся, т.е. роман личный³.

Ну пишите, просто, без злобы, без иронии, уж я и вовсе не смеюсь – Ирина Афанасьевна была у нас на несколько часов, спела мне песню Грановского, и я, как дура, расплакалась⁴... И Лиза полюбила Ир(ину) Аф(анасьевну), говорит: “Дай даму Лала”.

Я забыла, что заказала вам копию Гран(овского) бюста, он так хорош, что я не могла устоять, а сама не знаю, что стоит⁵...

Я дам тебе знать, когда доеду, но ты не скоро получишь известие – доехать не шутка...

Посылаю тебе письма, которые я писала к вам и не решалась отослать, прочти их и сожги – но сердце невозвратно потеряно – как ты можешь, друг мой, иметь столько надежд и желать (хоть со временем) мое возвращенье.

¹Приблизительная дата определяется тем, что в предыдущих письмах Нат.Ал. еще не упоминает о своем отъезде из Бланкенберге, а 12 сентября она уже гостила у Каролины Мишель в Меце (см. РП IV, 237–239).

²Emily – вероятно, прислуга-англичанка. Письмо Огарева с упоминанием о ней и ее конфликте с Нат.Ал. неизвестно, так же, как письмо Нат.Ал., о котором она здесь упоминает.

³Писательница М.А. Маркович (Марко Вовчок) и ее муж А.В. Маркович. “Личный роман” ее, упоминаемый в письме, – с А.В. Пассеком (сыном Т.П. Пассек), действительно, сыграл роковую роль в жизни как его, так и его матери.

⁴И.А. Грекова, родственница Станкевичей, близкая знакомая Е.А. Сатиной, прекрасно пела. “Я любила слушать ее, особенно когда она пела страстные и грустные малороссийские песни, – вспоминала Нат.Ал. – Из всех этих мотивов меня поразила одна заунывная песня, начинающаяся словами: “Вы простите, мои детки”. Это была любимая песня Тимофея Николаевича Грановского; в грустном, тяжелом настроении духа нельзя было дослушать ее до конца, так как она потрясала все фибры человеческого существа” (Тучкова-Огарева, 163).

⁵По-видимому, мраморный бюст работы скульптора Э.-Ф. Ричеля. Надо думать, Нат.Ал. не знала, что бюст был заказан самим Герценом через М.К. Рейхель еще летом 1859 г. (см. XXVI, 468) и получен им около 7 августа 1860 г. Герцен также находил, что бюст Ричеля, сделанный по фотографии, “очень хорош”, но в письме к Рейхель он указал главные его недостатки (см. XXVII, 85).

⟨Лозанна. Конец сентября (?) 1860 г.⟩¹

Огарев, я послала тебе письмо, писанное до твоего, и приписала только сбоку, потому что хотелось скорей послать, скорей получить ответ²...

Больно мне, потому что ты опять мной недоволен, – однако я все принимаю и все исполняю – ты дурно понял мое желанье жить одной в Лондоне и видиться только с тобой, это была уступка твоему недоверию и собственное сознание, что мне рано еще встретиться с Г(ерценом). Чем больше думаю, тем больше вижу, что ты прав; я очень искренно говорила, что не буду о себе думать, и до сих пор сдержала слово, но это такое свежее и внезапное решение, что, может, оно бы не устояло... я рада теперь не ехать в Лонд(он), лишь бы ты был здоров... Не загадываем вперед – пусть будет, что будет, – вот только что должно быть непременно: чтоб я с тобой встрети-лась где бы то ни было не дальше весны, это, может, единственное мое желанье, – второе, – чтоб дети забыли эту несчастную женщину, *écharrée de la maison des fous*^{40*}, которая жила с ними последние годы, и чтоб они познакомились с другом их матери³, которой, может, вечно будет далек от них, но всегда серьезно предан и любящ, – фраза Ольги режет сердце; бедный ребенок, я жду ее с страшным нетерпением, мне хочется поскорей сделать, чтоб она забыла ее – да, Огарев, перед ней я всего больше виновата – верь мне, ее письма вам докажут, люблю ли я ее⁴...

25 окт(ября) кончается срок моей квартиры; что же мне делать? переехать ли в *hôtel*, но это будет очень дорого; остаться здесь тоже трудно; они захотят деньги за месяц – теперь хотя и скучно, но надо поговорить об материальном; Г(ерцен) запретил, а как же быть? у меня немного денег при всей моей экономии, а в Париже жизнь дорога – я все не понимаю, Мей(зенбуг) будет ли жить у Шв(абе) или одна – в последнем случае я очень рада с ней жить⁵...

Почему ты думаешь, что дружба моя с Сашей основана на одной оппозиции, о нет, друг мой, он вошел уже в тот возраст, когда дружба с старшей женщиной возможна, – отсутствие изгладило мелкие неприятности – я говорю ему правду, и он ее выслушивает... В оппозиции Г(ерцен) сам виноват, его обращение с Сашей не было хорошо – отец не так должен был поступать с сыном – вот и результат...

¹В публикуемом письме содержится упоминание о том, что 25 октября “кончается срок” квартиры Нат.Ал. Если бы это письмо было написано в октябре, то Нат.Ал., вероятно, написала просто бы “25-го числа”. В середине этого месяца она по настойчивому совету А.А. Герцена и родителей его невесты уже переехала в Берн (см. там же, с. 166–167), и, следовательно, к ноябрю это письмо тем более относиться не может. В своих воспоминаниях Нат.Ал. сообщала: “Скоро, незаметно, пролетело время нашего свидания с сестрой, и пришлось расстаться и с ней; сестре нужно было до холода возвратиться домой; тяжело, полно печальных предчувствий было это последнее прощание... более мы не видались... По отъезде сестры я почувствовала страшное одиночество, оставшись с моей малюткой, и решила съездить посмотреть Швейцарию, так как я никогда там не была; вдобавок, там учился А.А. Герцен. Пробыв некоторое время в живописной Лозанне, где я много гуляла по роскошным садам и восхищалась совершенно новой для меня природой, которая имела для меня умиротворяющее, успокаивающее ее влияние (...) Позже я отправилась в Женеву, где встретила с А.А. Герценом и семейством его невесты” (Тучкова-Огарева, 166).

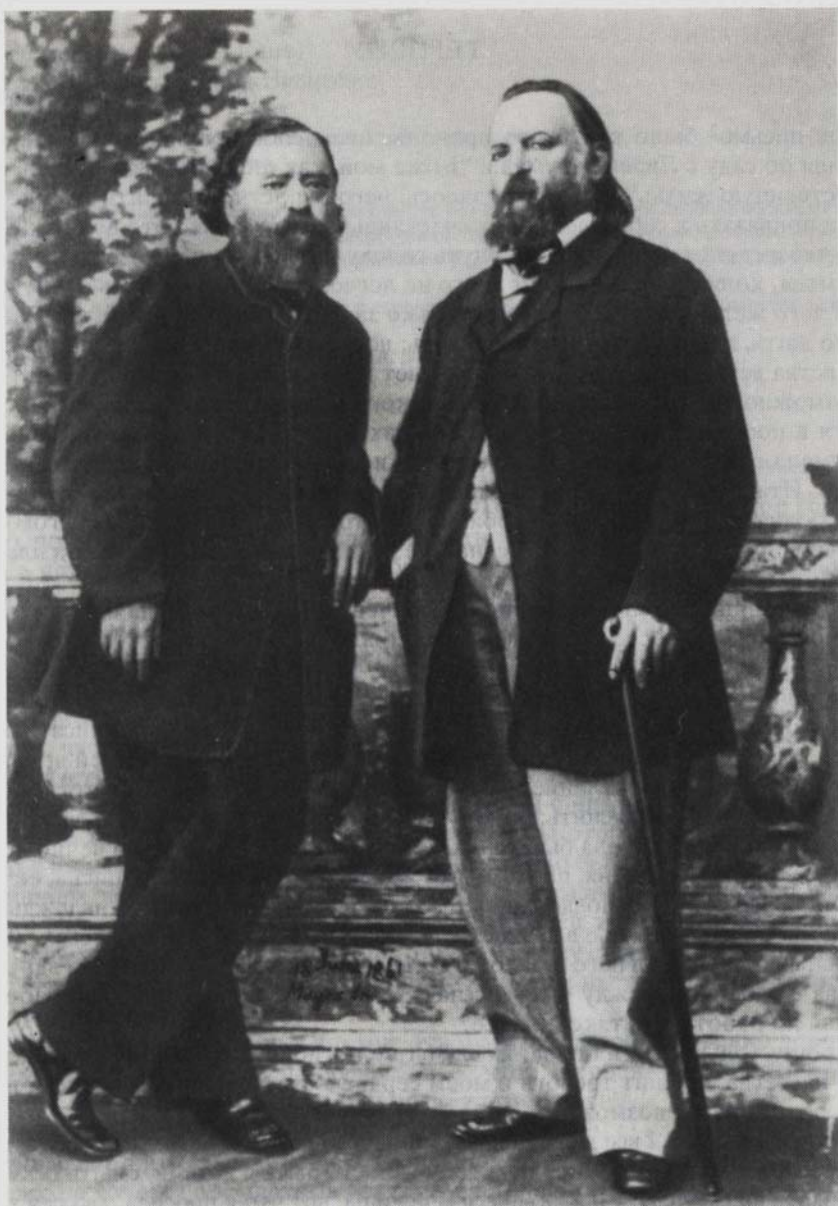
²О каком письме идет речь, неясно.

³Нат.Ал. имеет здесь в виду себя.

⁴Письмо О.А. Герцен с фразой, взволновавшей Нат.Ал., до нас не дошло.

⁵В письме к Огареву более позднего времени (без даты) Нат.Ал. вспоминала, что после отъезда из Лондона она “увидела с ужасом, что поступала очень эгоистично, отдаваясь одной Лизе”, и что “многими ненужными жертвами ей” она “отдалилась от Г(ерцена), отдала семью от Лизы” и поэтому ей захотелось “всей своей любовью и заботливостью поправить все”, поселившись с девочками в Париже. “Я думала воссоздать семью из этих трех детей”, т.е. Таты, Ольги и Лизы. “И если б письма нас всех свидетельствовали о нашей кроткой гармоничной жизни, – продолжала она, – тогда бы Г(ерцен) бы нас воротил весной, летом, когда бы захотел, – он бы принял нас с полной любовью, провел черту над прошедшим, и мы стали бы кротко и мирно вести детей по мере их потребностей и сил с невозмутимой кротостью и с ровной любовью” (РП IV, 234). Проект переселения в Париж остался неосуществленным.

^{40*} бежавшую из дома умалишенных (франц.).

ГЕРЦЕН И ОГАРЕВ

Фотография братьев Майеров. Лондон, июнь 1861 г. На изображении надпись неизвестной рукой:
"18 June 1861. Mayers br(ot)ers" ("18 июня 1861. Бр(ать)я Майеры")

Институт русской литературы РАН, С.-Петербург

26 ГЕРЦЕНУ

(Лозанна? Около 1 октября 1860 г.)¹

Твое письмо² было как будто продолжением собственных моих дум... Только что, гуляя по саду с Лизой, я думала: “Боже мой, как люди не умеют жить, как портят собственную жизнь”, вот и я: казалось, чего бы легче укрепить любовь детей к Лизе, их привязать к себе, сделать их счастливыми, насколько это возможно, а между тем, что я сделала? не смею обернуть голову назад – вы правы, кто же и погубил Лизу и меня, коли не я сама; но от этого не легче: ищешь, смотришь вокруг, нет выхода. И чего желать мне?.. Страшусь только за Лизу; такой сиротой, как она растет, страшно жить, а между тем, что же делать: воскресить вашу веру и любовь, воскресить чувства детей нечего и думать – тут нет ни малейшей надежды; вам отдать Лизу невозможно, вы не можете выходить такого маленького ребенка, вы должны обратиться к посторонним, а этого я не в силах допустить; отдать Лизу Елене, я и об этом думала серьезно, но тут тоже есть такие важные препятствия, что надо и это оставить. Итак, она должна расти сиротой; сердце сильно болит; ах, Герцен, сердце больше болит за ребенка, чем за себя; какой эгоизм ни был бы, правду говорит русская пословица: “Одна голова не бедна”, ее всюду можно сложить, и под плаху и под лед речной, везде ей хорошо, – а тут сядешь да подумаешь...

Ты говоришь, что мне надо учиться врачевать?.. Друг мой, да был ли от вас ответ на мои письма, после которого можно было бы легче вздохнуть, тогда, может, полились бы другие слова прямо из сердца... – а тут об тебе нечего и говорить, ты был беспощаден, Ог(арев) писал больше одни упреки... дети писали, что им очень весело и хорошо... что они совершенно счастливы... что же мне было писать на это? я молчала, горько мне было не слышать слово участия, слово искренней дружбы...

Вот и Ог(арев), его желание иметь мой адрес – совершенная фантазия, я не могу его дать и не могу объяснить, почему³... Вдобавок, если что-нибудь важное случилось бы с Лизой, я известила бы его – переписываться я не могу, вы вечно недовольны мной, не понимаете меня, поэтому что же может принести переписка, если не одну горечь, и все-таки она поддерживает какое-то волнение, пустые надежды, постоянные думы об вас, желание вас видеть, показать вам Лизу, а между тем я, 30-летняя женщина, выращенная в неге и баловстве, не умеющая ничего делать, я вдруг очутилась одна с ребенком между чужими; надо жить, надо бороться – надо работать... а возможна ли работа при такой пытке?

Я прошу только год или два. Если мы не погибнем, то, верно, спокойствие душевное навсегда заменит тревоги в моем сердце – тогда и адрес и изредка перебросить слово, все будет возможно.

Ты говоришь, что я все должна давать и ничего не требовать – ах, как ты меня понял; я просила только, чтоб мне дали возможность быть с детьми, смыть оскорбления свои, увидеть их светлые, улыбающиеся мне лица, вот что я просила... а если я говорила, что не имею к тебе братского чувства, так это только из любви к истине и из опасения каких-нибудь трагических столкновений... Но теперь, друг мой, я ничего не прошу, все это были мечты, мы с Лизой должны стереться, исчезнуть... едва ли мы всплывем...

Прощай, пусть дети загладят своей любовью все невзгоды твоей жизни – что же еще я могу тебе пожелать? Береги Ог(арева), не сердись на мою записку об нем, она написана без *aggrès-pensée*^{41*}, с истинной любовью к нему и с полным уважением к тебе, это только напоминания, иногда вблизи всего не видно⁴²...

С чего ты взял, что я в Меце?⁵ теперь мне не будет случая послать письма до двадцатого, а может и дольше.

Об детях не говорю, пото(му) что слишком больно; на письма Таты, пр(аво)^{42*}, отвечать не могу, пусть она простит меня⁶.

^{41*} задней мысли (франц.).

^{42*} Автограф поврежден. – Ред.

На обороте:

Angleterre. A. Herzen Esq(uire)

Eagles Nest. Bournemouth. Hampshire

¹Приблизительная дата устанавливается по содержанию письма.

²Это письмо Герцена неизвестно.

³См. выше п. 20.

⁴В этой "записке" (вернее, письме) из Франкфурта без даты, Нат.Ал., пришедшая в ужас от того, что на своей последней фотографии Огарев выглядит очень плохо, умоляла Герцена возвратиться в Лондон и сменить Огарева на его рабочем посту, заставив своего друга поскорей отправиться куда-нибудь на отдых (РП IV, 249–250 и ЛЖГ III, 154).

⁵В Меце Нат.Ал. была несколько ранее, в середине сентября (гостила у своей бывшей гувернантки К. Мишель). – См. РП IV, 237–239.

⁶Это и другое письмо Таты Герцен к Нат.Ал. до сих пор в печати не появлялись.

27

(Лозанна (?)) 12 октября (1860 г.)¹

Воскресенье² вечером я послала к тебе и к Г(ерцену) письма с чужой горничной – не знаю, получили ли вы их³ – вчера пришла твоя записка⁴, ты ждешь – сегодня уже пятница, а нет ответа, – а так хотелось бы письма... Сегодня холодно, и дождь и ветер, наконец и снег...

Книг у меня мало, так мне попался здесь "Le petit Napoléon". Конечно, это написано во французском вкусе, много повторений и ненужных фраз, но факты 2 дек(абря) страшные – я не воображала этого. N(apoléon III) поступил не хуже Ник(олая) во время 14 дек(абря). – Рассказ этот дикой об убийстве на парижских улицах так отвратителен, что почти невероятен, если б не Vic(tor) Hugo⁵. Каждый день я читаю здешнюю газету⁶, т.е. то, что касается до Италии. Мацини, говорят, выслали из Неаполя⁷, какая разница, однако же; бывало, не то бы с ним сделали, si l'on pouvait le prendre^{43*}. Все же это прогресс. Если б не Лиза, я бы отправилась к Гар(ибальди)⁸; знаю, что я ничего особенного не могу, но мне отрадно было бы сложить голову под этим пышным небом, под торжеством свободы – жизнь моя началась в Италии встречей с Натали, думой постоянной об тебе, наконец этой необыкновенной жизнью, которой дышала тогда вся Италия⁹; там бы, в виду столь любимого мною Неаполя, заснуть и, засыпая, чувствовать, что с этим сном наступит новая жизнь, серьезное возрождение Италии...

Вот фантазии, ты скажешь... но мне эти фантазии необыкновенно дороги. Вот еще мысль, которая меня не покидает; надо, чтоб Г(ерцен) поставил памятник в Ницце; кончится тем, что мало-помалу могилу потеряют¹⁰.

– Теперь хотелось (бы) поговорить с тобой об Лизе; мне кажется, что она не совсем здорова, ест плохо, спит плохо, а язык бел; я давала ей рицинного масла, но оно не помогло; не хочется посылать за доктором, а Девиль такой капризный, что ничего не скажет, – может, его тронет то, что Лиза помнит его; сегодня я стала говорить с ней об докторе: "Когда доктор придет, покажешь язычок". – "Не акажу. – Девиль дает хорошее лекарство". Я удивилась, давно я ей не говорила об Девиле... Игрушек ей никогда не присылай, они ей скоро надоедают, а книги и куклы она любит. Пришли ей когда-нибудь книгу с животными и надписи – русские названия, я многих не знаю, а мне хочется говорить с ней по-русски...

Вот ректификация^{44*}, я не поняла. Мац(цини) выслан демокр(атической) партией – может, они и правы, но больно, должно быть, старому воину¹¹...

14 окт(ября), воскр(есенье)

Я писала всем тому неделю¹², но ответа нет – жду.

^{43*} если б могли его схватить (франц.).

^{44*} поправка (франц. rectification).

¹Год устанавливается по упоминаемым в письме историческим событиям; число и месяц приводятся в заключительной части письма; в первом абзаце указано, что оно начато в *пятницу*, т.е. 12 октября. Ряд недатированных писем Огарева к Герцену за октябрь 1860 г. пестрит жалобами на неполучение писем от Нат.Ал. (см. "Лит. наследство", т. 39-40, с. 380-395).

²Воскресенье приходилось на 7 октября.

³Возможно, письма без дат, напечатанные в РП IV, 249-253.

⁴Упоминаемая записка до нас не дошла.

⁵Прославленный политический памфлет В. Гюго "Napoléon le Petit" ("Наполеон Малый", 1852), в котором подробно излагается история правительственного переворота во Франции, сопровождавшегося кровавым террором и закрепившего власть Луи-Бонапарта. Нат.Ал. сравнивает этот переворот с подавлением декабрьского восстания в 1825 г.

⁶Вероятно "Gazette de Lausanne".

⁷Маццини приехал в Неаполь 17 сентября. Он возражал против передачи королю всей власти в Италии. Враждебная ему партия "умеренных" натравила на прославленного республиканца неаполитанскую чернь, устроив ряд демонстраций, во время которых выкрикивались лозунги "Смерть Маццини!" и т.п. Выслан он не был и уехал из Неаполя в конце ноября (см. К.Э. К и р о в а. Жизнь Джузеппе Мадзини. М., 1981, с. 145-146).

⁸Добровольческие освободительные войска, возглавлявшиеся Дж. Гарибальди, 6 сентября вступили в Неаполь.

⁹Об активном участии Нат.Ал. в освободительных манифестациях бок-о-бок со своей сестрой, Герценом и М.К. Эрн (Рейхель) в начале 1848 г. в Риме и Неаполе, см. в ее "Воспоминаниях" (с. 61-63) и ниже, в обзоре писем ее к Е.С. Некрасовой.

¹⁰Имеется в виду надгробие Н.А. Герцен на ниццком кладбище. После смерти и погребения Герцена на этом месте, несколько сбоку, был поставлен монумент с его статуей во весь рост.

¹¹См. прим. 7.

¹²Возможно, имеется в виду предыдущее письмо.

28

(Начало или середина октября (?) 1860 г.)¹

Еще раз поговорим обо всем, слушай меня терпеливо, Огарев, а потом, ради Лизы, дайте мне собраться с мыслями...

Miss Reeve права: нравственность – понимание, но я понимаю и этого англичко-го автора²; может, и в самом деле нравственности меньше, потому что понимание – только развито в самой верхушке меньшинства, а мы видим только развитие меньшинства насчет масс, а в массе мало пониманья.

Но чтоб я не забыла, что я хотела сказать вам: мое желание было доказать вам на деле, как мне страшно прошедшее и как я с ним рассталась; заставить вас поверить – не в моих силах, но, когда слова мои оставляют вас холодными, поймите же, что больше я ничего не могу сделать; стало, разрыв с Лизой³ – фатальность, необходимое следствие прошедшего и вашей /1 нрзб./^{45*}. Зачем лгать, я прямо скажу, нет, личное чувство не умерло во мне; может, я моложе вас, потому и не могу принять вашего отвлеченного взгляда – Натали была не моложе и, конечно, не менее развита, чем я, и после этой страшной трагедии, которая, кажется, могла бы хоть кого состарить, все же не братское чувство одно господствовало между ними⁴.

Нет, у меня нет к Г(ерцену) братского чувства и, думаю, не будет никогда, оно бы могло только прийти со временем после полнейшего примиренья и несколько (!) светлых лет – но свету в моей жизни едва ли будет; я только хотела заявить окончательно, как я понимаю теперь; друг мой, для тебя ясно, что тут нечего больше делать, оставь же нас с Лизой на собственные силы, меня не нужно и нельзя спасти, спасет меня только сама Лиза да работа; не скрою от тебя, что мне была бы со временем величайшая отрада видеть тебя, жить, но недалеко от тебя, но и это несбыточная мечта, твоя жизнь слишком связана с его⁵ – а мне надо все новое и здоровое кругом, чтоб окрепнуть и хладнокровно взглянуть на эту искаженную вещь, которую называют жизнь. Что было счастья, и покоя, и крепкой, благородной веры, и что надежды и где это все, где я сама? Ах, Огарев, как страшно вспоминать, тебе жалеть нечего, и никогда я не хотела этого сказать, ты меня не понял. Я говорю: пос-

45* Автограф поврежден. – Ред.

ле страшных, тяжелых дней ты отдыхал там, да, я это думаю – но утешать тебя не в чем, а я? да что, ты ведь не веришь мне теперь, ты анализируешь, разбираешь каждое слово... Это простая, добродушная вера! ах, как она далеко отлетела от нас...

Не бойся же за нас, Огарев, мы еще живы, – ты-то поберегись для нас всех; меньше работы и хлопот, больше сна и покоя, это не ирония – это моя искренняя просьба и, может, последняя.

Когда оправлюсь, буду много писать об Лизе, тысячу раз благодарю за портрет – вещи получила. Деньги, наконец, отдала.

Пожалуйста, вели собрать все мои вещи⁶, к весне^{46*} я бы хотела их все иметь.

Поцелуй же *ее* за меня и скажи, что платье очень мило⁷, очень идет Лизе и так умно сшито, что может долго его носить⁸.

¹ Публикуемое письмо, является, по-видимому, ответом на неизвестное обращение Огарева к Нат. Ал.; оно написано, вероятно, до ее переезда в Берн.

² О каком авторе говорит здесь Нат. Ал., не установлено.

³ Речь идет о продолжительной разлуке.

⁴ Нат. Ал. намекает здесь на взаимоотношения Герцена и его покойной жены после их семейной драмы начала 1850-х годов.

⁵ Т.е. с жизнью Герцена.

⁶ См. прим. 2 к п. 32.

⁷ Возможно, платье для Лизы было сшито Мери Сетерленд. Выражая благодарность подруге Огарева, своего бывшего мужа, Нат. Ал., по-видимому, желала доставить удовольствие Огареву, страдавшему от антагонизма, между двумя близкими ему женщинами.

⁸ В одном из писем этого времени, адресованном Саше, Герцен следующим образом резюмировал свой (и Огарева) взгляд на нравственное состояние Нат. Ал.: "Мы думали, что одиночество и сосредоточенность – сведут мир в душу Natalie, – мы, кажется, ошиблись. Причина ее отъезда – и это я тебе говорю клятвенно – *одна и исключительно одна* – негуманность с детьми и с нами, упорство в этой негуманности – *вот где начало раздора...*" (XXVII, 111).

29

(Начало или середина октября 1860 г. (?)¹)

Огарев, я должна была слишком наскоро отвечать на ваши письма, перечитываю их беспрестанно и думаю, думаю и день и ночь²... Что же мне делать, Огарев?

Это письмо начато прежде³ – с тех пор все изменилось... Огарев, да, право, не знаю, что сказать, ты болен, что это, припадок? Боже мой, и меня не было с тобой... Нет, Огарев, если б ты видел весь мой ужас, ты бы мне не дал так мучиться. Твоя болезнь меня исцелила – теперь я поняла безобразие моей прошлой жизни, эту безмерную жажду счастья для себя; я выздоровела, клянусь тебе, у меня нет больше ни личных желаний, ни личных чувств – спокойствие, наконец, сошло в мою душу – у меня только и осталось желаний – видеть Лизу возле тебя, видеть тебя, когда мне это нужно...

Огарев, не откажи мне, это моя последняя просьба, позволь мне воротиться в Л(ондон). Я чувствую, что я не в силах выносить такие мученья, мы немолоды, тот или другой сойдет первый <с> ступени, надо проститься в последнюю минуту, а то жизнь не будет иметь смысла⁴... Послушай, Г(ерцен) и дети, вероятно, не желают моего возвращения, а ты сам, может, боишься – найми мне две комнаты недалеко от тебя⁵.

Сделай это, прошу тебя именем моего погибшего счастья, именем Лизы... Я не жалею, что уехала, потому что теперь только поняла – недавно еще мне непонятно было слово *вечной печали*, да, вечная, вечная печаль – кроткая, покойная... Я ложусь в постель и не могу заснуть, все говорю с тобой и не могу наговориться; ах, если б ты слышал или даже видел меня, ты поверил бы, ты увидел бы, что той Натали, которая тебе причинила столько горести, нет больше... Мне кажется, что эти четыре (!) года⁶, годы превращения предсказаньем египетскому королю⁷ – я теряла все че-

^{46*} Вероятно, описка и следует читать: к зиме. – Ред.

ловеческое, и в моей мысли царствовало одно я, я под разными формами – нет, будь покоен, больше я не буду заботиться о себе... Я думала отдать вам или Елене Лизу и избавиться от этой страшной тяжести, но это позорная трусость – буду жить пока ты и Лиза живы...

Ну прощай, Огарев, благослови нас с Лизой... взгляни на меня, того отупелого, взбешенного взгляда ты больше не встретишь. Не думай, что я преувеличиваю – бывают в болезни неожиданные кризисы – я сама не ожидала его, твоя болезнь меня испугала и, как молонья, осветила быстро всю мою жизнь – я поняла разом, ужасом, где была ошибка, – поправить жизнь – невозможная задача, да я и не желаю этого – но понять и осветить тихим светом обломки можно... Понимание не только есть нравственность, но есть счастье – потому что оно нас поднимает выше страданий и дает нам в замену тихое смирение...

Да, Огарев, повторяю, я ничего для себя не хочу – не бойся меня и не бойся за меня...

От избытка горя и отчаяния личного я каменела, ничего не понимала, кроме о себе, камень разбился, твоя болезнь его разбила – я опять могу чувствовать горячо за других...

Дай же мне твою руку и порадуйся со мной, улыбнемся оба – хоть изувеченная, но я спасена, я не погибну – давай вместе заботиться об Лизе, какое счастье будет показать тебе ее – что перемен ты найдешь в ней... Она беспрестанно говорит об тебе...

Ну прощай, друг, – еще и еще твою руку...

Писала к тебе ночью – поутру перечитала письмо – это серьезно, Огарев, поверь же мне, наконец...

Прощай, пришли за письмом...

¹ Приблизительная дата устанавливается по упоминанию о получении письма Огарева к Герцену от 9 октября 1860 г. (см. "Лит. наследство", т. 39-40, с. 387).

² Эти письма Герцена и Огарева неизвестны.

³ Огарев не понял этой оговорки и писал по ее поводу Герцену: "Из приписки я вижу, что оно писано прежде, но прежде чего – не знаю" (там же). См. след. прим.

⁴ До Нат. Ал. дошло, что Огарев серьезно заболел. В сентябре (после 14-го) она писала Герцену из Франкфурта-на-Майне: "Огарева вид на последнем портрете меня ужаснул, надолго ли он с нами? – Послушай, не оставляй его так долго одного, я уверена, что он вовсе не думает об себе и в твоём отсутствии слишком много работает за себя и за тебя" и т.д. (РП IV, 250). В письме без даты, относящемся к этому времени, Огарев писал Герцену: "Письмы N(atalie)... О! Герцен, Герцен, может и в самом деле лучше, чтоб она жила здесь отдельно, только чтоб не терять Лизы из виду. Эта жертва необходима. Но я еще надеюсь, потому что не могу отстать от привычки любить Натали" ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 386).

⁵ По-видимому, Огарев сообщал Герцену 9 октября вечером о получении этого письма: "Я им не так доволен, как бы хотелось" (там же, с. 387).

⁶ Четыре года – время пребывания Нат. Ал. в Лондоне (1856–1860).

⁷ Вероятно, намек на предсказание библейского персонажа Иосифа фараону Египетскому о предстоящем семилетнем голоде после семи лет изобилия (Бытие, 41, 1–36).

Огарев, я только что получила письмо из Р(оссии)², у Сатина сгорел сахарный завод – опять хлопоты, опять убытки. Они пишут мне (по словам Пав(ла) Ал(ексеевича)³, что я должна написать прошение Долгорукову⁴ об пашпорте в Р(оссию) и обратно – желаешь ли ты, чтоб я сделала это? без тебя я не могу решиться; если да, то пришли мне черновое прошение, сама я не знаю их форм. Напиши мне ответ. Боже, какой скучный город Берн – я не понимаю, как Саша мог прожить здесь два года. Старушка Фохт, должно быть, очень хорошая и любящая, но язык нам не позволяет сблизиться⁵ да и Лиза мешает. Вот что Саша мне рассказал: может, я сплетничаю, но не могу удержаться, не говори никому, чтоб оно не воротилось Саше. Вчера я была у них, старушка вошла, присела на минуту, взглянула дружески на меня и на Ли-

зу и вышла быстро. Она сказала Саше, что не может равнодушно смотреть на нас. “Я плакала у себя в комнате, – говорила она, – думая, что отец может расстаться с таким ребенком”: она так восхищается Лизой. “Вы можете показывать ее за деньги”, – говорила она мне третьего дня... С тех пор, как Саша сказал мне это, я сижу и плачу, как дура. Лиза заметила это, подошла ко мне и ласкает меня: “Ты плачешь, ты моя бедная, ты невеселая, я умница, мама, я не плачу”, и бедный ребенок заглядывал так в лицо, ей так хотелось рассмешить меня – ну я и стала с ней смеяться и играть. Не знаю как, но все, мне кажется, знают, что у нас не ладится – я, конечно, ни с кем не говорила, кроме С(атиных), и с ними я очень осторожна была, а все-таки со всех сторон видно сожаление, сомнение; папа мне написал гораздо нежнее, чем обыкновенно, однако он не видался с Еленой, это только потому, что после отъезда Елены я не воротилась прямо в Анг(лию).

Вот письмо к Мей(зенбуг), положи сам в пакет, если так неучтиво отдать⁶...

¹ Дата устанавливается по содержанию письма и по дню недели.

² Это письмо неизвестно.

³ Пав(ел) Ал(ексеевич) – Тучков, брат деда Нат. Ал.

⁴ Князь В.А. Долгоруков – шеф жандармов и начальник III Отделения.

⁵ Нат. Ал. недостаточно хорошо знала немецкий язык, мать Карла Фогта, вероятно, была слаба во французском.

⁶ Ответ Огарева неизвестен, так же, как письмо Нат.Ал. к Мейзенбуг.

31

(Берн. Конец, октября 1860 г.)¹

Саша только что выходит отсюда, он принес мне вашу записку² – я уже писала вам, что немецкий язык и Лиза мешают знакомиться с здешними знакомыми Саши³, – напиши мне, Огарев, просто где ты бы желал, чтоб я поселилась, я на все готова, но мне надо знать, больше месяца я боюсь жить так высоко, последние силы уходят на лестницу⁴, потом я опять в пансионе, а на долгий срок это невозможно с Лизой – случается, она спит в обеденный час, и тогда приходится дать ей совершенно холодный обед, то надо вымыгть для нее что-нибудь, и это не нравится хозяевам... не знаю, где мне искать низкую квартиру – все уже на зиму занято – что всего ужаснее в Берне, – это своды, под которыми надо ходить; солнце не может туда проникать, и чувствуешь такую могильную сырость... как мы приехали, у Лизы сделался насморк, а у меня горло болит. – Сегодня хочется идти в театр с Лизой, ей будет повеселее да и мне хочется слышать музыку – не умру от одного вечера...

Здесь мне стало так дурно, что я испугалась, принимаю все меры, которые можно взять в такой неудобной жизни, – авось будет полегче. Пиши скорей, а Г(ерцену) скажи, что я не понимаю его, я ему объяснила, как самая горячая переписка, в сущности, ничего не сделала⁵, и Тата встретила со мной совершенно холодно, после этого я не имею надежды на переписку. Г(ерцен) говорит, что она развита, да тут дело касается чувства больше, чем развития, – сердце ее застыло в отношении меня и Лизы – что же мне делать?

Жду твоего ответа с нетерпением...

Фогт сказал Саше, что надо подождать несколько лет насчет оспы⁶:

Адрес: Pension Blatter Riad, 47, Rue du Marché.

Я была бесконечно рада письму Г(ерцена)⁷; кроме того, это касается Таты; мне кажется, он мог бы помочь.

¹ В Берн Нат.Ал. приехала в конце второй декады октября (см. выше).

В своих воспоминаниях она писала: “Позже я отправилась в Женеву, где встретила с А.А. Герценом и семейством его невесты (...) А.А. уговорил меня ехать в Берн, куда он вскоре возвратился для своих занятий. Он нашел мне большую комнату, кажется со столом, и написал, чтоб я приезжала, что все готово. Тогда я отправилась в Берн и поселилась там на некоторое время” (Тучкова-Огарева, 166–168).

² Записка эта неизвестна.

³ Это письмо Нат.Ал. до нас не дошло.

⁴ Откликом на это письмо, в котором Нат.Ал. жалуется на высокие лестницы, губящие ее здоровье, вероятно, является письмо Огарева к Саше, где им затрагивается эта же тема (см. XXVII, 105). В том же письме он просил заняться устройством ее квартиры в Берне.

⁵ Это письмо Нат.Ал. к Герцену неизвестно.

⁶ Огарев настаивал на том, чтобы Лизе безотлагательно привили оспу, т.к. во время своих поездок она могла оказаться в каком-нибудь месте, где свирепствует эпидемия.

⁷ Это письмо Герцена до нас не дошло.

32

(Берн, Начало ноября (?) 1860 г.)¹

Огарев: я уже знаю твое решение насчет Берна, я проведу здесь зиму, если ты этого желаешь; я пишу теперь только о материальном: не можешь ли прислать мне мою мохнатую мантилию и два старые фланел(евых) Лиз(иных) одеяла, они должны быть в кровати, еще мое синее одеяло; Катерина должна знать; да не можешь ли прислать 6 пар тонких шерстян(ых) чулок, белых или пестрых, все равно. Кат(ерина) может заметить их как-нибудь и вымыть, тогда ты надпишешь: "Старые вещи", да не присылай в ящичке, а просто в клеенке²...

Об моем здоровье не беспокойся, мне лучше, я беру все меры, чтоб не слечь, и надеюсь, что насколько есть нравственной силы, я побужду свою немочь и не брошу Лизу на попечение кухарки. Если можешь, сделай эти порученья поскорей; если слишком громоздко, пришли только чулки, они необходимы, здешние так толсты, что ботинки не надеваются. Шью Лизе панталоны, меня пугают здешним климатом, говорят, что дети здесь схватывают круп очень легко. – Денег, когда нужно будет, возьму у Саши – у Сат(иных) совестно брать: после этого пожара и ярмарки – они понесли страшные убытки да еще путешествие, чтоб видеть меня, немало стоило. Голова кружится немного от усталости; когда соберусь с силами, напишу к Тате...

Театр не удался, Лиза только слушала до первого антракта, а потом попросилась спать, зато *Филомена* была в восторге.

Ну, прощай, Огарев, пожалуйста, присылай чулки поскорей. – Лиза немного кашляла эту ночь, сердце беспокойно – а лишать ее воздуха тоже боюсь. Поцелуй детей за меня, а Г(ерцену) пожми руку. – Лиза ходит по комнате и поет:

"Угарев и Хецен! Угарев и Хецен!"

Трогательно видеть, как она встречает Сашу и как провожает его: "Ты придешь? ты учиться идешь?"

Пришли новый адрес. – Не понимаю, почему Г(ерцен) говорит, что я редко пишу³; я думаю, трудно чаще.

Пожалуйста, попроси Мей(зенбуг) – поискать гуверн(антку) для Сат(иных); если ей не понравится, ее отвезут в Париж – мне хотелось бы видеть ее, если Мей(зенбуг) найдет, но об этом после.

Вот длина подошвы⁴.

¹ См. прим. 1 к предыдущему письму.

² 12 ноября Герцен писал сыну: "Вещи для Nat(alie) все готовы, и завтра Tas(sinari) их отправит, я велю адресовать на твое имя" (XXVII, 109). В своих воспоминаниях Нат.Ал. сообщала: "Вскоре прислали из Лондона теплую одежду для меня и для моей малютки, и я решила оставить Швейцарию и возвратиться в Лондон, несмотря на холод" (Тучкова-Огарева, 170).

³ Вероятно, этот упрек от имени Герцена был передан Огаревым.

⁴ Через несколько дней после отправления этого письма от 16 ноября, благодаря благожелательному вмешательству Саши в конфликт между отцом и Нат.Ал., Герцен писал ей: "Natalie, я тебя зову от чистого сердца, – тронутый и потрясенный – но с полным сознанием. Я тебя зову к нам. Все забыто. Не поминай и ты. Я и Ог(арев) мы рыдали над Сашиным письмом (...) Возвратись в твою семью..." Огарев написал к этому письму: "Наташа моя, дай же теперь возможность осуществить мой идеал – соединения нас всех в одну святую семью..." (XXVII, 112). Нат.Ал. возвратилась в Лондон в последних числах декабря (см. там же, 122).

(Торки. 27 августа 1861 г.)¹

Сегодня нас всех сконфузило твое письмо об Т(атьяне) П(етровне)². Гер(цен) решается ее звать сюда³; кажется, это будет лучше – но все же немного досадно...

Очень рада была твоему последнему письму; мне кажется, что ты имеешь больше надежд на хорошее, чем говоришь⁴, – может, главное и самое трудное лежит в моем характере, я редко успеваю остановиться, а потом про себя жалею. Я не хочу скрывать от тебя, что это задача нелегкая; стыдно сказать, какую силу имеет привычка, – даже с Лизой я бываю очень нетерпелива иногда, – но, право, я думаю, думаю очень много... Я бы хотела, чтоб вы пожили с нами и увидели бы сами, что и как. Вообще, я очень желала бы, чтобы ты был здесь, ты бы отдохнул и частью вспомнил бы Россию – тут для тебя нескончаемые прогулки – Гер(цен), кажется, ожидал большего, но, право, он несправедлив, здесь очень, очень хорошо – одного недостает – *plages*^{47*}, не знаю, как по-русски, малы, так что моря все видишь больше уголок, там-сям, и нет этого ощущения бесконечного... Ну приедешь – сам увидишь⁵...

Теперь к тебе с глупыми просьбами: если можно, пошли Жюля за *Kinderbalsam*^{48*} да к дантисту *Dubois*, Upper Sharlot Street, 23, *ether p(our) les dents*^{49*}. У меня начинаются зубные боли, это странно, но почти всегда встречаешься с этой болезнью (!)...

Прощай, целую тебя за себя и за Лизу... вчера мы ходили менять билеты на железнодорожную дорогу, а Лиза думала, что тебя встречать, и начала блажить и уверять, что надо подождать поезд, что ты непременно приедешь... с Герценом она мила до приятельства...

Скажи Жоржине, что я прошу сшить Лизины платья... На *ether* надо полкроны – пришли с Т(атьяной) П(етровной)⁶...

¹ Дата устанавливается по содержанию письма.

² Это письмо Огарева к Герцену от 26 августа 1861 г. неизвестно. В нем сообщалось о приезде в Англию Т.П. Пассек (см. ЛЖГ III, 239; Пассек II, 437).

³ Об этом несохранившемся письме Герцена (от 26 августа), посланном через Огарева, Пассек сообщает в своих воспоминаниях: "Он писал, что нездоров, звал к себе в Торквей, говорил, что ждет нетерпеливо" (Пассек II, 441; ЛЖГ III, 239).

⁴ Письмо Огарева до нас не дошло. Вероятно, он выражал уверенность, что в Торки между Герценом и Нат.Ал., наконец, установятся хорошие отношения.

⁵ Подробное описание Торки, дома Герцена и его семейного быта оставила Пассек в своих мемуарах (см. Пассек II, 441–448).

⁶ Пассек приехала в Торки с сыном Владимиром 30 августа (см. XXVII, 174) и провела там в тесном общении с Герценом и его семьей два дня (Пассек II, 437, 441–448, 706). В своих "Воспоминаниях" Нат.Ал. сообщает о ее пребывании в Торки ряд подробностей, не всегда достоверных (Тучкова-Огарева, 188–189).

(Коус. 18–19 июня 1862 г.)¹

Ну вот Гер(цен) и с вами – ты прав, он нам очень был полезен² – Лизе без него скучно – но что делать... Пришли Лизе игрушки, я пришлю тебе письмо к *m-me S(alias)*, чтоб ты, по крайней мере, знал, что у меня нет и тени *mauvaise honte*^{50*} на этот счет – если мне будет больно ее видеть, так это только потому, что я сознаю, как они были правы (обе сестры)³, что я не стою тебя, что я недостойна тебя, – я бы ей это даже сказала, но ты знаешь, почему я должна вечно молчать⁴...

^{47*} пляжи (франц.).

^{48*} детским бальзамом (нем.).

^{49*} зубным эфиром (франц.).

^{50*} ложного стыда (франц.).

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА С ДОЧЕРЬЮ ЛЕЛЕЙ

Фотография. (1862–1863 гг.)

Исторический музей, Москва

Здесь хорошо, вид из окон на деревья, какой-то запах лесной, который Россию напоминает... но материально здесь тяжелее, чем в Вентноре... за квар(теру) 2 ш. с пол(овиной), за Лиз(ину) постель не знаю еще, что положат, да за огонь в кухне 6 п(енсов) день⁵, зато хозяйство я устроила гораздо лучше – хочу выучиться хозяйничать, более работать и меньше взыскивать с других; если тебе понравится, если я буду собой довольна, то и в Лонд(оне) буду хозяйничать...

Ну прощай, Лиза меня торопит – никогда не пиши Гер(цену) так, как в тот раз⁶, ты ведь должен знать, как он думает об тебе, с какой почти женской заботливостью он хотел бы отстранить от тебя все тяжелое; обо мне ты, к несчастью, можешь сказать с полной истиной, что я не берегла твоего покоя, не сумела принести тебе никакой жертвы, жила эгоистически, а между тем и себе не сделала легкую жизнь – да это и хорошо...

Ну прощай, дай твою руку...

Когда будете посылать⁷, пришлите от Жозо коробочку от кашля – Лиза сегодня еще сильно кашляет. Пусть Гер(цен) вспомнит, что я просила, и пришлет⁸.

¹ Письмо датируется исходя из следующих соображений: утром 16 июня 1862 г. Герцен с Нат.Ал. и младшими детьми переехал из Вентнора в Коус (см. XXVII, 239), а на следующий день, вечером, он один отправился в Лондон. Нат.Ал. начинает свое письмо упоминанием о том, что Герцен уже в Лондоне. Следовательно, оно написано через день или два после его отъезда.

² Письмо Огарева, на которое отвечает Нат.Ал., неизвестно.

³ Сестры Е.В. Сальяс де Турнемир (Евгения Тур) и Е.В. Петрово-Соловова – давние приятельницы Огарева. В Петрово-Соловову (Душеньку) Огарев был когда-то сильно влюблен и под влиянием этого чувства написал цикл замечательных любовных стихотворений (см. их в "Лит. наследстве", т. 61, с. 602–628). Нат.Ал. в 1849 г. как бы "отбила" Огарева у Елизаветы Васильевны (см. выше переписку Нат.Ал. с Н.А. Герцен и Герценом). На это обстоятельство и делается намек в письме.

⁴ Нат.Ал., вероятно, имеет в виду ложность своего положения как номинальной жены Огарева и фактической – Герцена.

⁵ "Здесь в доме ограбили нас, как в лесу, – сообщал Герцен сыну 16 июня, – далеко превосходит многое из лондонских цен..." (XXVII, 239).

⁶ Неизвестное письмо Огарева к Герцену, посланное им в Торки в конце августа или начале сентября 1861 г.

⁷ Как явствует из письма Огарева от 8 июля, он переслал Нат.Ал. полученное им накануне письмо, с каким-то коллективным фотопортретом "тройки" (очевидно, близнецов Лели-гёрл, Лели-боя и еще одного ребенка). Письмо и портрет остаются неизвестными – ср. XXVII, 245.

⁸ Пояс, полученный от Е.В. Сальяс, и лекарство ("лепешечки" и "ипекакуанный рецепт") Герцен выслал 20 июня и на следующий же день осведомился в письме, дошли ли они (см. XXVII, 241; ср. "Лит. наследство", т. 61 с. 810–811).

(Коус. 22 (?) июня 1862 г.)¹

Вчера вечером я поздно легла и, лежа, все мысленно писала к тебе – поздно вечером я читала “Cosette”², и эта Тенардьё³ так мне казалась ужасна, потому что у меня с ней сходство, – нет, Огарев, ты страшно ошибаешься когда думаешь, что я себя не знаю; о нет, я во многом не сознаюсь громко, потому что мне страшно, чтоб близкие всё видели, даже сама, одна с собой, я часто отворачиваюсь от себя, как от бездны, в которую страшно заглянуть... Не знаю, кто из вас двух прав, ты ли в твоей недовверчивости к силе внутренней или Герцен в его безумной уверенности, что что человек захочет, то он и сделает из себя, – до сих пор на себе я этого не испытала, проводя целые дни в размышлении; достаточно Лизиного каприза или их крика разом, и я опять та же Тенардьё – минуту спустя я с ужасом вижу свое несправедливое нетерпенье – чтоб изменить мой невозможный нрав, я решилась на детскую вещь, я хочу вести свой журнал, но до сих пор я не могла написать строки; мне стыдно самой себя⁴...

Я была всегда избалована жизнью, близкими, воспитанием, но многосложная моя нынешняя жизнь еще больше развила дурные стороны – вообще, Огарев, я хуже с тех пор, как твоя рука оставила меня... ты своей кротостью, уважением ко мне, уважением моим к тебе делал страшно много для меня, я боялась твоего горя, я краснела без тебя, думая, что могу потерять твое уважение, – друг мой, тут нет упреков никому – это рассказ; Герцен думает, что ты меня испортил излишней добротой, – а я говорю: ты один имел на меня огромное, чудное влияние – но это все прошедшее; как выйти на дорогу, чем спастись, если б ты мог – но я не знаю, можешь ли ты быть мне настолько близким, чтоб помочь мне – если б ты мог видеть, сколько желанья, но как исполнение – жалко, недостойно моих тридцати трех лет...

Я ждала женщину, которую бы я полюбила – страстно, которая бы спасла меня; годы летят, женщина эта не является... Тата – почти женщина; но она, боюсь сказать это, разлюбила меня навсегда; она права, но если б ты знал, если б она знала, как я любила ее и какая любовь и теперь у меня к ней, она бы бросилась ко мне на шею – но перешагнуть бездну, которая нас ныне разделяет, я не умею, – я не знаю, как и тут ревность (не к Мейзенбуг), а к тому, что уж многое нельзя воротить – воспоминанья страшные – Герцен думает, что я разлюбила N(atalie)⁵, о нет, она была и есть мой идеал женщины, она поэтическое, чудное явление, которое, может, никогда не повторится... Несчастье мое в том, что в минуту раздраженья я говорю вздор, вещи, которых я не помню потом... а Герцен их помнит, они не имеют portée^{51*}, но они – доказательство беспощадной необузданности.

Пока будет, ты пиши, у меня голова горит...

Поцелуй детей, в понед(ельник) или во вторник я им напишу...

Квартиры я не меняю – во-первых, оттого, что квартал маленьких почти нет, все целые дома, а потом мы тратим так мало на пищу, что квартала становится неразборчива, а люди здесь очень добры к Лизе; что касается до честности, то отстранила всякой соблазн, работаю сама, это берет мне (!) только час – кормят нянюшек и нас превосходно и почти даром; вот я не ждала сама, что сумею – выговоров по хозяйству 0, разговоров не более одного...

Ну прощайте, поцелуй всех, а Герцену скажи, что Лиза его все ждет, говорит с уверенностью: “Я ему напишу, он сейчас приедет”.

Косили траву в саду – Лиза говорит мне: “Мама, он с пистолетом траву режет”. Я расхохоталась – она обиделась: “Ты не поняла, его фамилия Пистолет”.

Об Cosette я ей рассказывала, она слушала с большим вниманьем и подсказывала мне, должно быть, Герцен уж рассказывал).

^{51*} значения (франц).

Если кто ко мне приедет, я бы хотела пару темных перчаток и нянюшке тонкую, летнюю шаль в пять или 6 шиллингов, не более. Тате скажи, а сам не покупай...

Еще вопрос, я здесь встретила очень милую крестьянку, можно ли ее взять в помощницы, когда приеду в Лонд(он)? поговори с Гер(ценом). Это для м(еня?)

¹ Герцен и Огарев приехали в Вентнор, где жила Нат.Ал., 4 и 5 июня 1862 г. Огарев возвратился в Лондон через неделю, Герцен – 17 июня. Настоящее письмо написано уже после его отъезда. Дата уточняется по упоминанию о чтении Нат.Ал. романа В. Гюго “Отверженные”, третий том которого Герцен обещал привезти с собой (см. XXVII, 226), а также указанием на ее возраст.

² *Cosette* – героиня романа Гюго и название одной из его частей.

³ *Tenardье* – персонаж романа Гюго, трактирщица-садистка, безжалостно эксплуатировавшая свою малолетнюю служанку Козетту.

⁴ *Журнал* – т.е. дневник Нат.Ал., который она неоднократно начинала писать после переезда в Лондон. Большинство этих записей опубликовано в РП IV; часть из них см. ниже в настоящем разделе, в обзор Т.Ю. Соболев.

⁵ Имеется в виду покойная жена Герцена.

36

ТУЧКОВА-ОГАРЕВА И ГЕРЦЕН – ОГАРЕВУ

(Коус. Двадцатые числа июля 1862 г.)¹

4, Porchester Terrace, Baywater

В четверг будем, собиралась отвечать тебе длинным письмом², не удалось – сегодня у нас Гер(цен) обедал³, сейчас пришла Вар(вара) Тим(офеевна)⁴ с Малушей⁵... Прощай, целую тебя – девочке⁶ лучше, но все-таки понос.

Рукой Герцена:

– Нового ничего. Письмо получил⁷. Разумеется, я согласен⁸. С(ерно)-С(оловьевич) уехал⁹, и Ираклий¹⁰ – нет. Он остается еще несколько месяцев за границей. Ты воистину его слишком серьезно принимаешь.

Сегодня приехал какой-то поляк для переговоров¹¹.

Все знают, что Пот(ебня) – Пот(ебня) и что он едет назад¹². Я до того взбешен этим, что написал Бак(унину), что я в этом деле мою руку¹³.

Март(ьянов) не едет в Россию – он, по-моему, или сумасшедший, или проблематичен¹⁴.

А что, о Devonshire Cottage ты ничего не будешь писать?¹⁵

¹ Дата устанавливается по содержанию; четверг приходился на 24 июля.

² Письмо Огарева, на которое отвечает Нат.Ал., неизвестно.

³ Судя по этому письму, Герцен, находившийся в Коусе с 21 июля, поселился отдельно от семьи – вероятно, в гостинице.

⁴ *Варвара Тимофеевна* – жена В.И. Кельсиева, “прямая, простодушная женщина, вполне преданная мужу” (Тучкова-Огарева, 155).

⁵ *Мария* (Маруся, Малуша, Милуша) – малолетняя дочь Кельсиевых. В 1863 г. она была увезена в Добруджу, к отцу, и через два года там умерла. Герцен предвидел ее печальную участь. “Помню, – вспоминала Нат.Ал., – что Герцен гладил Марусю по голове и говорил ей ласковые речи, а в голосе его слышны были слезы. Ему жаль было этого бедного, слабого ребенка, которого судьба уносила далеко от нас, не знаю зачем” (там же, 199).

В “амстердамской коллекции” сохранилось недатированное письмо Нат.Ал. к В.Т. Кельсиевой (быть может, неотправленное – по-видимому, написанное после возвращения Кельсиевой из Коуса в Лондон):

«Понед(ельник). 4. Porchester Terrace, Kensington Garde. W(est)

Мне очень досадно, что я не могла до сих пор вам написать, это не из учтивости, а просто мне хотелось навестить вас заочно... Гер(цен) сказал мне, что послал вам письмо от В(асилия) Ив(ановича), стало, вы покойнее – кровать, должно быть, получили – скоро еще пришлю вам “Колокол” и журналы – везде застой и тоска...

За участие к Леле благодарю вас искренно – припадок не повторялся, но он очень тревожен, у него прорезывается второй зуб – а у девочки все нет как нет. Через месяц мы, кажется, переедем в большой дом где-то около Лонд(она), надеюсь, что увижусь с вами до переезда, а нет – так будьте добры, приезжайте к нам в гости с Малушей, когда будете в Лондоне... Я оттого вас так зову, что с одним ребенком гораздо легче двигаться, а я уж там засяду надолго, ездить без детей очень больно, а всех забирать в дорогу и неудобно.

Ну что Малуша? я надеюсь, что вы ошибаетесь на ее счет, главное для нее как можно больше быть на воздухе и, если можно, у самого моря.

Прощайте, любезная Варвара Тимофеевна, как бы мне хотелось сделать, чтоб вам было хорошо, единение подчас очень тяжело, я это знаю, вот около полугода, что я живу почти исключительно для детей и потому большею частью тоже одна – с каждым днем я более к этому привыкаю, только скучно иногда, когда, вместо того чтоб читать или играть на фортепьяно, надо шить – а с детьми это необходимо; вот это довольно неприятная жертва, когда я одна; я люблю только работать, когда читают или разговаривают.

Ну, я заболталась, пора бежать – крепко жму вашу руку. Вся ваша

N. O г.»

⁶ Малолетняя Леля-гёрл.

⁷ Это письмо Огарева неизвестно.

⁸ О чем идет речь, неясно.

⁹ А.А. Серно-Соловьевич. См. *Тучкова-Огарева*, 152–153.

¹⁰ *Ираклий* – возможно, прозвище или псевдоним В.В. Стасова, находившегося в это время за границей и посещавшего Герцена.

¹¹ Вероятно, *З. Падлевский* – представитель петербургской офицерской организации, приятель В.Ф. Лугинина. О его прибытии для переговоров в Лондон см. в “Былом и думах” – XI, 368–369; *ЛЖГ* III, 343.

¹² А.А. Потевня дважды приезжал в Лондон, где встречался с Герценом. В этом письме имеется в виду его *второй* приезд. Нарушение инкогнито Потевни (вероятно, Бакуниным) крайне рассердило Герцена, т.к. представляло смертельную опасность для молодого и симпатичного ему революционера.

¹³ Это письмо к Бакунину неизвестно.

¹⁴ П.А. Мартыанов возвратился в Россию только в апреле 1863 г. “Проблематичным”, т.е. подозрительным в отношении связей с полицией, он, вероятно, казался вследствие противоречивости своих политических взглядов. Смушало Герцена и намерение Мартыанова сдать русским властям на границе (см. в “Воспоминаниях” Нат.Ал.: “Сначала Герцен относился к нему несколько недоверчиво, но вскоре характер Мартыанова так обрисовался резко, что немислимо было подозревать его в шпионстве. Мартыанов отличался необыкновенно прямым нравом и резко определенным воззрением: он веровал в русский народ и в русского земского царя” (*Тучкова-Огарева*, 179). Подробно о Мартыанове и его трагической судьбе см. в статье Герцена “П.А. Мартыанов и земский царь” (XVIII, 11–15) и в книге Мих. Лемке “Очерки освободительного движения “шестидесятых годов” по неизданным документам с портретами”, глава “Дело П.А. Мартыанова”. М., 1908, с. 335–356).

¹⁵ Среди писем Нат.Ал. к отцу, относящихся к 1861–1862 гг., сохранилась открытка с видом деревушки в графстве Девоншир. “В этом домике на полугорке, – сообщает она, – мы много раз завтракали с детьми, отправляясь на набережную за камнями. Девоншир очень, очень красив” (*РГАЛИ*, ф. 498, оп. 1, ед.хр. 43, л. 45).

(Коус, Около 21 августа 1862 г.)¹

Как мне совестно, что я вас так мучу, – не сбивайтесь так с ног – квартиру мне хочется с садом, никакой не хочется на неделю – это с детьми слишком трудно, я лучше здесь подожду – я очень терпелива и нетороплива, я только уступаю своему здоровью и аглицкой нянюшке, а мне лично не может быть лучше здешнего – днем гуляем, а по вечеру читаю, и ни разу мне не было и не будет скучно... Такой тишины внутренней и внешней мне нигде не найти...

Не будь этих арестаций, я могла бы смело сказать, что это мой светлый закат.

Я живу в настоящем, думаю, что в нем много хорошего, а впереди ничего не жду особенно светлого – я ценю настоящее, как старики ценят иногда.

Ну прощай, это все вздор, все это ненужно...

Неужели это верно, что С(ерно)-С(оловьевич) там по доносу о письме²... это ужасно тяжело...

Жду денег – буду здесь жить пока вы найдете что-нибудь хорошего, лишь бы пени опять не пропустил, мне хочется на месте прожить 3 месяца, а если вы захотите, то и больше – пусть Герц(ен решит), что для вас выгоднее; может, вам лучше остаться в Orsett House³, все это надо обдумать, не торопясь, а я на все согласна – мне везде хорошо.

¹ Ответ на неизвестные письма Герцена и Огарева. Датируется по упоминанию о недавнем аресте Н.А. Серно-Соловьевича, Н.Г. Чернышевского и др. общественных деятелей (см. XXVII, 251).

² Н.А. Серно-Соловьевич и Чернышевский были арестованы в Петербурге 19/7 июля. Поводом явилось письмо Герцена и Огарева к Серно-Соловьевичу, захваченное на границе при аресте П.А. Ветошника (см. XXVII, 243–244).

³ Герцен с семьей продолжал оставаться в Orsett House до середины лета следующего года.

38

(Борнемут. Середина июня, не позже 19-го 1864 г.)¹

Ты спрашиваешь о моем внутреннем настроении² – вот тебе правда: оно мрачно, без искры надежды и веры в жизнь и в себя, но оно полно желания счастья и спокойствия других – я исполню то, что себе обещала³, но моя жизнь кончена, с ужасом оглядываюсь на всю свою жизнь, всё ошибки, всё эгоизм и ошибки, которые сделали много зла другим, ни одного шага, на котором бы я могла с светлой улыбкой остановиться и сказать себе: “Ну, это было хорошо...” О, Огарев, я истинно очень несчастна...

Гер(цен) давал мне перечитывать свои записки⁴; как больно мне было за нее⁵ – да, я ее сильно любила, хотя годы не смела говорить этого, я чувствовала, как люблю ее по боли, которую ощущала, читая страшные ее мученья, – и тут тоже я виновата, и вдвойне⁶... Не тебе бы идти первому, а мне – пока служба моя продолжается, я должна помнить и молчать – исправить многого уже нельзя да и воскреснуть я уж не могу; кажется, все то же, люди, природа кругом, но все это ново для меня; я-то, я прошла...

Ну прощай, не бойся меня, жду Тату и Ольгу с любовью, а ты помогай, говори иногда Ольгиному сердцу⁷...

На обороте:

Н.П. Огареву

вручить

¹ Приблизительная дата устанавливается по упоминанию о предстоящем приезде в Борнемут старших дочерей Герцена (ср. ЛЖГ III, 663). 20 июня в Борнемут приехал Огарев.

² Ответ на неизвестное письмо Огарева.

³ Вероятно, это обещание заключалось в изменении отношения к дочерям Герцена, возвращавшимся в семью после продолжительного отсутствия.

⁴ В первый раз Герцен ознакомил Нат.Ал. с частью пятой “Былого и дум” в 1856 г., вскоре после переезда ее в Лондон.

⁵ Т.е. за покойную жену Герцена Наталью Александровну.

⁶ *Виновата, и вдвойне* – т.е. за то, что относится к детям своей ближайшей подруги не как мать, а как мачеха.

⁷ См. след. письма. Тата и Ольга были в это время в Швейцарии. Обе ожидалась в Лондоне около 23 числа.

39

ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

(Борнемут. 21 июня 1864 г.). Вторник¹

Лиза ужасно обрадовалась книге²... а я благодарю за перчатки. – Сегодня праздник, и здесь дети и нянюшки с утра на улице – мимо наших окон прошла процессия,

не белом знаме (!) было написано "Poland"^{52*}, на другом: "Succes to Poland"^{53**}... Вот мнение народа, а правительство его иначе думает. Сегодня я не могла ни строки в "Теймсе" отыскать об Польше – что же это значит?³

Ну, об домах, чтоб не забыть: видела дом, довольно просторный, но некрасивый, мебель и ковры еле держатся; из салона виден уголок моря и лавки, что около твоего отеля, – агент говорит, что на 6 м(есяцев) отдаст даже за 4 гинеи – а зиму по 2. Сада нет, а другие дома по 10 и 12 гиней, на набережной или вне города, вроде замка, и больше ничего нет...

Нет, Гер(цен), ты прав, а не Мейзенб(уг)⁴. Ис(т)борн некрасив, кругом голые горы, а не скалы да и не высокие горы, а так... но, по-моему, можно было бы здесь жить только чтоб дышать чистым воздухом – это страшная разница, не чувствуешь никакого раздраженья, покойнее на душе, и что не по сердцу – как-то принимается покойнее; вот, по крайней мере, как оно на меня действует...

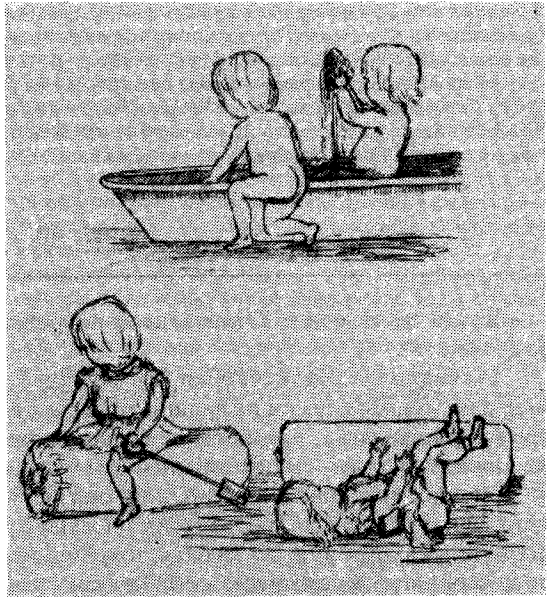
Лиза совсем здорова, Лелю-мальчика опять зубы мучат, он плачет беспрестанно, но припадков нет теперь – Леле мне, наконец, удалось дать лекарство в варенье, по рецепту мне сделали еще этих порошков... У Лели кашель, насморк, а я, должно быть, сидя у моря, простудилась, спина так болела дня четыре, что я испугалась, думая, что это относится к моей болезни, – а теперь я совсем поправилась духом и телом – просто молодёю.

Я взяла читать твою франц(узскую) книгу об России⁵.

Ну, прощайте, будьте здоровы и целы, я много об вас думаю, много бы желала сделать для вашего спокойствия, укажите, помогите, а не так говорите мне просто, не все делается преднамеренно дурно... ведь лучше спустить что-нибудь человеку, чем мстить ему за намерение, которого он не имел. Дайте ваши руки.

До свиданья.

Лиза думала, что книга от Ольге (!), – отчего ты ни слова не говоришь об Тате?.. Я вам пишу обоим всегда.

АЛЕКСЕЙ И ЕЛЕНА (ЛЕЛЯ-BOY И ЛЕЛЯ-GIRL) – ДЕТИ ГЕРЦЕНА И Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Из семейного альбома Герценов. Рисунки Таты Герцен (?) (перо). (Борнемут, лето 1864 г.)

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: "Русские пропилеи". Т. IV. Москва, 1917

"Дети растут, выравниваются – мальчик (со) временем будет похож на Лизу, а девочка сама на себя похожа – очень хороша и веселая такая (...)" (Н.А. Тучкова-Огарева – Н.Н. Сатиной, 17 апреля 1862 г.)

¹ Отдельные подробности в этом письме позволяют отнести его к лету 1864 г., когда Нат. Ал. жила в Борнемуте (ср., например, упоминание о море). Написано оно было, по-видимому, после письма к Герцену от 15 июня (РП IV, 273–276), опубликованного с явно ошибочной датой (лето 1862) и ошибочным обозначением места написания (о. Уайт). (Вторник после 15 июня приходился на 21 число в 1864 г.)

² Какая книга была выслана Лизе (без сомнения, с Огаревым) – не установлено.

³ 16 июня 1864 г. Александр II встретился в Бад-Киссингене с австрийским императором Францем-Иосифом – через несколько дней после свидания с прусским королем Вильгельмом I. В этих переговорах, вызвавших многочисленные комментарии в европейской прессе и прилив интереса к польскому воп-

^{52*} "Польша" (англ.).

^{53**} "Успеха Польше" (англ.).

росу, участвовали министр иностранных дел кн. А.М. Горчаков и Бисмарк. В это время курсировали слухи о заключении договора, который гарантировал трем государям неприкосновенность польских владений (см. XVIII, 586 и "Моск. ведомости", № 127 от 10/22 июня 1864 г.).

⁴ Вероятно, Герцен рекомендовал поселиться в Борнмуте, а Мейзенбург советовала Истборн.

⁵ Сочинение Герцена "Nouvelle phase de la littérature russe" появилось вначале в брюссельском "Cloche" ("Колокол"), 25 мая – 15 июня (№ 44–45), а затем в виде отдельной брошюры в октябре того же года (Bruxelles et Gand). Вероятно, упоминая о книге, Нат. Ал. имеет здесь в виду ее газетную публикацию.

40

(Лондон. 14 или 15 ноября 1864 г.)¹

Я тебе не отвечала, Огарев, не из небрежности, а потому, что мне так тяжело тебе отвечать².

Ты видишь все мои ошибки, все мои преступления, вольные или невольные, мнимые и не мнимые, но ты не видишь правды – ты не видишь той боли, с которой я внутренне рассталась с тобой, ты не видишь всего ужаса моего внутреннего одиночества, моей чуждости – ты не видишь, что я встретила детей с открытой душой³ – Тату я, конечно, всех более люблю, но и она меня отталкивает своим эгоизмом; я понимаю, как он сложился, но все-таки он меня отталкивает, не дает мне ее любить, как бы хотелось; об Саше ты знаешь, что Г(ерцен) не может сам прожить с ним недели, не поссорившись семь раз⁴, – об Ольге я с тобой никогда не говорила, т.е. в последнее время, – когда она, недовольная чем-то, за русским уроком, начала мне говорить, что она ненавидит детей⁵ и изломит медальон в мелкие куски, и, признаюсь, видела в этом не простую шалость, а злобу, а потом я видела, как ее пример грубости со мной действовал на Лизу; если ты скажешь, что я тоже дурно поступала, я не буду спорить, я была глубоко возмущена... Что же мне делать? ты не знаешь, как я желаю вам всем счастья и спокойствия, – видя, что мое столкновение с детьми вносит много дурного в вашу жизнь, я решила жить одна с детьми – трудно мне, и я совсем не самонадеянно смотрю на это, но что же делать? – Я бы очень хотела, чтоб вы пожили с старшими детьми в Швейц(арии), сделали бы для них все, что возможно, а я бы с вами иногда видалась где-нибудь во Франции... Вы успокойтесь, и, может, будете иначе смотреть на меня – а я буду стараться сделать что-нибудь для детей, другой привязанности у меня нет, кроме к тем, которые так далеки, что мой голос до них не доходит⁶... Через несколько лет вы увидите, могла ли я что-нибудь сделать для детей, или нет – а теперь, право, нельзя ни о чем судить, надо успокоиться где-нибудь, надо время.

Ну прощай, одна из больших радостей в моей жизни будет твое выздоровление – ты им сделаешь много для Г(ерцена), в последний твой припадок он стоял, как убитый, и слезы текли по его щекам⁷.

¹ Ответ на письмо Огарева от 7 ноября (см. след. прим.).

² Вот текст этого письма Огарева:

"Понедельник. На сон грядущий

Давеча я нес Лелю, и мне пришло в голову многое. Говорить с тобой сделалось как-то невозможно, и потому я пишу. Если б ты знала – как я внутренне был счастлив, что я нес Лелю, т.е. если б ты знала, как глубоко я люблю детей, ты, может быть, поняла бы многое, чего ты не понимаешь или не хочешь понимать. Но ты серьезного, искреннего слова со мной до сих пор сказать не хочешь; а между тем ты едешь. Неужели это так и останется? Неужели тебе в голову не придет, что, однако, и моя долгая любовь к тебе, и моя огромная любовь к детям, и мое (несмотря на все пороки) человеческое разумение – заслуживают же, чтоб перед отъездом было сказано со мной человеческое слово и обсуждены многие вопросы? Неужели у тебя нет этой потребности? Это мне не только странно, но и *страшно*, потому что я в этом вижу твое падение, твое погружение в личные [позорные, гадкие] ненависти и сплетню, внутри себя созданную и возведенную в первоклассную роль. Это ты обычно принимаешь за свободу и искренность, между тем как это только откровенность во всяком капризе, санкция каждого каприза. Я мог бы сказать, что мое пьянство есть свобода и откровенность, но я этого не скажу, а скажу, что мое пьянство есть слабость и грех. Я не стану его оправдывать, потому что я сильно различаю откровенность самооправдующуюся – и искренность перед правдой, которая всегда заставит обратить анализ на самого себя... сказать – "да! я поступаю гадко". Я могу сказать, что мои пороки доставляют мне наслаждение (это вовсе не оп-

равдание – мало ли безумий доставляют наслаждение!), но каким образом... ненависть, злоба и сплетня могут доставить наслаждение – этого я не понимаю [потому что это просто пошло и подло, но простить]. Присматриваясь к твоим отношениям к *детям*, я вижу – *фамильярность* наружную и внутреннюю *ненависть* – от больших до мельчайших поступков. Мне это больно за тебя, больно так, что если б я немного дал себе волю, так я удрал бы в Америку или зарезался бы. Я себя держу и стану еще строже, т.е. действительно строго, держать себя, потому что могу еще быть полезен *делу* и *детям*. Не будь этого убеждения, тебе было бы достаточно, как ты теперь себя ведешь, чтоб я умер с *радостью*, потому что жизнь невыносима. Неужто тебе все это непочем? Неужели тебе не жаль ни меня, ни *его*, что мало того, что ты заставляешь нас в каждой мелочи играть пошлую [и подлую] роль, что ты своей неодолимой злобой разрушаешь семью, покой и всякое человеческое достоинство, или заставляешь лезть на нож, потому что другого исхода от тебя нет. Опомнись! Будь человеком – вот все, что я от тебя требую.

Теперь об отъезде. У тебя три ребенка, которых я люблю страстно. [Ехать одной, в то время, когда русское правительство может украсть, что хочет, или когда, по крайней мере, неизвестно, что и как поставлено] и что для того, чтоб знать это, надо недели две, – ехать все непременно сейчас – да ведь это тоже [злодейство]. Чтож, ты ничего не можешь выдержать и потерпеть. Загорелось – так все ничем? Наташа моя, в последний раз говорю это имя – ведь это страшно гадко. Ведь все вздор – одна, в Париже, ты меньше поселишься, чем где-нибудь, в обыкновенных обстоятельствах, а в *этих обстоятельствах* только тогда, когда кому-нибудь из нас проезд окажется безопасным. Неужто же ты и детьми хочешь жертвовать своему капризу (который, в сущности, только безумная злоба), неужели же ты не можешь подождать двух недель? Я уже не говорю о том, что разумнее остаться в Англии и, как мне ни *хотелось бы ОДИНОЧЕСТВА*, я остался бы вместе, детей ради и приличия ради, не считая это жертвой; но, может, и лучше тебе полгода одной пожить, но нельзя же для этого жертвовать детьми и спокойствием всех.

Поехать вместе с Герценом, который бы все нашел, чтоб вас пристроить, которого *свободный проезд был бы обеспечением свободы и безопасности всех* (а без этого нельзя ничего предпринимать), поехать вместе, и прилично, и успокоительно для детей. Если ты хочешь сделать противное (я тебе не мешаю), т.е. заставить семью жить врозь и, следовательно, тратить лишние тысячи, показать, как Серно-Соловьевичу, что мы тебя обижаем пятаками, и этим уколоть нас, то пойми же, что это подлость, против которой я восстану *прямо*, потому что я перед твоим отцом подлеем быть не хочу. И я не знаю, что ему будет грустнее – то ли, что ты нищенствуешь облыжно, или принять это за подлость с моей стороны. Вдобавок, он этому с моей стороны не поверит. А я тебе прямо говорю – я его слишком люблю и уважаю, чтоб пожертвовать моей самой внутренней честью для того, чтобы дать ход твоему злобному капризу или твоей капризной злобе.

В заключение скажу: я не понимаю ни твоей поспешности уехать, как бы это матерьяльно неловко и опасно для твоих детей не было, ни твоего избегания сказать со мной в самом деле человеческое, серьезное слово. Я нахожу, что все это адорация (обожание от лат. *adoratio*), сплетни и нечеловеческие поступки. Я требую ответа” (*РГБ*, ф. 69.8. 326, л. 1–4; обоснование датировки: *ЛЖГ* IV, 47).

³ Дочери Герцена возвратились из Парижа 24 июня. Нат. Ал. встретила их очень тепло. Вскоре, однако, отношения между ними снова обострились, вследствие чего совместная жизнь оказалась невозможной. 25 октября Тата, Ольга и Мейзенбург уехали в Италию (см. письмо Таты к отцу от 25 ноября 1864 г.).

⁴ О взаимоотношениях Герцена и его сына см. подробно ниже, в посвященном А.А. Герцену разделе.

⁵ *Дети* – близнецы Леля-герл и Леля-бой.

⁶ Родители, сестра и племянники Нат. Ал., жившие в Пензенской губернии.

⁷ Об этом припадке падучей болезни, которой страдал Огарев, см. в XXVII, 507–508.

Сегодня, вероятно, вам будет длинное письмо от меня... Вот в чем дело, я зашла в rue Castiglione в bureau^{54*}, где даром дают адреса квартир, и два дня я ходила по всем возможным квартирам – в bureaux^{55*} они меня ужасно торопят, уверяя, что квартиры вздорожают с каждым днем. Не знаю, когда вы получите мое письмо, которое я послала уже через Тхор(жевского)², я решаюсь идти к Льв(ицким) и просить кого-нибудь из них сходить со мной. Хозяйка соглашается за 450, только помесечно, так что как она найдет кого-нибудь выгоднее, так мне надо убираться. За 470 она отдает на три месяца и, кажется, согласится с марта отдавать за 400; постельное белье тоже даст – я думаю, лучше, чтоб вы привезли скатерти и салфетки, ножи и вилки, а простыни слишком тяжелы – насчет колязочки(!) делайте, как хотите, если квартера будет близка к Тюл(ьери), можно и обойтись без нее; насчет дет(ских) кроватей

^{54*} контору (франц.).

^{55*} конторах (франц.).

увидим: у меня есть квартера очень возможная, в 400 fr., на три месяца, но там комната Мари страшно далеко от моих спальней, за кухней... а тут я могу устроиться, чтоб тебе была спальня или в {...}^{56*}. M-lle Michel не получала никаких писем из Р(оссии)³. У меня сердце замирает; если б этот страх был понапрасну!.. Деньги я просила С(атина) переслать через Рот(шильда) в Лонд(он). Может, перехватили или что-нибудь случилось с ними...

Дети становятся немного умнее, однако Лизой я далеко не совсем довольна. Она часто нехороша с Мари и плачет легче детей... Так как мы пробовали два раза обедать дома и решительно обед невозможен и подают все холодное, то мы ходим в маленькие рестораны, т.е. куда придется, и дети привыкают очень умно и тихо себя вести, все на них смотрят с улыбкой, и никто не скандализируется, одна Мари ужасно сконфужена и всему дивится^{57*} – наш обед стоит 5 или 6 fr. Мы пьем кофий в 9 все вместе; если кто кричит, то Мари уносит в спальню; обедаем в 1 ч(ас), потом дома пьем чай в 5 все вместе... Едва ли им удастся сделать мне длинный счет – насчет лестницы не беспокоюсь, оно высоко, но я выхожу только раз в день, возвращаясь к 5(ти) и тогда уже не двигаюсь. Письмы М.А.⁴ очень интересны, я каждый (день) читаю до 11(ти). Скоро дочту и жду с нетерпением от тебя книг. Лиза, как приехала, все просила посмотреть на этот страшный дом, где прежде так мучили людей, имя она не могла вспомнить; когда я ей назвала Бастилю, она пришла в восторг: “Да, да, мама”...

Пойду к Лъв(ицким), и если они найдут что квар(тера) хороша и недорого, я возьму ее; тогда с субботы я буду там, так что ты мог бы у нас остановиться.

Была у Лъв(ицких), он очень любезен – они находят, что квар(тера) дорога, можно найти дешевле в Елисей(ских) полях. Сегодня я иду, или, лучше, еду (к несчастью, m-me Лъв(ицкая)⁵ ходить не любит – с m-me Лъв(ицкой), и, если найдем что-нибудь хорошего, то сейчас найдем⁶... Сегодня я спрошу m-me Лъв(ицкую), знает ли она молодую девушку, которая бы могла заниматься с Лизой, ходить гулять со всеми тремя и, когда мне нужно, оставаться с маленькими – я бы готова попробовать и твою швейц(арку), но, может, у нее более претензий, а я хочу таким образом чередоваться с ней и не иметь совсем няньки, а только кухарку и, когда нужно, твою раз в неделю.

Главное, что дурно, это неравенство; в Лизе будет огромная перемена к лучшему, когда не будет людей, которые чувствуют себя mal à l'aise^{58*} и сами себя презирают. Я пробовала все, что могла, – разговором, даже тем, что обед и все было вместе, но оказалось – всё бисер⁷. Я тебе давно говорила это и теперь хочу привести это в исполнение. Я жду от этого великой пользы...

Дети здесь стали еще веселее. Лиза тоже – вчера она все играла с Полиной⁸, которая очень мила.

Ты не пишешь ничего об детях; я думаю, они уже в Риме⁹, мне Тату все жаль. На внутреннее письмо твоё только могу сказать, что мне очень больно, что все моё существование несет (?)^{59*} только горе, я очень несчастна и ничего бы для себя не желала, кроме смерти, – если б я была настолько свободна, чтоб умереть. От(арева) я не понимаю; если б он мне слово сказал, я бы осталась, но он сам желал жить один; если б я осталась в Л(ондоне), это было бы невозможно...

Все письма ваши дошли.

Прощайте, буду тебя ждать. Лиза ждет тебя с нетерпением.

Если жить в Елис(ейских) полях, я думаю, колязочка была бы очень нужна, – потому что далеко от всего; впрочем, это все неважно – кровати приятно иметь, но можно обойтись.

Не думай, что {...}^{60*}

Деньги пришли да у меня еще есть¹⁰.

^{56*} В автографе клякса, и слово не читается. – Ред.

^{57*} В автографе – давится. – Ред.

^{58*} не по себе (франц.).

^{59*} В автографе клякса, слово читается предположительно. – Ред.

^{60*} В автографе замазаны и не поддаются прочтению три строки, написанные на верхнем поле. –

¹ Письмо написано во время пребывания Нат.Ал. с детьми в Париже – между 11 ноября 1864 г. (дата их отъезда из Лондона – см. XXVII, 520) и 21 ноября (дата отъезда Герцена в Париж – см. XXVII, 521 и 527) и помета “середа” позволяет уточнить дату. Возможно, что Нат.Ал. отвечает здесь на неизвестное письмо Герцена (ср. XXVII, 921). Несколько других ее писем, отправленных из Парижа Герцену и Огареву до публикуемого письма, неизвестны. Написанное в тот же день письмо Герцена к Нат.Ал. – XXVII, 524–525. На него отвечает Нат.Ал. в этом письме, очевидно несколько задержавшемся с отправкой.

² Одно из не дошедших до нас писем (см. предыд. прим.).

³ Нат.Ал. встретила в Париже со своей бывшей гувернанткой Каролиной Мишель.

⁴ Вероятно, имеются в виду “Письма о России” М.А. Бакунина (на французском языке), впервые напечатанные в № 27 “Cloche” 15 сентября 1863 г.

⁵ М.Л. Левицкая (Львицкая) – сестра двоюродного брата Герцена, известного фотографа Сергея Львовича, жившего в это время с семьей в Париже.

⁶ Была снята квартира на rue du Colisée, близ Елисейских полей (см. XXVI, 527–528).

⁷ Намек на евангельское изречение “Не мечите бисер перед свиньями” (Матф., 7–8).

⁸ Полина – дочь С.Л. Левицкого, позднее ставшая прославленной оперной певицей.

⁹ Тата и Ольга действительно находились тогда в Риме.

¹⁰ Ответ Герцена от 18 ноября – см. XXVII, 526. Откликаясь на реплику Нат.Ал. в этом письме, Герцен замечал: “Что ты чувствуешь себя несчастной и часто страдаешь, я верю и всегда верил. Если б ты не была несчастна, то и надежды не было бы”.

Между этим и следующими письмами – ряд катастрофических событий: заболевание близнецов дифтерией, свирепствовавшей тогда в Париже, и их мучительная смерть. По настоянию врачей Нат.Ал. и Лиза были увезены из столицы в южнофранцузский город Монпелье, где эпидемия не было. До Дижона их сопровождала Е.В. Сальяс (см. ниже в этом разделе публикацию писем Нат.Ал. к Герцену, относящихся к этому времени).

42

ГЕРЦЕНУ

(Монпелье. 14 декабря 1864 г.). Середа¹

[Я в депеше ошиблась, написала Tronson вместо Tarascon.]² Я поправила депешу³. Мы приехали туда в бурю в 4-м часу утра – ни омнибуса, ни кареты, ни даже человека, который бы понес Лизу... Какой-то господин мне сказал: “Поезжайте уж лучше сразу в Mont(pellier), а то тут уж слишком трудно будет с ребенком...” Я подумала: “Ветер воет, а у Лизы изредка сухой кашель, пятно не прошло на щеке, нос и глаза чешутся”, – подумала и доехала до Montpellier.

Надо, чтоб Лиза успокоилась, она по-своему, по-детски вынесла страшное потрясенье⁴ – каждый день она не может заснуть – и начинает плакать молча... я думаю, в эти минуты она вспоминает отсутствующих...

Тяжело, Герцен, так тяжело, что иногда глупо не верится, что это в самом деле... Лелино⁵ место никто не займет в моем сердце – а забудешь разве когда лишишься рассудка... Я не знаю, почему люди так боятся помешательства, это должно быть легче...

Ну, прощай, вот моя рука.

Твоя Н а т а л и

Я думаю, что От(арев) уехал⁶ – m-me S(alias) вам скажет, почему я не осталась в Дижоне⁷, а здесь скверно – ветер и дождь вот уж три дня... Комната наша тепла и на солнце, но зато высоко. Hôtel не очень хорош, но я тебя подожду...

Вот моя плаха, на которой мне голову отрубили⁸. Пришли адрес детей. Если ты скоро с нами, соберемся в Ниццу.

¹ Дата устанавливается по содержанию письма; уточнена по календарю.

² Нат.Ал. выехала с Лизой в Монпелье по настоянию врачей, т.к. в Париже свирепствовала эпидемия дифтерии.

³ Эта телеграмма к Герцену о приезде в Тараскон неизвестна.

⁴ Имеется в виду недавняя болезнь и смерть близнецов в Париже.

⁵ Речь идет об умершей дочери – Леле-гёрл.

⁶ Огарев, приехавший в Париж в связи с болезнью близнецов, должен был вскоре возвратиться в Женеву.

⁷ До Дижона Нат.Ал. и Лизу провожала Е.В. Сальяс.

⁸ Своей плахой Нат.Ал. назвала недавнюю катастрофу, лишившую ее любимой дочери и сына.

28 д(екабря) 1864. Hôtel Nevet. Montpellier

Вчера в 9 3/4 Герцен оставил нас¹, я рада за него – ему становилось жутко здесь. Он обещался воротиться – недели через три или четыре²... Лиза его очень огорчала и меня тоже, но я со страхом думаю, что едва ли разнузданные нервы ее придут в порядок, прежде чем обстановка переменится... Мари невесела от природы, и я... ей больно смотреть на меня... потом вечно в одной комнате – погода все очень дурна – она скучает и блажит беспрестанно, страх за меня не покидает ее ни днем, ни ночью... Она не отпускает меня ни на одну секунду из комнаты. Вот тебе рапорт об Лизи...

Что же могу сказать об себе?.. Ты все знаешь, я подрезала своими руками нитку, которая так крепко привязывала меня к жизни... как примириться?.. я сама та грозная случайность, которая убила их... Теперь я поняла твою теорию против матери, да, ты прав, я была не мать, а какая-то безумная, безумно любящая Лелю... Как же ты хочешь, чтоб я поняла необходимость жить для Лизы – о нет, каждая умная и добрая женщина будет лучшей матерью.

Мне жаль Лизу, я ее очень, очень люблю, мне хотелось бы видеть ее добрую, любящую и твердую, когда и для нее... настанет страшная минута, но, Огарев, не могу лгать – любовь не переносится с одного на другого, Лиза не может заменить да и бедный бой не мог бы заменить ее, это была моя звезда, в эту темную ночь наших бедствий, когда я чувствовала, что всеми оставлена, я жалась к ней и что, что было для меня в этой маленькой головке... Связь с ней только наружно порвалась, я ее близнец не менее его... Что будет, не знаю, но меня и днем и ночью тянет к ней; может, и не к ней, а к тому неизвестному мученью, через которое она прошла. Мне кажется невероятно, что она страдала так жестоко, а я ничего... Знаешь ли ты, что в субботу, в полночь будет уже месяц³, а мне кажется, что это было на днях. Время, мне кажется, облегчает только неизбежные печали, а те, которые были вызваны самими, те едки – они неутомимы, всегда тут – голова ли клонится от тупой усталости – голос совести моей спрашивает: “Natalie, где твои дети, что ты сделала с ними? Где та, без которой ты дышать не могла? Неужели ты в самом деле можешь жить без нее?” Встанешь, просишь пощады у мозга, у сердца – просишь, чтоб они молчали хоть на минуту, – ведь Лиза одна, ведь я готова, я не боюсь смерти, я бы только хотела, чтоб она была мучительная, мучительная; ведь во время болезни я иначе и не понимала – или она выздоровеет, и тогда вся жизнь будет она *(1 нрзб)* прошлой... или мы обе умрем... Ты скажешь, это эгоизм, да, друг мой, это слабость, ужас этой долгой пытки, а вот она и совершилась...

Прости меня за это письмо, я долго крепилась... подумай, что я в Париже ни слова тебе не сказала об ней – я щадила тебя – с Г(ерценом) тоже мы молчали, но вчера он не выдержал и так горько, судорожно плакал – бедный, бедный, мне его гораздо более жаль, чем себя...

Ну, прощай, вот моя рука.

Твоя Н а т а л и

Sophie я не обвиняю, а говорю, что она меня пытала и я ее боялась^{61*}. До нового года они еще (?) в Париже: 10, Boulevard Malesherbes, m-me Dépret. Лизины книги растеряны, очень досадно, там был альбом с Лелиным портретом...

Рукой Лизы:

Милый Папа Ага, у меня есть розыны. Я получила твоё письмо. Целую тебя

твоя Л и з а

Рукой Тучковой-Огаревой:

Солнце блестит – пойду гулять с Лизой... Если б ты знал, что это за пытка видеть детей, слышать шарманку, слышать лай похожий⁵.

^{61*} Мы говорили с ней и об Ольге и об остальных – если думаешь (?) еще напишу⁴.

28.12.1864 Н.А. Огарев
к Монпелье?

Вчера в 9^{1/4} Тургенев оставил меня,
и рада за него — ему становилось душно здесь.
Он обиделся, возмущался — сидит целый
день, или больше — душно ему очень, душно
и очень тепло, но это странное душно, что
идет из распухших деревьев. Первые же признаки
в порядке, перемена зимы отпала, не-
приятности — (жару) на виллах и в природе
и в... — и тепло, комфорт на них —
потому что в один момент — погода
все время душно — она скрывает и блаженство
буржуазности, которая за меня не покидает
и не думает, не горюет — она не отступает
моя не на одну секунду из комнаты.
Вот мой разрыв с тобой —
Потому, могу сказать обо себе? — Мне
все известно, я подруга своим руками живу
которая так крепко привязана к
к Франции — как прищиплена — и сама
та борзая злобность которую чувству-
ешь — Теперь я пришла к тебе теоретиче-
ски против матери, да, ты прав, я
была не мать, а какая то буржуазка,
буржуазка. Мать — Как же ты
хотел, чтобы я пришла к тебе необходимость
принять для жизни — в итоге, каждая у нас
и добрая женщина будет лучшей матерью.

ПИСЬМО Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ ОГАРЕВУ
Автограф. Монпелье, 28 декабря 1864 г. Лист первый
Международный институт социальной истории. Амстердам

Сейчас пришло твое письмо⁶ – да, верь мне, не бойся меня – но не ошибайся – поправиться после этого удара невероятно, даже и он, не воскреснет – ты не знаешь, что она была в его жизни...⁷ а я знала...

Вот адрес: Metz. Rue Marchant, Maison des Orphelines⁸.

¹ Нат.Ал. приехала с Лизой в Монпелье 14 декабря. Через два дня туда же прибыл Герцен и оставался там до 27 числа, после чего отправился в Женеву на съезд русских революционных эмигрантов (см. XXVII, 554). 28 декабря Нат.Ал. писала Герцену (РП IV, 279–280).

² Герцен возвратился из Женевы раньше, чем предполагал, – 7 января 1865 г. он уже был в Монпелье.

³ Леля-гёрл скончалась в ночь на 3 декабря.

⁴ Ср. публикуемое ниже письмо Нат.Ал. к К. Мишель от 28 октября. *Sophie* – С.Л. Поленова (Левицкая) – двоюродная сестра Герцена.

⁵ Нат.Ал. называет лаем хриплые звуки, издававшиеся близнецами во время их смертельной болезни.

⁶ Это письмо Огарева неизвестно.

⁷ Он – Герцен; она – покойная Леля-гёрл.

⁸ Постоянный адрес Мишель в Меце (название монастыря – “Сиротский дом”, вернее, “Дом девушек-сирот”).

44

3 я(нваря) 1865^{62*}. Hôtel Nevet. Montpellier

3 дек(абря)–янв(аря) – а я жива... Лиза здорова – не тужи об нас... Бедная Лиза – как я; горе все глубже входит [в нее]; на днях она говорит: “Смерть лучше жизни, а не родиться еще лучше...” Спит она тревожно; ей все кажется, что ее берут от меня... Иногда она говорит: “Я боюсь, что ты уйдешь; тогда я отравлюсь; не буду жить без тебя...” Я начинаю замечать, что в том, что она не расстается ни на минуту, есть страх, что я убьюсь, – как это могло войти в детскую головку, не понимаю...

Солнце, музыка и дети, – великая пытка для меня... На Новый год у нас играла музыка целые часы. Лиза обрадовалась, но, когда она увидела мое лицо, она начала судорожно рыдать и просить, чтоб выслали музыкантов. Она страстно полюбила трехлетнюю девочку, темную головку с большими черными глазами... Больно мне смотреть на детей, но я не могу сказать, как сердце исполнено любви к ним, любви ко всем... все личное окончено на земле – люблю всех и чувствую, что всем чужая, – все живы, а я нет... Неужели мы не сумеем окружить Лизу любовью, теплыми сердцами, так чтоб я могла уйти... Мне пора, я знаю, и мне бесконечно ее жаль, мне совестно, что я пустила ее в этот тяжкий мир, я сама не знала его – я старое дитя... Несчастье только научило меня, но оно слишком велико, не под силу; если бы я могла жить, теперь я была бы хороший человек, но теперь поздно – мне пора...

Крепко тебя обнимаю, писала впотьмах, тяжки эти часы.

Гер(цен)... здоров. Саша с ним. Дети переменили адрес: Rome, 136. Via Felice. Саша пишет, что будет здесь 7 г(енваря)¹.

¹ Это письмо неизвестно. Письмо от Огарева Нат.Ал. получила 4 января (см. об этом ниже в письме Нат.Ал. к Герцену от этого числа).

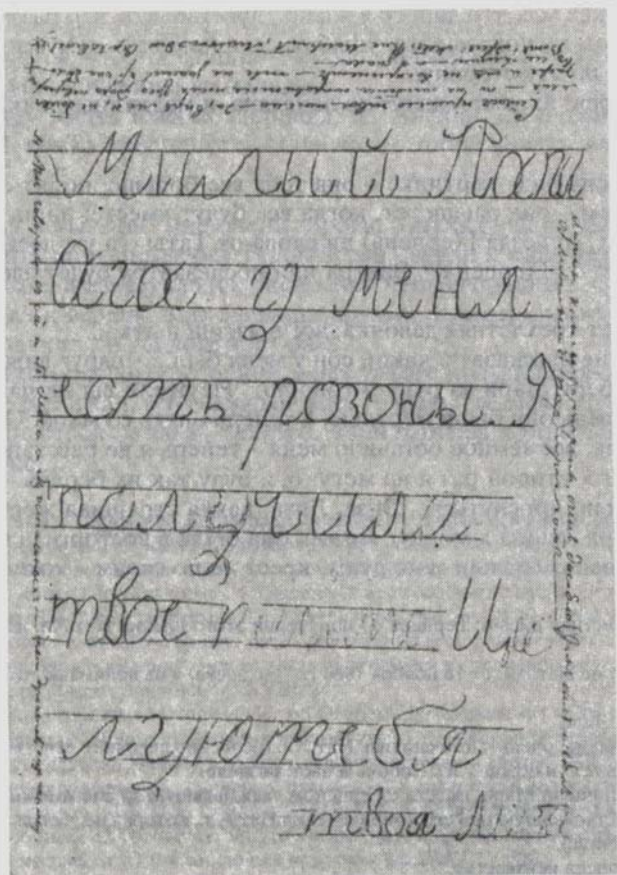
45

6 я(нваря) 1865. Hôtel Nevet. Montpellier¹

Когда, наконец, мы будем вместе, мы поговорим, – я тебе все расскажу – тогда ты, может, сам увидишь, что примиренья, принятия несчастья не может быть.

Вспомни, что только было слово сказать², по разуму поступить – и они были бы живы... Вся моя жизнь была в ней³; завтра 5 недель – а я не могу лечь в постель, всю ночь я вижу их, зову их – почти не плачу⁴, Лиза все слышит и все еще дурно спит –

^{62*} Год написан рукой Огарева. – Ред.

ПИСЬМО ЛИЗЫ ГЕРЦЕН ОГАРЕВУ

Автограф. Монпелье. 28 декабря 1864 г. С приписками Н.А. Тучковой-Огаревой
Международный институт социальной истории, Амстердам

иногда Лиза заставляет меня прилечь на ее постель. О, какая это мука, Огарев, – тогда глаза уж ни за что (не) закроются... Зачем я виновата во всем, зачем такая мучительная болезнь, зачем я их пытала – если б этого всего не было, ночь была бы мой отдых, я бы с ними была в тишине, – с Лизой днем – с ними ночью – но все отравлено упреками; как они едки, от них хочется бежать в могилу – бедные, бедные мои, как мне больно – как страшно...

На мою голову теперь все будет валиться, хотя после всего, что было, мало остается возможности горевать об чем бы то ни было, но мне все-таки больно, как Мари с нами, – я приняла ее как друга, ты знаешь – при Г(ерцене) все шло немного гуманнее, но с его отъезда она перестала с Лизой играть; вся эта тяжесть занимать ее целый день пала на меня одну – а со мной – странная жестокость, ни взгляда, ни слова сочувствия, а иногда, забывая это, я поднимаю на нее глаза, исполненные внутренней муки, наполненные горячими слезами, – ответа нет – такого равнодушия я не встречаю здесь в посторонних¹.

Все здесь добрые к нам, кроме ее, – может, и это входит в мой крест, что та, которая стояла на моем месте, приняла его последний вздох, останется мне и Лизе чужая...

Пусть жизнь шлет уж все за раз, после Лелиной смерти можно все несчастья, все смерти вынести, только бы Лиза не умерла прежде меня, – иногда я думаю об этом с таким ужасом, что, кажется, готова бы бежать... – если б ты знал, Огарев, что зна-

чит держать на руках все, что дорого в жизни, чувствовать, что разлука настанет, и ни словом, ни взглядом не показывать, улыбаться, и целовать, и чувствовать с ужасом, что ты остаешься по эту сторону...

Прощай, Огарев! ах, как я жестоко наказана, и медленным наказанием.

Твоя Н а т а л и

Лиза была очень рада картинке – она тебя все больше любит с каждым днем и ждет с нетерпением – она расцветет, когда все будут вместе; лишь бы можно было приблизить срок. С отъезда Г(ерцена) ни слова от Таты – а уж десять дней...

Сейчас письмо от Г(ерцена)⁶. Завтра или послезавтра будет здесь с Сашей... об тебе тревожится.

С Лизой играет трехлетняя девочка, всё в жизни попытка...

Не могу тебе не рассказать, какой сон у меня был... – вдруг вижу, что дети бегают вокруг меня; беру Мари за руку и говорю: “Неужели вы не радуетесь со мной, Мари? смотрите, ведь они были мертвые, а теперь опять со мной. О, как я рада, Мари, как я счастлива, все земное оставило меня – теперь я не расстанусь больше с ними, о, нет ни за что, второй раз я не могу; о, я буду так их беречь – и ведь я верила ему – ах, как больно проснуться... Лиза, Лиза, какая страшная жертва прожить эти пять недель – вчера ездила к морю с Лизой, она была в восторге, а я была на Голгофе – все воспоминания мutilи мою душу, крест не по силам – хотя и заслужен⁷...

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена. О получении этого письма Нат.Ал. известила его 4 января (см. РП IV, 283).

² Ср. выше в письме Нат.Ал. от 16 ноября 1864 г.: “Ог(арева) я не понимаю; если б он мне слово сказал, я бы осталась...”

³ То есть дочери Леле.

⁴ Покойные близнецы очень часто снились Нат.Ал. (особенно девочка). Многие из этих снов она записывала (см. АО, 248–255 и обзор Т.Ю. Соболев в наст. разделе).

⁵ Жалоба на горничную Мари, вместе с Герценом ухаживавшую за смертельно больным Лелей-бом в Париже и присутствовавшую при его кончине (сама Нат.Ал., которая надеялась спасти от заразы Лизу, жила с ней в гостинице).

⁶ Это письмо Герцена неизвестно.

⁷ Ответ Огарева от 13 января до нас не дошел (см. его письмо к Нат.Ал. от 14 января с упоминанием о том, что он писал ей накануне, см. АО, 19).

Здесь страшная буря – ветер с севера, так что Лиза целый день дома, играет с собакой... Ты не поверишь, как здесь чувствуется холод – не в комнатах, а на дворе... Я что-то мало надеюсь, чтоб Г(ерцен) приехал к марту, он так долго прожил в Париже¹ – искание гувернантки я откладываю до Женевы, а могу съездить в Лозань и там найти, но без личного знакомства это невозможно².

...”Колокол” пришел, поблагодари Тхор(жевского) – скажи ему, что Г(ерцен) везет ему портрет Лизы...

Я не бегу от горя, если я приговорена жить, то хочу страдать, до той счастливой минуты, которая окончит все страдания, – не думать с любовью об этой минуте я не могу – Лиза одна, это правда, но как мало помощи для нее во мне; если есть дело, невозможное для меня на сию минуту, так это воспитанье; еще больше перевоспитанье – для этого нужна твердость, обдуманно(сть), даже некоторая веселость, живость, умение заинтересовать ребенка, все это не по моим силам теперь, а может и вообще (!) у меня нет этого таланта, того влияния взаимной, беспредельной любви, которое было у меня на одного из трех, его нет между мной и Лизой – а между тем время у меня много, Лиза большую часть дня вне дома – теперь она охотно соглашается гулять без меня с Мари, а я пользуюсь этим и по целым дням сижу дома – выходить попытка да и дома скверно – нужно бы дело, чтоб насильно работать – но не придумаешь, читать часто не хочется, иногда читаешь, а думаешь о другом... а впрочем, может, все к лучшему...

Что же Неф(тель) думает о твоём здоровье; может, тебе бы лучше было в Канн... Мне кажется, что ты слишком много занимаешься ходом болезни; я боюсь, что это имеет дурное влияние на болезнь³...

Прощай, буду ждать письма Г(ерцена) из Англии, он очень редко мне писал⁴. Жму твою руку – Лиза тебя целует. – Она всех с тобой познакомила...

Твоя Натали...

Письма папа и Mazzini⁵ мне очень дороги, буду беречь их для Лизы...

Если ты опять пойдешь через Тед(дингтон), зайди к садовнику, отцу Хенриеты, Мари от моего имени известила их, они были очень огорчены... Сочувствие простых людей мне ближе к сердцу, а от здешних друзей, несмотря на их доброту, хотелось бы бежать... Получил ли ты портрет боя?⁶...

Ну прощай; сегодня хотя и солнце, а нет такого праздничного вида, как обыкновенно, ветер все разогнал, а то каждый день солдаты, музыка, шарманки, толпы народа на площади перед окнами, так что, не выходя из комнаты, я присутствую на вечном празднике...

¹ Герцен оставался в Париже до 13 февраля, после чего отправился в Англию для ликвидации своих дел; он пробыв в Лондоне около месяца. 28 января Огарев писал А.А. Герцену: "Хотелось бы, чтоб он обработал дела и побывал бы у меня и опять бы тотчас же поехал к ним, ибо я понимаю, как их одних оставлять нельзя" (см. книгу 1-ю наст. тома). 4 февраля Огарев сообщил Герцену, что послал Нат.Ал. накануне "коротенькое письмо" (неизвестно). – Ср. "Лит. наследство", т. 39-40, с. 402.

² В своей приписке к письму Герцена от 22 февраля Огарев рекомендовал Нат.Ал.: "Оставайся в Монпелье, пока не пришел последний срок отъезда, и оставайся в отели, ибо этот срок недолог (...) Вероятно, меньше чем через месяц увидимся" (XXVIII, 24).

³ 24 января Герцен сообщал М. Мейзенбуг об Огареве, находившемся в это время в Женеве: "Известия об Огареве неважные. Приступы болезни повторяются с прискорбной периодичностью (этого раньше не было) – каждую неделю. Нефтель требует еще месяц покоя и диеты" (XXVIII, 24). Подробный отчет о своей болезни Огарев дал А.А. Герцену в письме от 28 января (см. его в книге 1-й наст. тома).

⁴ Герцен написал Лизе и Нат.Ал. 11 или 12 февраля, покидая Париж (см. XXVIII, 33). О своем приезде в Англию он сообщил ей тотчас же, но это письмо, как и другие письма к Нат.Ал. за вторую половину августа (кроме письма от 22 числа), до нас не дошли (ср. ЛЖГ IV, 98).

⁵ 12 января Дж. Маццини, в связи с гибелью близнецов, написал Нат.Ал. большое и проникновенное письмо, в котором, основываясь на своих глубоких религиозных и мистических убеждениях, заверял ее, что страдает вместе с ней, и дал несчастной матери ряд морально-этических советов, способных, по его мнению, смягчить ее горе и содействовать благородному исполнению своего долга по отношению к ней самой и окружающим (см. АО, 17–18). В течение 1865 г. он обменялся с Нат.Ал. несколькими письмами (см. там же, 19–31).

⁶ *бой* (boy – англ. мальчик). Имеется в виду покойный сын Герцена и Нат.Ал. – Леля.

(Монтрё. 17 января 1866 г.)¹

Сегодня Лиза, как большая, расспрашивала, увидавши письма: "Что́ они там, что́ папино здоровье, что́ Тата?" Мы прочли с ней половину "Детства"² – вечером она вздумала сама сочинять сказки, насилу можно было ее уложить спать – она стала гораздо рассудительнее, никогда не плачет, с каждым днем лучше играет на фортепьяно... Она уморительно мне объясняла сегодня, что мы только учимся, читаем, едим, спим и гуляем, а ничего полезного не делаем для дяди³, а он нам присылает деньги; я говорю: "Так учись, Лиза, а то и никогда ничего полезного не сделаешь". К Тате она уже несколько дней всё пишет, что недовольна письмом своим, серьезно с Бакстом советовалась, что́ просить у Таты, – потом говорит: "Bakst, je veux parler avec vous, je veux écrire des contes, p(ou)r les enfants, puis je veux traduire, vous corrigerez, et nous enverrons à дядя, il imprimera chez Chernetsky ou d(an)s le *Kolokol* ce que lui plaira"⁶³*. Что же тебе больше сказать об нашей жизни – все тихо и пасмурно, вот дня

⁶³* Бакст, хочу говорить с вами – я хочу писать сказки для детей, потом я хочу переводить, вы поправите, и мы пошлем их дяде, он напечатает у Чернецкого или в "Колоколе" то, что ему понравится" (франц.).

два как нельзя выходить – лужи; Лиза гуляет на террасе, miss T(umer) опять сильно кашляет... Погода мешает Лизе видаться с Идой. Мне ходить некуда с тех пор как Каш.(?) нет. На днях опять ходили пешком в Веве – но теперь дороги надолго грязны; палец мой не болит, но устаёт, и я не могу им держать перо – ноготь почти не растёт, однако я стала немного играть на фортепьяно в 4 руки с одной дамой – вообрази, что она принесла 5-тую симфонию⁴ – многое напонила мне она, но я, невзирая на это, стала ее твердить усердно – и выписала разные вещи в этом духе; погода, вероятно, помешает нашей игре...

У меня было письмо от Нины⁵, она очень огорчена, а отец, принял хладнокровно – старость, или, как мой дедушка⁶ говорил, те ближе к нам, чем вы, молодые⁷... Русским здесь конца нет – но мы ни с кем более не познакомились – об Астра(кове) слышал Бакст, он не помнит от кого, от москвича, но слух этот верный – Авдеев уехал в Cannes. Я послала карточку с поклоном Доктору⁸... Он будет полезен Авдееву...

Я Баксту так много говорила об Астр(акове) и потом этот проезжий, что ему захотелось с ним повидаться, но, по-моему, если его там заметили, то он со временем принесет огромную пользу дома.

Ну прощай, страдания не исключают мир. Я не волнуюсь, и желаний личных у меня нет⁹.

На обороте:

Огареву

¹ Приблизительная дата устанавливается по предположению, что это письмо является ответом на письмо Огарева от 15 января 1866 г., адресованное Лизе; в нем он шуточно осведомился, пишет ли она сказки и как намерена поступить с ними. В письме к А.А. Герцену от 20 января Огарев пересказывает эти слова Лизы (см. книгу 1-ю наст. тома).

² *«Детство»* -- повесть Л.Н. Толстого.

³ Дядей Лиза называла Герцена до того как ей было сообщено (в 1869 г.), что она его дочь.

⁴ 5-я симфония – без сомнения, прославленная симфония C-moll Бетховена. В.П. Боткин в 1840-х годах сравнивал с этим шедевром начало статьи Герцена «О буддизме в науке» (см. II, 265).

⁵ Это письмо от Нины Саффи неизвестно.

⁶ Алексей Алексеевич Тучков-старший.

⁷ В письме к Лизе от 15 января Герцен известил, что посылает для Нат. Ал. письма от Бессон и г-жи Вентури, сообщавших что-то важное о Дж. Маццини и А. Саффи (см. XXVIII, 142). Маццини был в это время серьезно болен; вскоре он умер.

⁸ Доктор – вероятно, врач Л. Кост из Монпелье, очень симпатизировавший Герцену и сочувственно относившийся к Нат.Ал. после смерти ее близнецов.

⁹ В недатированном письме к Герцену, написанном около 18 января, Нат.Ал. отмечала: «С Огаревым трудно переписываться, внутренние мы далеки, он живет, по мне, не в реальном, а в фантастическом мире, он упрекает себя во всем, что находит во мне дурного, как будто такая ответственность логична; я знаю, что случайно он был причиной твоего сближения с Г(ервегом) и со мной, но ведь это случайность; как же человек развития О(гарева) может на себя эту кару класть – ведь это сумасшествие, мне его жаль, но я не думаю, чтоб он когда-нибудь мог смотреть просто на вещи» (см. ниже публикацию писем Нат.Ал. к Герцену – п. 26; ср. *РП* IV, 218–220 и 263–266).

Известие о твоём ушибе нас сильно испугало – я предлагала тотчас ехать – но Г(ерцен) отложил до свиданья с тобой – во всяком случае, мы скоро увидимся, и, может, многое дурное сотрется при этом свиданье¹. Мы старые, Огарев, и мне кажется, что пора бы устроиться поближе для того, чтоб так не бояться вечно и быть в возможности протянуть руку друг другу. Прощай, береги себя, плохо будет Г(ерцену) без тебя – но этого и не может быть – Лиза очень хотела ехать, несмотря на то, что ей здесь хорошо. Если тебе долго надо будет лежать, я вперед записываю в сиделки Тату², Ольгу, себя и Лизу – она тоже уже может тебе громко читать. Прощай, дай твою руку дружески, как я протягиваю свою.

¹ Огарев в ночь на 20 февраля сломал себе ногу (см. письмо Герцена к сыну от 21 февраля об этом происшествии и о своем немедленном выезде к другу в Женеву – XXIX, 280; см. также в наст. кн. отклик в письме Таты к Герцену от 22 февраля (Тата и Ольга в это время находились во Флоренции)).

² См. ниже письмо Таты к Герцену от 22 февраля, в котором она просила отца разрешить ей съездить к Огареву и поухаживать за ним.

49

(Середина августа 1868 г.)¹

Давно мы не переписывались – но, во-первых, ты все знаешь о нас, что может тебя интересовать. О себе мне сказать нечего, об Лизе Г(ерцен) расскажет²... Я хотела сказать тебе только, что здоровье Г(ерцена) меня беспокоит, – он теряет память, раздражителен, нервен – усталый – путешествие наше совершилось очень хорошо и тихо – Лиза была терпелива и умна, и при всем том потеря ключа достаточно – но я хотела просить тебя, чтоб ты его не огорчал в ваших серьезных разговорах³... Я знаю, что отношение к тебе – самое дорогое ему – и что ему очень тяжело будет не понять тебя или понять, что вы иначе смотрите – щади его любовь к тебе и его любовь к тому, что для него истина.

Прости за эти советы; может, ты подумаешь, что я не имею права их давать и, может, это правда – но есть случаи, когда бросаешь в сторону все права.

Прощай – продолжай быть здоровым, и, если можешь, глядя и на меня без предубеждения.

N.

¹ Дата устанавливается по содержанию письма.

² Герцен, Нат. Ал. и Лиза незадолго до того совершили путешествие по Франции, Эльзасу и Швейцарии. Герцен, продолжавший путешествие один, должен был в Женеве встретиться с Огаревым.

³ Раздражительность Герцена, как оказалось, являлась следствием диабета, которым он незадолго до того (очевидно, в декабре 1864 г.) заболел. 5 мая 1866 г. Огарев писал ему: “Я с глубоким горем смотрю на возрастание твоей раздражительности(...) Мне кажется, что своей раздражительностью ты много теряешь влияния кругом себя(...) Я знаю, что в отношении к Натали раздражительность естественнее, и потому еще менее для самого тебя заметна; а может и тут надо попробовать другой путь – и этот путь – воскресить в ней все трагические воспоминания и ими поставить ее на другой диапазон, а действительные споры устранять. И это сделать можешь ты – я едва ли могу...” (“Лит. наследство”, т. 39-40, с. 422–423).

50

(Нион. 17 сентября 1868 г.). Четверг¹

Вчера мы получили телеграмму из Парижа: “Examination admirable, Vichy à présent, Carlsbade au printemps”^{64*2}. Стало, нам следует ехать в Лион, мы постараемся устроить так, чтоб увидаться с тобой еще раз³... Гер(цен) после Vichy приедет к тебе... Нечего говорить, что если б делали поправку в ноге, не хочу называть это операцией⁴, то хотелось бы, по крайней мере, быть недалеко, чтоб хоть слышать, как идет, – но, возможно ли и удобно ли, предоставляю тебе и Гер(цену) решать... Может, в моем молчанье с тобой ты не замечаешь чувства дружбы и заботы, и вот поэтому-то я иногда чувствую потребность высказать тебе это хоть в письме. Жалею искренно о разговоре, который был при тебе⁵, – он безвыходен – а между тем есть обстоятельства, которые заставляют желать хоть какого-нибудь решения – обстоятельства эти всегда были, но я их не так ярко видела... Вы оба думаете, что это эгоизм во мне; я, напротив, вижу, что это мешает многому хорошему в моих отношениях с другими. Эгоистически, право, мне нечего желать, каждый день несет мне боль воспоминаньем – а жить я хочу и должно для Лизы, пока она не на своих ногах, а расстаться с моими воспоминаниями – этого я ни для кого и для чего не могу...

^{64*} Обследование прекрасное, теперь Виши, Карлсбад весной” (франц.).

Может, тебе всё это преувеличенно кажется; может, я напрасно это написала – когда даже Г(ерцен) не понимает, что боль – всё боль и что к ней не привыкнешь, а я не менее страдаю, потому что тело мое крепко, что я не падаю в обморок...

Прощай, до свиданья... А как ты ни сердись за это, твоя нога – боль и твоя невозможность ходить – боль внутри моего сердца.

¹ Датируется по связи с письмом Герцена к Огареву от 16 сентября 1868 г., в котором он сообщил те же подробности тщательнейшего медицинского осмотра, которому его подверг в это утро В.П. Боткин. Прославленный врач, с исключительной теплотой относившийся к Герцену, настойчиво рекомендовал ему сразу же пройти курс лечения в Виши, а весной будущего года отправиться в Карлсбад (Карловы Вары) (см. XXIX, 439). Четверг приходился на 17 сентября.

² Приводимая здесь телеграмма, вероятно, написана и послана самим Герценом.

³ В письме от 18 сентября, тогда еще не полученном Нат.Ал., Герцен сообщил свой дальнейший план действий: 20 или 21 сентября отправиться в Виши, чтобы там осмотреться, а 23-го заехать в Лион и сообщить Нат.Ал., ехать ли ей и Лизе вместе с ним в Виши или же поджидать его в Лионе (см. XXIX, 439–441).

⁴ Сломанная кость у Огарева неправильно срослась, и поэтому возникла необходимость ее сломать и произвести необходимую коррекцию. Этой операцией были сильно озабочены и Герцен, и Нат.Ал.

⁵ Без сомнения, очередное выяснение отношений между Нат.Ал. и Герценом.

51

ГЕРЦЕНУ

25 n(ovembre) 1868. Pension Suisse.

Ponchettes. Nice

Мне очень больно, что я тебя дурно поняла, мне слова твои показались так жестоки¹ – если б ты знал, как бы мне хотелось никогда не причинять тебе боли, если б ты знал, она всегда отдается в моей груди, да ведь ты знаешь это – ведь есть же что-то, что ты во мне любишь и понимаешь. А насчет писем прости меня, но тут у меня свой взгляд – нет, я не думаю, что ты прежде (меня) умрешь, будто еще и это должно быть, будто не довольно горя, но, когда я говорила об уничтожении писем², я думала об Лизе, да, мне бы не хотелось ни ее суда над нами, ни ее слез – мы мало думали об ней до ее рожденья, может, оттого мы *должны* бы устранить все черное, что в наших силах устранить. Прости же мне мое непониманье; если это так, дай мне свою руку и приезжай... Я буду тебе, может, лучше сестрой, чем была, – тут никто не может мешать, а может, ты лучше оценишь это чувство, может, в прежнем было много эгоизма, может, было тайное бегство от внутреннего горя – но это дурно, я сознаю, теперь я обещаю тебе, я буду делать все, что могу, для твоего и Лизиного спокойствия, и спокойно буду идти навстречу думам и воспоминаньям...

– Ну прощай, дай мне твою руку так же дружески, как ее беру, и не будем более говорить обо всем этом.

Тата целует тебя, будет скоро писать, я спешила отослать тебе это письмо поскорее³.

Уроки еще не наладились...

Рукой Лизы (на обороте):

Je t'embrasse et je vais t'écrire une longue lettre avec tout ce que je fais.

Adieu, ta L i s e^{65*}

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена.

² Спор вызван был, вероятно, требованиями Нат.Ал. уничтожить ее письма, адресованные Герцену и Огареву.

³ См. ниже письмо Таты к Герцену от 11 ноября 1868 г. из Марселя.

^{65*} Целую тебя и очень скоро напишу тебе длинное письмо обо всем том, что делаю. Прощай, твоя Л и з а (франц.).

52

17 jan(vier 1869)¹. Promenade des Anglais.
Nice, Alpes Maritimes

Я уже писала тебе, что Лизе лучше², она третий день ходит по комнате, играет и немного скучает, но что же делать? Постоянно читаем 1001 ночь – не знаю, что бы и делали без них... Доктор наш – г-н Granvilliers, которого рекомендовал Висконтти Герцену... Он так себе, не глуп, да и не Сологуб... Мне было очень страшно, потому что мне не вселял доверия, но теперь кое-как прошло, он думает, что это была гастрическая лихорадка, желудок почти ничего не выносит, а диету соблюдать с ней трудно...

Будь уверен, Огарев, что если б болезнь приняла более серьезный характер, то я бы написала; зная, как ты пугаешься и как трудно тебе перемещаться, мне не хотелось тебя тревожить по-пустому...

Я так устала, что перемешала письма, но так как у меня нет от вас секретов, то и не жалею о том, только думаю, что тебе будет очень странно и бессмысленно читать. Прощай.

¹ Год устанавливается по содержанию письма.

² Лиза заболела около 15 января. Предполагалось, что у нее оспа (в Ницце тогда была эпидемия этой болезни, которую незадолго до того схватила Тата). 17 января, в тот день, когда написано было это письмо, Герцен сообщил Огареву, что у Лизы "сложная корь с вариолой, в силу чего обе болезни являются слабо" (XXX, 15). Упоминаемое письмо Нат. Ал. неизвестно.

53

172, Rue Rivoli. Paris. 16 янв(апр) 1870

Не тревожься, пока, но помни, что больному необходим покой¹; не тревожь его – будем ходить за ним и стараться, чтоб болезнь сошла с рук. Мы все друг другу помогаем и живем ладно. Мальвида очень добрый человек, я ее полюбила, узнавши поближе. Погода очень тяжела, Ольга и Лиза постоянно жалуются на головные боли, да и я часто; одна Тата не страдает головой, она на первом плане моя помощница.

Озеров дает 3 раза в неделю уроки Лизе – физики, химии, арифметики и русского языка (...)^{66*}. Очень опасная штука – или жара – от чаду, или холод. Я тоже чуть не захворала от женского собрания, но у меня деревянная натура. Ну, прощай, дай твою руку – отложи пока дела, которые тревожат Г(ерцена). Ему отвечать серьезно нельзя, он целый день спит и ночь тоже, Charcot говорит, что это (от) сильного жару, но жар не сухой, он часто бывает в поту.

Рукой Н.А. Герцен:

Печально начинается наша жизнь в Париже. Я так не привыкла видеть Папашу нездоровым, что очень беспокоюсь; но надобно надеяться, что все кончится хорошо. Обнимаю и крепко, крепко тебя целую. Завтра опять буду писать.

Т а т а Г.

¹ Речь идет о предсмертной болезни Герцена. Жить ему оставалось всего четыре дня.

54

(Париж.) 25.1.70

Я тоже ждала строки от тебя¹... Мы остались одни с Лизой навсегда²... Я не могу тебе сказать, что это, не видеть и не слышать его – и знать, что это всегда будет так, – Лиза поняла многое в эти страшные дни.

^{66*} Здесь, по-видимому, недостает одной трети текста (письмо разорвано на три части). – *Ред.*

Вечная тишина, вечная ночь сошла на нас – а надо жить и дорожить жизнью для Лизе (!) и для Тате (!) – мы друг другу нужны, потому что наша скорбь слишком сходна. Прощай – ты был вся его забота во время болезни³.

Н а т а л и

¹Ответ на неизвестное письмо Огарева.

²Герцен умер четырьмя днями ранее – в ночь с 20 на 21 января.

³Как свидетельствует П.Д. Боборыкин в своих воспоминаниях, Герцен «в день смерти, приходя в себя, все спрашивал: есть ли депеша “от Коли”, то есть от Н.П. Огарева. Эта дружба все пережила и умерла только с его последним вздохом» (*Боборыкин* II, 94).

55

⟨Париж. 27 января 1870 г.⟩. Четверг¹

Хотелось писать к тебе, Ага, но не пишется. Надо привыкать жить без него; надо вспоминать и многое себе упрекать – и, может, долго, долго придется так жить. А Лизе надо расти – надо, чтоб хоть я думала об ней... Чего она лишилась! уж лучше, что она этого не понимает. Уж лучше было бы поближе быть – помнишь, как я писала и говорила это². Чей черед теперь? – пусть те, которые останутся дольше, исполняют хоть сколько-нибудь волю тех, которые ушли.

Прощай, дай твою руку, после 64 года я не думала, что могу быть еще несчастнее³.

Твоя N.

¹Первый четверг после смерти Герцена приходился на 27 января.

²См. письмо от 2 февраля 1868 г.

³В декабре 1864 г. умерли дети-близнецы Герцена и Нат. Ал.

56

⟨Париж.⟩ 11-го февраля 70¹

Сказать нечего, Ага, а хочется, чтоб ты знал, что думаю о тебе, о твоей, о нашей боли. Холодная, немая, вечная боль, которая заслонила и покрыла все прошлые, живые боли... Днем чужая жизнь вплетается в мою – а ночью никто не мешает думать – смотрю на спящую Лизу, которую он так страстно любил и которая так мало понимает, что случилось, – и думаю: один выход и для нее и для меня – смерть. А ее надо ждать пассивно... я не смею увлечь ее с собой в эту темную ночь, которая меня манила с 64 года, но его сильная рука, его сильная любовь удержали меня тогда – и отчаяние, негодование оставались, жили во мне до 21 янв(аря). В эту страшную ночь я примирилась с отсутствием детей – мне кажется, что все *должно* было быть – даже мне странно, что в этой пустыне мне оставили Лизу – надолго ли? И куда мне идти с ней? Где дом, где друзья? – всё развалины. Но, впрочем, довольно – тебе не легче будет от этих строк. А что мне сказать иного? – Я ничего не знаю...

Прощай, дай твою руку.

N.

Вспоминаю, что он очень беспокоился о том, что тебя очень легко выслать из Швей(царии), и говорил: “Хоть бы он натурализовался”. Это было бы нетрудно, ты 6 лет в Женеве безвыездно² – о Брюсселе не думай – тебя тотчас вышлют, не стоит пробовать, – подумай и напиши мне об этом³.

¹Письмо написано через три недели после смерти Герцена, на бумаге с траурным бордюром.

²Огарева больше устранивало получение гражданства в Англии.

³Ответное письмо Огарева неизвестно.

Hergzen

23 janv. 79

grand éclipse sur le globe! et ce grand, énorme,
un! un est par aprem -

Le voir de cent millions d'hommes! c'est
c'est hier, le grand représentant du Slaven,
Iskander-Hergzen est mort

bien nommé! Hergzen — cela veut dire:
dix mille ans. — Il en avait

et bien ~~nombre~~ Iskander. Celui qui jeta la
pièce au colosse du tzarisme, c'est bien plus que
Scanderbeg, c'est un Alexandre le grand

hier matin, j'y allai pour me renseigner sur
l'acte. Et on me dit: Il est mort

Il est mort! Et qui parlait pour cette
grande race immense? — c'est une Europe d'orient,
tout un monde qui perd le ~~grand~~ voix

Il a dit la grande parole: "Le tzarisme
est un accident. Il y a une vraie Russie, immense,
et point ennemie"

ainsi ce qui le ~~grand~~ mystique, notre cher Nicholoz
avait dit, l'est répété par le raisonneur Hergzen,

НЕКРОЛОГ ГЕРЦЕНА. НАПИСАННЫЙ ЖЮЛЕМ МИШЛЕ

Автограф. Париж, 23 января 1870 г. Лист первый

Международный институт социальной истории, Амстердам

"Великое затмение на земном шаре! а Париж, невежественный, даже не заметил этого. Голос ста миллионов людей замер вчера, великий представитель славян Искандер-Герцен скончался (...)" (Жюль Мишле. Некролог Герцена)

(Женева.) 8 мая 1870 г.¹

Вечером на собрании² ты был усталый и, может, не заметил в конце сцену, которую, к несчастью, все видели. Собрание было прервано диким неуважением лица, которое четырнадцать лет возле тебя; этого и я не ожидала. После этой сцены ты поймешь, что ни я, ни Лиза мы не можем бывать в твоём доме. (Лиза не знает, что было.)

Пожалуйста, Огарев, не предлагай никаких примирений – ведь ты очень хорошо знаешь, что я *никогда, ни в чем* не оскорбила m-me Sutherland. Примирение может быть только между людьми, которые имеют что-нибудь общего – между тобой и m-me Sutherland) привычка, а между мной и ей – ровно ничего.

Прощай, не сердись на меня за это решение, уважение к тебе и к себе заставляет меня жертвовать многим для общего покоя.

Твоя N.

¹ Письмо написано на бумаге с траурным бордюром.

² 7 мая русские эмигранты в Женеве собрались для решения вопроса – должны ли они выразить публичную солидарность с С.Г. Нечаевым, преследуемым швейцарскими властями. В своих воспоминаниях Нат. Ал., вероятно, не совсем точно излагает эпизод о столкновении ее с Мери Сетерленд, пришедшей в полночь за Огаревым. По словам мемуаристки, Мери была пьяна и с ругательствами приблизилась к ней, размахивая кулаками (Тучкова-Огарева, 265). См. об этом эпизоде в публикуемом ниже обзоре писем Нат. Ал. к Е.С. Некрасовой.

21 янв(аря) 72. Цюрих¹

Милый Ага,

Мы очень виноваты перед тобой; все откладывали день за днем да и от тебя ждали писем². Что ты все не решаешься нам рассказать твои планы? – я все боюсь, что это ошибка, – Цюрих стал похож на Женеву: конечно, серьезного ничего не делается, но, вероятно, все эти Александровы³ мешают юношам спокойно заниматься, а ведь, верно, и ты допускаешь, что надо же сначала учиться, думать и понимать, освободиться лично от многого, прежде чем освобождать других⁴. Я боюсь что Мих(аил) Алек(андрович) опять увлекся Нечаевым и пр., это было бы непростительно на старости лет; довольно он с Нечаевым погубил молодых сил России. Легкомыслие нейдет к почтенным годам. Ты не сердись за эти слова, это мое искреннее убеждение, Нечаеву я никогда не прощу, а Мих(аилу) Алек(андровичу) я прощала, только воображая, что он раскаивается, что шел рука в руку с плутом и что многие поплались жизнью (!), каторгой, ссылкой, эмиграцией – и это великое несчастье. – Я знаю и понимаю, что ты жаждешь деятельности, но время прошло, когда отсюда можно было иметь влияние на Р(оссию); теперь работа черная в реформах в самой Р(оссии), а здесь только обширное поле для правительственных агентов, которые надувают старых революционеров, чтоб их влиянием губить русскую молодежь за границей. На твоём месте и на месте Мих(аила) Алек(андровича) я бы очень скептически относилась ко всем этим таинственным революционерам. Уверься, Ага, что за границей не может больше быть серьезной пропаганды. Я это откровенно говорю, потому что хотела бы убедить тебя не держаться так за Женеву – лучше было бы поселиться всем в одном городе, чтоб друг другу закрыть глаза, принять последнюю волю, когда и наш час настанет, наконец; верь мне, если б была какая-нибудь возможная деятельность, я бы ни минуты не колебалась, что тебе лучше оставаться в Женеве, но как ни больно вывести тебя из заблуждения, я считаю это долгом. Позорный процесс Нечаева⁵ убил надолго доверие к вожакам, роль обманутого Мих(аила) Алек(андровича) даже смешна – все эти попытки только погубят несколько личностей при их возвращении в Р(оссию) – это не значит, что Р(оссия) должна остановиться, она пойдет своими путями, которых нам отсюда не видно, а нам надо по-

ка жить, надеяться и умирать на чужой земле, не теряя никогда упования на будущность Р(оссии). Никакое Третье отделение не остановит ее.

Прощай, дай твою руку и не сердись – и не думай, что я отрекаюсь от нашего прошедшего, нет, никогда, но мне кажется доблестнее гордо сложить руки, чем представлять Дон-Кихота.

Твоя N.

¹ Письмо написано на бумаге с траурным бордюром.

² В письме от 8 февраля Нат. Ал. так объясняла Огареву, почему не пишет: "Лень, писать нечего – мало людей видим, мало слышим" (АО, 86).

³ Эмигрант-бакунист В.М. Александров собирался в это время выпускать вместе с Заблочким журнал в Цюрихе (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 441). Позднее он издавал в Женеве брошюры (там же, с. 776). Под "всеми этими Александровыми" Нат. Ал. подразумевает и других "бакунистов" – таких, как друг Огарева Н.В. Соколов, намеревавшийся основать в Цюрихе русскую типографию. Огарев желал принять в этом предприятии активное участие (см. его письмо к А.А. Герцену от 28 декабря 1872 г. в книге 1-й наст. тома).

⁴ Ср. с известным афоризмом Герцена: "Когда бы люди захотели, вместо того, чтоб спасти мир, спасти себя, вместо того, чтоб освободить человечество, себя освободить, как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человека" ("С того берега" – VI, 119).

⁵ Имеется в виду открытый судебный процесс "нечаевцев" в Петербурге (июль – август 1871 г.).

59

(Начало апреля (?) 1873 г.) Villa Lèbre,
Boulev(ard) Trespoyé. Pau. Basses Pyrénées¹

Милый Ага,

Очень тебе благодарна за чай, но я опять писала Habel'y², что это не совсем тот чай, у последнего нет аромата, а этих *thés pectorals*^{67*} очень много – может, он найдёт тот, который только от кашля дается...

Детям не очень хорошо, вероятно, от погоды³; впрочем, я со страхом ожидаю весну. Я писала Косту, описывая состояние больных, – он находит тоже, что Леля безнадежен, и даже думает, что ему недолго остается жить⁴, а он ходит, занимается, читает; как все это ужасно, не умею сказать, – эта мысль всегда со мной, и как я одинока! В эти минуты чувствуешь, что друзей нет, – Лизу надо бы держать подальше, и между тем это невозможно – часто ей не с кем выйти, а между тем здесь на юге нельзя ходить одной... Вдобавок, в доме лестницы, которые быстро измучили меня и довели до страшной слабости – однако я не хочу занемочь... авось...

Как странно и тяжело отсутствие Таты в такую эпоху – Герцену было бы больно знать, что между Лизой и Мейз(енбуг) она выбрала Мейз(енбуг)⁵. Talandier, когда его мать умирала, а ребенок был болен, остался для ребенка. Тата поступила противоположно – она осталась с развалинами и предоставила юную жизнь на произвол несчастий и горестей. Наболело как-то и сорвалась жалоба с души – извини... Постараюсь ко всем относиться спокойно, бесстрастно, и ни на кого не считать, как на преданного друга...

6 марта Ольга вышла замуж – она и Monod написали мне и Лизе дружеские письма⁶; кажется, они должны бы быть счастливы, а впрочем, как угадать? Не знаю, куда им отвечать...

На днях Тутс мне писал, он тоже жалуется, что Тата его забывает⁷; бедный ребенок, хорошо, что его живость спасает его.

Рука моя всё болит, но левой так медленно пишется, что скучно... Кланияйся Пану⁸, он бы мог нас одолжить, заплативши за 3 мес(яца) за фортепьяно, остальные 28 я вышлю к 1 апрелю с твоими 500. Куда-то он отправится, наш Juif égant^{68*}, верно, к Ольге в Париж. Ему нужны пиры, веселья да счастливые лица – этого всего у нас не имеется. Что-то в Цюрихе русские революционные газеты не выходят – Лавров не занял Kronberg'a – мой хозяин не согласился, и мне приходится платить за Kronb(erg) до апр(еля).

^{67*} грудных чаев (франц.).

^{68*} Вечный жид (франц.).

Прощай, крепко жму твою руку...

Дети и Лиза радуются видеть тебя в мае – но... кто знает, где мы будем.

N.

Папá все обещает приехать летом⁹.

¹30 января 1873 г. Нат. Ал. и Лиза отправились из Женевы в г. По (Нижние Пиренеи) к больным чахоткой Алеше и Мане Сатиным (см. выше в книге 1-й наст. тома) письмо Огарева к А.А. Герцену от 30 января, а также к Т.П. Пассек от 7 марта ("Лит. наследство", т. 39-40, с. 600).

²Это письмо неизвестно.

³12 апреля Огарев сообщал А.А. Герцену: "Натали пишет весьма тревожные письма о детях С(ати)на), которые, кажется, недолго проживут (...) Стану писать к ней сегодня же" (книга 1-я наст. тома).

⁴Неизвестна и переписка Нат. Ал. с врачом из Монпелье, другом Герцена Л. Костом.

⁵Одна из навязчивых мыслей Нат. Ал., чуть ли не до конца жизни жаловавшейся на то, что Тата Герцен после смерти отца не осталась жить с нею и Лизой, а предпочла уехать в Париж к своей замужней сестре Ольге, и продолжала поддерживать сердечные отношения с бывшей воспитательницей М. Мейзенбург. Между тем, Тата от всей души стремилась наладить совместную жизнь с мачехой и младшей сестрой, но Нат. Ал. сама делала их существование под одним кровом невыносимым (см. ниже письма Нат. Ал. к Е.С. Некрасовой и вступительную заметку к ее письмам Огареву).

⁶Эти письма остаются неизвестными.

⁷Письма Тутса до нас не дошли.

⁸Пан – С. Тхоржевский.

⁹А.А. Тучков вскоре приехал к своим больным внукам Сатиным.

60

(По.) 13 мая 73. Villa Lèbre

Милый Ага,

Отчего ты не пишешь? не случилось ли что у вас? – Черкни словечко.

Мы провели две страшные недели... Леся был очень плох – все время в постеле – четыре раза кровь шла по стакану, теперь он очень слаб и мрачен, а жары наступили, и нам пора бы убираться, а то ему будет еще хуже, но как везти его с этой слабостью? А тут еще Маня и Лиза...

Может, через десять дней выедем отсюда, медленно подвигаясь к Женеве... Ну если он не вынесет дороги, Ага, как ужасно сидеть с ним и с двумя малолетними... Что будет с ними тогда?¹ Ах, как Тата меня мало любила, как я в ней ошиблась, она так легко относится к нашему безвыходному положенью, и всегда в письмах² с беспокойством говорит, что у Терезине (!) будет еще ребенок и что у них никого нет, как будто это не бывает каждый день в молодых хозяйствах; жалеет Мальвиду, что ей нужно квартиру сдавать, а у Мальвиды друзей немало во Флоренции; только об нас она не думает – ни одного знакомого, не только что друга, и эта страшная дорога впереди! Люди из народа отворачиваются и утирают слезы, глядя на нас, – только Тата нас не жалеет.

Леся будет очень огорчен, потому что если он тебя и увидит, то все же он говорить не может от слабости и от опасенья кровотечения. Что-то будет с ним, бедный, кажется, и он теряет надежду. Велел братьям сказать, чтоб писали и прислали бы свои карточки. Как они дружили все. Прощай, милый Ага, я надеюсь, что ты получил вовремя деньги из Флоренции.

Не знаю, успею ли еще написать; как приедем, дам тебе знать – пришлю Лизу, я никогда не могу отлучаться из дому; вероятно, мы будем ехать только по ночам, жара для него опасна. С тяжелым чувством страха и ужаса пушусь в путь и с новой утратой – да, больно и живых терять. Я много плакала над Татой, она забыла отца и Лизу, а если она бы страдала, я все же подала бы ей руку. Но теперь не хочу ее видеть, хочу привыкнуть, что она не больше как Саша и Ольга для меня и что я ни для себя ни для Лизы не должна на нее считать. Это очень тяжело, и я жалею, что давно не знала этого. Крепко жму твою руку – пиши, как здоровье Мери и поклонись ей от нас ровно и Непгу.

N.

Ты можешь еще писать сюда – отъезд не назначен³.

Рукою Лизы Герцен:

Cher Aga, tu n'a pas écrit depuis longtemps au milieu de toutes les inquiétudes que je ne sais pas ce que tu fais! Nous nous verrons bientôt à Genève.

Je t'embrasse. Adieu

L i s e^{69*}

¹Получив это сообщение, Огарев писал 17 мая А.А. Герцену, что взволнован "будущим исходом", т.е. близкой смертью молодого Сатина (см. кн. 1-ю наст. тома).

²Это письмо Таты Герцен к Нат. Ал. неизвестно.

³8 июня Огарев сообщал А.А. Герцену из Женевы: "А эти дни я был занят приездом Натали, Лизы и детей Сатина. Юноша и девица (лет 16-ти и 17-ти) в сильнейшей чахотке, а милее я ничего не знаю" (кн. 1-я наст. тома).

61

(Начало декабря 1873 г.). 30, Zeltweg. Zürich¹

Милый Ага,

Искала везде для тебя Пушкина, но не нашла, а здесь много русских изданий, в Лейпциге напечатанных... Надеюсь найти Рылеева, а об Лермонтове напишем в Давос², тотчас вышлют. Твои стихи можно выписать от Трюбнера – тебе он все-таки уступит за полцены... Как же это Henry путешествует во время лекций? Ничего не понимаю...

Что Gandolfi с своими лекциями? – merci за его статью... Какой он странный человек! Но мысль его – переводить стихи на итальянский язык очень умна – ни один язык так хорошо не передаст, как этот, – с итальянского переведут на другие³.

Вот мы опять с Лизой под одной крышей, у директорши ей было очень голодно, и я взяла ее под предлогом, что скучно одной жить, – но она продолжает ходить в школу. Мы тоже живем на самом верху – у нас только три комнаты и кухня, зато три вида разные: на весь город, на горы и на озеро – даже балкон, просто роскошь. Из Давоса до сих пор слухи хорошие – что-то даст весна, – из дому бывают письма, но не от papà, должно быть, он написал мне в Турин, когда я думала туда ехать. Лиза, наконец, учится охотно, особенно геометрии и алгебре, а в школе опять проходит арифметику; кажется, (я) могла бы умно расчесть свою жизнь – а кто знает? Давно ничего не слыхать об Ольге? здорова ли она? Я, наконец, кончила "Кто виноват?", теперь перевожу статью из "Поляр(ной) звезды" – "Venezia la bella" и "La belle France", помнишь? – А потом примусь за IV том "Был(ого) и дум". У меня какое-то нетерпенье в работе, как будто боюсь, что не кончу⁴. А как знать, иногда вдруг выйдешь в "бессрочный" отпуск! Пожили, можно и отдохнуть, особенно когда живых близких почти никого не осталось...

Прощай, не знаю, успеет ли Лиза написать – у нее теперь учитель⁵. Хочешь перевести "Онегина"?⁶ Напиши. У нас есть Нат(алья) Алекс(андровны) экземпляр, она, вероятно, будет рада, как должна быть каждая русская. Укрепи Gandolfi в мысли перевести все лучшие стихотв(орения) русские.

Крепко жму твою руку – кланяйся М(ери). Меня просят узнать, кому m-me Chemiezку продала русский шрифт, – это можно бы узнать у Браун(а), знакомого покойного Чернецкого.

Милый Ага, напиши Трюбнеру насчет твоих стихотворений – только тисненые да пересылка. Он тебе дешевле уступит.

Из письма Гандольфи я вижу, что у тебя есть Диккенс – стало, не нужно⁷.

¹Ответ на неизвестное письмо Огарева. Датируется по связи со следующим письмом Нат. Ал. от 27 декабря, в котором идет речь о переводе Огаревым стихотворений русских авторов, т.е. о реализации замысла, упоминаемого в этом письме, а также о ряде других фактов.

²В Давосе тогда лечились чахоточные племянники Нат. Ал.

^{69*} Милый Ага, ты так давно не писал среди всех этих тревог, что я не знаю, что ты поделываешь! Мы вскоре увидимся в Женеве. Целую тебя. Прощай. Л и з а (франц.).

³О Д.-Б. Гандольфи и его сотрудничестве с Огаревым в переводе на итальянский язык русских поэтов, в том числе самого Огарева, см. в "Лит. наследстве", т. 62, с. 741. О Гандольфи Огарев упоминает в письме к сыну Герцена от 20 апреля 1872 г., называя его своим "старым другом". Гандольфи рекомендован был Огареву Дж. Машини. Он собирался перевести на итальянский язык "С того берега". Были ли где-либо опубликованы итальянские переводы Огарева-Гандольфи из русских поэтов, не установлено (ср. АО, 150, где в фамилии его опечатка: *Гондолера*). Незданное письмо Гандольфи к Огареву (1873) хранится в РГБ (ср. ОРО, с. 192, № 591). Огарев, по-видимому, сохранил свои связи с Гандольфи и в последние годы своей жизни, поскольку в письме от 8 мая 1875 г. он упоминает, что должен ему написать.

⁴О работе Нат. Ал. над переводом сочинений Герцена на французский язык см. во вступительной статье, а также в обзоре Т.Ю. Соболев в этом же разделе.

⁵О каком учителе здесь идет речь, не установлено – вернее всего о Е.Ф. Литвиновой (см. в АО, 308 и ниже).

⁶Огарев начал переводить "Евгения Онегина" на итальянский язык. Перевод этот неизвестен.

⁷Очевидно Огарев просил Нат. Ал. прислать ему сочинения Диккенса.

62

27 дек(абря) 1873 г. 30, Zeltung. Zürich!

Милый Ага,

Извини, что не тотчас отвечала² – было много дела для праздников, хотя праздники для меня давно не существуют.

Насчет твоих дел вот что я знаю – С(атины) должны были платить тебе проценты с уплаты постепенной капитала – их дела были так плохи, что они этого не исполняют; теперь есть надежда, что они скоро поправятся. Капитал, который у них, отчасти принадлежит Герцену – как ты, вероятно, помнишь сам. Поэтому легально ничего делать не нужно³, ты можешь написать письмо мне или детям; впрочем, если б ты и ничего не сделал бы, я помню желание Герцена, чтоб Мару получила пожизненной пенсией в сумму, нужную для одного человека, – теперь же вас трое было⁴. Итак, ты видишь, Ага, что я об этом думала и помню как твои, так и Герцена желанья – и буду следить за тем, чтоб это было исполнено аккуратно. Уход Мару за тобой я бы больше ценила, если б она оставляла тебя более в покое, но, признаться, больно видеть близкого человека, которого день и ночь караулят.

Мне бы хотелось знать, решаешься ли ты серьезно оставить Швейц(арию). Конечно, во Флоренции тебе было бы лучше, потому что Саша там поселился и со временем мы с Лизой тоже переедем в Италию, но, пока Лиза учится, это невозможно. Италия гораздо симпатичнее, об языке не заботься, Мару быстро выучится, как все англичанки, знающие немного по-франц(узски), а жизнь там гораздо дешевле...

Переезд осенью будет очень нетруден. Если ты решишься, лучше фортепьяно теперь не покупать, а купить его в Италии, переезд ужасно портит.

Продолжай же свои переводы с Гандольфи "Онегина" и твоих стихотворений – Лермонтова ты, вероятно, получил из Давоса. Если найду купить Рылеева, пришлю тоже; но пока переводы твои стихи.

Получил ли ты деньги от Георга и сколько? мне нужно знать для счетов.

Писал ли ты в Давос? *Не забудь, что они думают, что их отец только что скончался*⁵.

Кетчер жив – но в полной реакции, о тебе и Герцене при нем не говорят⁶.

Лиза тебя целует, учится очень хорошо, читает целый день, но ленива ходить.

Кланяйся М(ару) и Н(енгу). Получил ли он место в Манчестере?⁷ это было бы отлично.

Забыла поздравить с новым годом, но для тебя, как для меня, что в нем? вот 10 лет как я встречаю его без радости⁸.

¹На этом письме присутствует позднейшая помета – неустановленным почерком, по-французски: "Скопировано Виспино в декабре 84 г.". Виспино (по-итальянски – *живчик*) – прозвище кн. А.А. Мещерского. На верхнем поле письма чьи-то цифровые выкладки и помета N3.

²Письмо, на которое отвечает Нат. Ал., неизвестно. Огарев упоминает о нем в письме к Н.А. Герцен от 31 января 1874 г. (см. его в разделе "Огарев" книги 1-й наст. тома).

³В письме, адресованном в Цюрих неустановленному лицу (надо думать, К. Фогту) от 27 августа 1874 г. (IISG), Нат. Ал. указала, что долг Сатина не может быть затребован официально, ибо это привело бы к конфискации денег русским правительством. Таково было мнение и самого Фогта, обратившегося

29 марта 1870 г. к швейцарскому консулу в Петербурге А. Глинцу по поводу "павлово-сатинского долга" и костромского имения Герцена, секвестрированного русским правительством. В своем письме Фогт ходатайствовал о том, чтобы консул потребовал у Сатина "точного отчета насчет долга наследникам Герцена с обязательством регулярно выплачивать проценты установленного размера" (ААН, 242–245). Протестуя в письмах к Г. Моно и к детям Герцена, против уменьшения предназначавшейся для него и Мери пенсии, Огарев продолжал свои демарши и перед наследниками Сатина.

⁴Упомянутые выше протесты Огарева, обращенные к Г. Моно, А.А. и Н.А. Герцен, напечатаны в кн. 1-й наст. тома.

⁵О смерти Сатина (10 мая / 28 апреля) Огарев известил 16 июня свою племянницу В.С. Плаутину (Звенья VII, 402).

⁶См. отрицательный отзыв Т.А. Астраковой о Н.Х. Кетчере в ее письме к Нат. Ал. от 2 мая 1883 г. (АО, 283).

⁷Т. Сетерленд получил тогда два предложения насчет работы. По-видимому, он колебался, какое из них принять. 24 августа В.М. Озеров посоветовал ему остановиться на первом варианте, т.е. взять место воспитателя в Киеве (см. "Лит. наследство", т. 62, с. 442). В декабре Огарев сообщил А.А. Герцену, что Генри доехал до места назначения и занял предложенную ему должность.

⁸В декабре 1864 г. умерли Леля-гёрл и Леля-бой. Особенно терзала Нат. Ал., как мы знаем, смерть девочки.

Т.А. АСТРАКОВОЙ, Т.П. ПАССЕК И Е.А. САТИНОЙ

Обзор Т.Ю. С о б о л ь

Потребность фиксировать на бумаге возникающие мысли и чувства и подвергать анализу свои поступки проявилась у Н.А. Тучковой-Огаревой очень рано. Ее сестра Елена поддерживала в ней эту склонность¹. Ранние дневниковые записи, сделанные еще в России, возникли из необходимости постоянного духовного общения с сестрой. То же можно сказать и о следующей серии документов – неотправленных письмах Натальи Алексеевны к сестре и связанных с ними записках *для себя*, которые были сделаны после ее приезда в Лондон (1856). Напечатанные отрывочно в томе четвертом "Русских пропилеев"², они позволяют представить себе ее внутренний мир, противоречивость и хаотичность которого она сама хорошо сознавала. "Я все делаю, хорошее и дурное, порывами, но разума нет в моих действиях, боже мой, как мне больно понимать себя так ясно..."³.

К уже опубликованным ранним записям примыкают следующие неизданные отрывки из дневников, написанные на отдельных листках и обращенные к сестре вскоре после переезда Натальи Алексеевны вместе с Огаревым из России в Лондон.

"Вот, наконец, наступило совершенное смирение, я уж не ишу оправданий, я смотрю и вижу с ужасом, – записывает она, по-видимому, в 1857 г., – как мало я понимала жизнь, как часто увлеклась, как требовала, желала невозможного, – теперь уж ничего не желаю и не жду – больно отзывается во мне причиненное мною страдание Огареву, как ненужно я мучила его, но, может, это к лучшему, зато я его люблю чище, с большей верой, а как сердце ноет – в нем слышна та боль, которая бывает на другой день после похорон близкого существа, и пусто, и тихо, и чего-то недостает, и все желанья идут мимо, ни на чем не останавливается душа и нечего желать; спать, отдохнуть, очиститься хочется, но сил, сил мало. Я исполню долг свой с любовью и преданностью, потом поеду непременно взглянуть на своих, на мою Елену, на ангела⁴, в присутствии которого душа моя очистилась; бедный ребенок, не знаю, что будет с тобою, но знаю только, что ты никогда не знала цены тому свету, который ты внесла в мою жизнь. Я жила тобой, несмотря на то, что не всегда была возле тебя, но я так тебя люблю, что даже расстояние, разлука бессильны. Я помню и понимаю нынче ребячий вопль твой, страшное предостережение в минуту моего отъезда. Да, если б я ничего не сумела сделать для детей, отъезд бы мой был ненужное, страшное преступление. Столько принести жертв и ничего не сделать, да неужели это возможно, неужели это сбудется (и) я снесу эту жизнь; разве моя натура в самом деле так груба, так жалка? Часто я перелистываю до последнего листа свою душу, в ней много наболтано дурного, хорошего мало, оно таятся по уголкам и лепится к дурному; какую надо любовь, чтоб отыскать его, да и от кого я вправе требовать эту любовь, да и за что? Ну что же я делаю такого, за что бы можно было меня так безумно любить?"

* * *

Вчера я безумно, несправедливо унижала жизнь, чтоб доказать ему⁵ и себе, что неудовлетворение мое справедливо. Я говорила жестко и горячо, оскорбительно грубо выражалась обо всем, сегодня все требования, неудовлетворения кажутся мне недостойными меня, жалки-